

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (12)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: Юго-Восточная Азия

Соколовский А.Я. От редактора рубрики 5

Золотухин И.Н. Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность 7

Глазкова Е.А. Каодаизм в современном мире 18

Роговцева А.В. Календарные праздники Вьетнама 27

Сучкова Е.В. Образ вьетнамской женщины в мифах и истории Вьетнама 33

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Осипова Э.В. Европейское и восточное театральные искусства в метакультурном пространстве 41

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Караман В.Н. Русский Дальний Восток как стратегический плацдарм гегемонии в Азии. (1860-е – 1960-е гг.) 55

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бениконский Л.Б. Проблема взаимопонимания России и США и российский лоббизм 62

АНАЛИТИКА

Журбей Е.В. Договор о европейской безопасности: перспективность российских инициатив 81

ПРАГМАТИКА

Ковылина Е.В. Ролевая игра как средство обучения корейскому языку при культурологическом подходе 92

НАУКОВЕДЕНИЕ

Литошенко Д.А. Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. 100

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Соколовский А.Я. Культурно-образовательные центры ДВГУ как инструмент продвижения русской культуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии (на примере Вьетнама) 110

Голуб А. В. К 10-летию таеведения в ДВГУ 116

РЕЦЕНЗИИ

Лукин А. Л. Перевоплощения японской геополитики (рецензия на книгу В. В. Совастеева «Геополитика Японии с древнейших времен до наших дней») 119

Владивосток
2010

СОКРАЩЕНИЯ	126
НАШИ АВТОРЫ	127

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский,
А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина,
В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова,
В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Д.А. Литошенко, О.В. Лобода, О.И. Шестак.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

<http://www.ojkum.ru/>

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (12)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: SOUTHEAST ASIA

- Sokolovskij A.J.** From the editor of a heading 5
- Zolotuhin I.N.** Malaysia in the Aspect
of the Ethnoconfessional Situation:
History and Modern Time 7
- Glazkova E.A.** Caodaism today 18
- Rogovceva A.V.** Calendar holidays of Vietnam 27
- Suchkova E.V.** The image of Vietnamese woman
in the myths and in the Vietnam History 33

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Osipova E.V.** European and east theatrical arts
in metacultural space 41

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

- Karaman V.N.** Russian Far East, as strategic base
of hegemony in Asia. (1860 – 1960) 55

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

- Benikonskij L.B.** The problem of the mutual understanding
between Russia and the United States of America
and the Russian lobbying 62

THE ANALYTICS

- Zhurbey E.V.** European Security Treaty:
prospects for Russian initiatives 81

THE PRAGMATICS

- Kovilina E.V.** Role game as means of training
to the Korean language at the cultural approach 92

STUDY OF SCIENCE

- Litoshenko D. A.** Condition of regional researches
in the south of the Far East of Russia by the end
of the first decade of XXI century 100

SCIENTIFIC MESSAGES

- Sokolovskij A.J.** Cultural-educational centers of FESU
as the tool of promotion of Russian culture
in the countries of Southern and Southeast Asia
(on an example of Vietnam) 110

- Golub A.V.** By the 10 th anniversary of Thai Studies in the
Far Eastern University 116

REVIEWS

- Lukin A.L.** Reincarnations of the Japanese geopolitics
(The review of V. V. Sovasteev's book «Geopolitics of Japan
since the most ancient times up to now») 119

Vladivostok
2010

REDUCTIONS	126
OUR AUTHORS	127

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, A.M. Kuznetsov,
D.A. Litoshenko, O.V. Loboda, O.I. Shestak.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

<http://www.ojkum.ru/>

От редактора рубрики

Юго-Восточная Азия – наиболее динамично развивающийся субрегион Азиатско-Тихоокеанского политико-экономического региона мира, население которого (АТР) насчитывает 3,5 млрд. чел. Это означает, что большая часть населения Земли проживает сегодня в этом регионе. Из пятидесяти стран АТР десять являются странами Юго-Восточной Азии. Это Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины. К настоящему времени в этих странах сложились внешне очень разные, но внутренне близкие политические системы. При внимательном рассмотрении они представляют собой сложное сочетание западных и восточных институтов. По форме они напоминают политические системы Запада, но по содержанию – ритуалу и политической культуре – сохраняют свою восточную сущность. Классическую демократию, в том смысле, как ее понимают в Европе, здесь найти трудно. В регионе существуют авторитарные и демократические режимы, республиканские и монархические формы правления, выступающие, в конечном счете, лишь внешней оболочкой власти политических и экономических элит. Даже серьезные перемены, произошедшие на Филиппинах (1986), в Таиланде (1992), в Индонезии (1998) эту картину не изменили. Везде у власти продолжает находиться сложный конгломерат сил, опирающийся на гражданскую и военную элиты. По-видимому, этим можно объяснить то, что разноликость политических режимов в этих странах не стала помехой в их сближении и консолидации в едином блоке АСЕАН, превратившимся сегодня в стабильную международную и региональную организацию со сложившимися отношениями.

Юго-Восточная Азия (ЮВА), при всем многообразии государств, ее составляющих, относится к одному и тому же экономическому региону, к одному тому же буддийскому культурному ареалу. Страны, входящие в него, характеризуются высоким уровнем внутрирегиональных торгово-экономических, политических и культурных связей. Причем значение этих стран в современных международных отношениях неуклонно растет. По темпам экономического роста многие страны ЮВА (например, Вьетнам) сегодня опережают даже Китай. Развивающиеся страны ЮВА представляют собой один из общепризнанных «центров роста» открытой экспортно-ориентированной модели мировой экономики. Именно поэтому, сегодня к ним приковано внимание всего мира.

В предлагаемом номере «Ойкумень» представлено несколько работ, посвященных Малайзии, Вьетнаму и Таиланду, а также вопросам их изучения и продвижения русской культуры в эти страны.

В открывающей данную рубрику статье И.Н. Золотухина «Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность» освещается этноконфессиональная ситуация, сложившаяся внутри одной из самых богатых мусульманских стран ЮВА, анализируется этническая структура малайзийского общества, рассматривается история формирования аборигенных и пришлых этнических групп. Отдель-

но рассматриваются особенности столкновений на межэтнической почве, а также политика правительства Малайзии по урегулированию межэтнических конфликтов.

В статье Е.А. Глазковой «Каодаизм в современном мире» рассказывается о каодаизме, новом религиозном учении, возникшем в 20-е годы XX века. Автор описывает процесс распространения каодаизма в западных странах, при этом особое внимание обращается на то, какие изменения претерпело данное религиозное течение за время антиколониальной борьбы и холодной войны, и то, каким образом оно смогло приспособиться к постиндустриальным условиям.

Работа А.В. Роговцевой «Календарные праздники Вьетнама» посвящена рассмотрению обычаев и обрядов народов Вьетнама, связанных с такими вехами годичного цикла как новогодний народный праздник Тэт, сельскохозяйственные и буддийские праздники. Обращение к изучению календарных обычаев, обрядов и праздников, по мнению автора, способствует возрождению интереса к собственной культуре.

Традиционная культура вьетнамского общества является объектом исследования и для Е.В. Сучковой. В ее статье «Образ вьетнамской женщины в мифах и истории Вьетнама» освещается общественная активность вьетнамских женщин, их участие в национально-освободительной и политической борьбе, в том виде, в каком оно нашло отражение в устной традиции.

Помимо статей, вошедших в рубрику «Юго-Восточная Азия», вопросы, связанные с этим регионом, рассматриваются в опубликованных в настоящем номере научных сообщениях А.Я. Соколовского и А.В. Голуб.

В работе А.Я. Соколовского «Культурно-образовательные центры ДВГУ как инструмент продвижения русской культуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии (на примере Вьетнама)» не только говорится о важности изучения культуры и языков стран Юго-Восточной Азии, но и поднимается вопрос о необходимости восстановления былой популярности и авторитета русского языка в этих странах, которые значительно снизились после развала СССР и установления нового порядка в мире. На примере положительного опыта работы Вьетнамского культурно-образовательного центра ДВГУ автор показывает одну из возможностей продвижения русской культуры во Вьетнам и другие страны ЮВА.

Работа А.В. Голуб посвящена истории становления таеведения на Дальнем Востоке, а именно в Дальневосточном государственном университете, на базе которого создается Дальневосточный Федераль-ный Университет. Автор кратко освещает историю развития российско-тайских отношений, обращает внимание на динамику развития международных связей между Приморским краем и Таиландом и необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов – таеведов, способных обеспечить региональные российско-тайские отношения.

Соколовский А.Я.

УДК 323. 1

Золотухин И.Н.

Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность

Malaysia in the Aspect of the Ethnoconfessional Situation:
History and Modern Time

В статье освещается этноконфессиональная ситуация, сложившаяся внутри страны, анализируется этническая структура малайзийского общества, рассматривается история формирования аборигенных и пришлых этнических групп. Отдельно рассматриваются особенности столкновений на межэтнической почве, а также политика правительства Малайзии по урегулированию межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: *бумипутра, Рукунегара, НЭП, ОМНО, цивилизованный ислам.*

In the article the ethnconfessional situation which has developed in the country is clarified, the ethnic structure of the malaysian society is analyzed, the history of formation of the indigenious and alien ethnic groups is considered. The peculiarities of the interethnic conflicts and the policy of the government of Malaysia on settlement of the interethnic conflicts are separately considered.

Key words: *bumiputera, Rukunegara, New Economic Politics, United Malay National Organization, the civilized Islam.*

Малайзия или Федерация Малайзия – государство Юго-Восточной Азии, динамично развивающегося субрегиона АТР. Малайзия входит в интеграционную группировку АСЕАН и является одним из инициаторов ее создания. За недолгую историю независимого существования страна добилась серьезных успехов в своем развитии, демонстрируя быстрые темпы экономического роста и достаточно высокий уровень жизни населения.

В то же время, Малайзия исторически является полиэтничным государством, на формирование этнической структуры которого оказали влияние миграционные процессы, торговля, миссионерская деятельность, колониальная политика западных стран. Как и для многих полиэтничных стран, для Малайзии остается актуальной проблема этноконфессиональных противоречий, хотя они не протекают столь остро как у соседей – Индонезии и Филиппин. Напротив, на протяжении 40 лет в стране не наблюдается жестоких столкновений на этнической почве. Малайзия демонстрирует внешнему миру опыт межэтнического взаимодействия, при котором делается ставка на бесконфликтное существование и компромиссы. Однако внутри малазийского общества слишком

сильны противоположные тенденции, что откладывает отпечаток на этноконфессиональную ситуацию в целом.

В географическом аспекте Малайзия состоит из двух частей, разделённых Южно-Китайским морем: Западная Малайзия, или Малайя, занимает южную оконечность полуострова Малакка. Восточная Малайзия (традиционное название – Сабах и Саравак) расположена в северной части острова Калимантан. Численность населения Малайзии превышает 25 миллионов человек (43 место в мире) [12]. Весьма разнообразен этноконфессиональный состав страны [13, с. 59]. Более 50 процентов населения Малайзии – малайцы-мусульмане. Китайцы составляют 23,7 процентов населения, большинство из которого буддисты, даосы и конфуцианцы, и лишь небольшое количество идентифицируют себя как христиане. Индийцы составляют 7 процентов населения, среди которого большинство – приверженцы индуизма и буддизма, хотя среди них встречаются сикхи, мусульмане и христиане [12]. Оставшиеся 16 процентов составляют различные этнические группы, аборигенное население Малакки и о. Калимантан, и рабочие-мигранты, большинство из которых являются индонезийцами [24, с. 26].

Население Малайзии состоит из более 180 этнических групп [19], большинство составляет коренное население или бумипутра («сыны земли») – малайцы и бумипутра-немалайцы в штатах Сабах и Саравак (11 % населения) [12]. По Конституции Малайзии, малайцы – это мусульмане, которые соблюдают малайские обычаи и традиции, независимо от расовой принадлежности [4]. Немалайские группы бумипутра составляют больше половины населения штата Саравак (из которых 30 % – это ибаны), и около 60 % населения штата Сабах (из которых 18 % – кадазан-дусуны и 17 % – баджаусы) [12]. Кроме того, на полуострове Малакка проживают группы аборигенных этносов, известных как Оранг Асли («истинные люди» – в переводе с малайского языка), численность которых составляет около 150 тысяч человек. Оранг Асли в социологическом отношении подразделяются на 3 главных группы: семанги (негрито), сенои и протомалайцы, которые, в свою очередь включают 18 субэтнических групп. Языки аборигенов относятся к австроазиатской и австронезийской языковой семье [9].

В Малайзии также проживают выходцы из стран Ближнего Востока, Таиланда и Индонезии и их потомки. Есть европейцы (например, британцы), которые обосновались в Малайзии с колониальных времен; в Малакке существует этническая общность Кристанг (малайские креолы – потомки от связей и смешанных браков португальцев и малайцев). Небольшое число выходцев из Камбоджи и Вьетнама обосновалось в Малайзии со времен войны во Вьетнаме (1965-73 гг.).

Китайцы являются второй по численности этнической общностью Малайзии, составляя порядка 6 миллионов человек населения страны [12]. История ее формирования уходит корнями в доколониальный период, когда на территорию Индокитая, Малакки и островов Малайского архипелага прибывали торговцы из Поднебесной.

Большинство китайских иммигрантов прибывали на территорию страны из южного Китая (провинции Фуцзянь и Гуаньдун). С XIX века начинается массовый приток китайцев на территорию Малайи, причем трудовые мигранты (кули) соседствовали с китайскими предпринимателями. Первоначально большинство китайцев рассматривали это место скорее как временное пристанище, но уже в начале XX века китайская община становится значимой в социально-экономическом плане, уступая в системе этнической иерархии в Малайе только англичанам. Изначально китайцы жили обособленно от аборигенов и западных колонистов, не принимая активного участия в социально-политической жизни,

занимаясь в основном ремеслами, торговлей. У малайских китайцев сформировались очень сильные землячества, сохранявшие контакты с материковым Китаем. В настоящее время большинство китайцев сконцентрировано главным образом на западном побережье Малайзии, где численность китайского населения превышает 30%, в штатах Пенанг, Перак, Селангор, Джохор, а также в столице Куала-Лумпур [19].

Большинство малазийских индийцев является потомками иммигрантов из Южной Индии, прибывшими в Малайю в период британского колониального владычества. Гораздо раньше (в XI веке) на Малайском архипелаге появляются торговцы-тамилы, которые оказали значительное культурное и экономическое влияние на развитие островов архипелага и Малакки. В XVII веке Голландская Ост-Индская Компания обращалась к тамилам как к посредникам в отношениях с населением Малайского архипелага [8]. В 1947 году подавляющее большинство (почти 99%) мигрантов из Индии были тамилами и выходцами с Юга. Небольшое число северных индийцев – пенджабцев, бенгальцев, гуджаратов и синдхов, селилось в основном в городах и очень скоро сформировало значительные деловые сообщества. В настоящее время численность индийцев достигает 2,5 миллиона человек. Большинство представителей индийского сообщества – тамилы, но также присутствуют малайялисы, пенджабцы и гуджараты [7, с. 37].

Несмотря на то, что большинство населения страны составляют мусульмане, Малайзия не является классическим исламским государством, для нее характерна формула «полиэтническое общество с доминированием малайцев», в котором всем гарантируется свобода вероисповедания [15, с. 29]. Эта формула, стала результатом постколониального развития страны, получившей независимость в 1957 году, как Малайя. Гегемония малайцев получила концептуально-политическое выражение, став результатом компромисса между основными этнополитическими силами Малайзии: ОМНО – Объединенной Малайской Национальной Организации, МКА – Малазийской китайской Ассоциации и ИКМ – Индийского Конгресса Малайзии. Немалайскому населению (китайцам и индийцам) было предоставлено признание их «законных интересов (экономических прав), права на гражданство ... и место жительства, так же как и их ... свобода сохранять, практиковать и распространять свою религию, культуру и язык» [18]. В свою очередь, малайцы «сохранили свои главные национальные символы: султанов, особое положение (статья 153 Конституции), язык (как официальный язык – статья 152 Конституции), и религию» [18].

Малайцы закрепили статус коренного населения, «бумипутра». Их особое положение по Конституции Малайзии обеспечивает верховный правитель (Янг ди-пертуан агонг). Статья 153 гласит, что те, кто «исповедует религию ислам, говорят на малайском языке, и придерживаются малайских обычаев», обладают специальными правами в трех сферах: коммунальное обслуживание, образование и бизнес, не ущемляя права других этнических групп.

Малайзия представляет собой государство религиозного плюрализма. Согласно Завави Ибрагиму, 153 статья Конституции «имеет самый важный юридический характер и является важнейшим юридическим документом, который провозглашает руководящие принципы для государства-нации в управлении как этническими процессами, так и процессами формирования национальной идентичности» [18]. Эта статья (как и 152, признающая национальным языком страны малайский) задумывалась как «этническая сделка», которая должна была выразить дух взаимной терпимости и уважения, а также защитить уникальное этническое (бангса) и расовое (каум) разнообразие Малайзии от наси-

лия, которое имеет место быть в других полиэтничных странах. Таким образом, статья 153 не только иллюстрировала взаимную терпимость и уважение среди различных этнических групп Малайзии как нечто внедренное в сознание граждан за всю историю существования Малайзии, как многообразного сообщества, но и давала основания для проведения политики мультикультурализма.

Однако соглашение между тремя политическими организациями требует тщательного анализа. Во-первых, ОМНО не желала предоставить равное гражданство немалайским сообществам из-за опасения того, что китайцы и индусы, доминирующие в социально-экономическом отношении, могли лишиться малайцев их суверенных прав. Малайцы были убеждены, что из-за колониальной политики британской администрации, способствовавшей усилению позиций китайских и индийских иммигрантов, была разрушена мирная жизнь и существовавший традиционный уклад. В результате китайцы и индийцы, разрушившие традиционные устои, стали доминировать над малайцами, эксплуатируя ресурсы страны.

ОМНО нужна была поддержка от китайцев и индусов, для того, чтобы управлять страной в качестве единого политического фронта. Кроме того, в первые годы своего существования ОМНО нуждалась в экономической поддержке со стороны богатой китайской общины для того, чтобы помочь малайцам-себянам в преодолении бедности.

С другой стороны, у китайцев и индийцев не было иного выбора, кроме как уступить согласиться на «дифференцированное гражданство», потому что для малайских руководителей было политически невозможно предоставить им равное гражданство после резкого выступления против идеи Малайского Союза [15, с. 29-31].

При премьер-министре Тенку Абдул Рахмане началась замена англичан на ответственных государственных должностях малайцами. Между тем самих малайцев беспокоило то, что количество индийцев и китайцев в их стране достигло 45 процентов. В 1963 году было создано независимое государство Малайзия, в состав которой также вошли населенные малайцами Сингапур, Сабах и Сарвак. В 1965 году Сингапур, возглавляемый Ли Куаном Ю, вышел из состава Федерации [6, с. 147].

В то же время, независимость Малайзии не снимала с повестки дня проблему бедности. Согласно Ибрагиму, «средний доход 10 процентов всех домашних хозяйств уменьшился на 31 процент, от 49 до 33 долларов в месяц за период с 1957 по 1970 годы» [18]. На первый план вышла проблема резкого экономического неравенства, и этническая принадлежность играла здесь существенную роль: в то время как значительная часть представителей китайской и британской общин продолжали процветать, малайцы и индийцы оказались в состоянии бедности. В городах был высокий рост безработицы, от которой страдали китайские и растущее число малайских мигрантов. Неспособность правящей партии создать жизнеспособный малайский средний класс стала источником безработицы среди растущего числа малайского населения в городах [18].

На фоне обострения социальных противоречий постепенно набирали силу оппозиционные партии, среди которых наибольшей популярностью среди населения пользовались левая Партия Демократического действия (ПДД), умеренное Народное движение Малайзии (Геракан Ракьят Малайзия), в которых доминировали китайцы, а также правая Панмалайская исламская партия (с 1971 года – Всемаалазийская исламская партия (ПАС)), лозунги которых нашли отклик среди бедных слоев малайцев [21, с. 77]. Оппозиционеры выступали с конкретными предложениями, которые должны были коренным образом изменить status quo и направить развитие страны в благоприятное русло. В частности ПДД

выступала против специальных прав малайцев, а ПАС – за усиление позиций ислама. Лидерство ОМНО не отвечало интересам большинства населения, в том числе и малайцев, уровень жизни которых неуклонно сокращался. Малайцев беспокоил высокий процент китайцев и индийцев, и активное вовлечение китайцев в политическую сферу. Китайцы и индийцы считали, что привилегии малайцев должны носить временный характер, и все граждане должны обладать равными правами. Росло недовольство, которое к концу 1960-х годов вылилось в политический кризис, причиной которого стало поражение ОМНО на выборах. Оппозиционные партии организовали 13 мая 1969 года в Куала-Лумпуре митинг в честь своей победы, который закончился массовыми беспорядками [27, с. 29-33].

Причиной массовых беспорядков, выступлений и насилия на этнической почве во многом стало социально-экономическое неравенство. Почти 6 000 жителей Куала-Лумпура, большинство из них китайцы, лишились домов и собственности, 178 человек (главным образом китайцы) были убиты в ходе беспорядков. Неправительственные источники заявили о гораздо большем числе погибших среди мирного населения [17, с. 65]. За четыре дня ситуация стабилизировалась, хотя некоторые случаи насилия фиксировались в течение двух месяцев.

События в Куала-Лумпуре выдвинули на первый план проблемы, с которыми столкнулось молодое полиэтничное государство, изо всех сил стремящееся найти собственную идентичность и сплотить народы Малайзии.

Бунты 13 мая изменили социально-экономическую политику Малайзии. Признаком изменения курса государства стало создание Министрства национального единства, которое разработало новую идеологию Рукунегара («Договор о верности государству»). Правительством начало долгосрочный курс реформ, которые должны были к 1990 году перестроить общество, сплотив все этнические общности, и создать «нового малазийца». Способом достижения этой цели стала Новая экономическая политика (НЭП). В 1974 году была создана коалиция Барисан национал (Национальный фронт), которая объединила большинство политических партий страны [27, с. 29-33].

Новое правительство, под руководством Тун Абдул Разака, провозгласило проведение Новой Экономической Политики (НЭП) во многом для того, чтобы сократить уровень бедности среди малайцев. Майкл Пелетц, антрополог, являющийся экспертом по проблемам Юго-Восточной Азии, утверждает, что НЭП был мерой, направленной на «реструктурирование общества, с одной стороны, перекраивая традиционные материальные и символические связи между этническими общностями, с другой стороны, перестраивая их экономическое положение» [24, с. 245]. Эта политика реструктурирования общества включала в себя этническую и расовую политику, где малайцам были предоставлены специальные возможности. Пелетц считает, что таким образом «правительство старалось помочь малайцам (среди которых преобладало сельское население) догнать китайцев и индийцев, осуществляя распределение правительственных ссуд, субсидий и других возможностей (университетских званий, лицензий, кредитов и т. д.)» [14, с. 245]. Эта политика усилила взаимопонимание различий между малайцами и немалайским населением.

Политика правительства была направлена на то, чтобы увеличить численность малайцев среднего класса. Китайская община, несмотря на недовольство подобной политикой, не имея серьезных рычагов политического давления, вынуждена была согласиться с действиями правительства. В результате китайские бизнесмены стали больше работать

с малайцами, активнее вступать с ними в отношения. Эти отношения шутливо называли «партнерства Али-бабь». Малайцы могли учиться у китайских бизнесменов тонкостям торговли, в то время как китайские бизнесмены использовали в своих интересах сотрудничество с малайцами, расширяя свой бизнес [24, с. 246].

Успехи НЭП были очевидны. Уровень образования среди малайцев значительно вырос. За период с 1970-ых по 1993 годы численность малайцев, принадлежащих к среднему классу, возросла от 18 до 28 процентов. Число малайцев, проживающих в сельской местности, сократилось с 65,2 до 33,5 процентов [15, с. 30]. Но, несмотря на очевидные достижения НЭП, многие малайцы оставались недовольными этой политикой, поскольку она помогла далеко не всем, и привела к формированию двух классов малайцев: тех, кто извлек выгоду из НЭП и тех, кто ее не извлек. Среди недостатков НЭП можно отметить широко распространенную коррупцию и покровительство избранным фирмам и дельцам, исходящее от государственной власти, так называемый – *crony capitalism* (в переводе с английского – «капитализм закадычных друзей»), «капитализм для своих», «приятельский капитализм»). Этот термин давно и прочно прижился в международном политическом лексиконе и характеризовал собой феномен, получивший распространение и в других странах Юго-восточной Азии [1, с. 164-166].

Некоторые ученые справедливо отмечают, что недовольство малайцев НЭП питало исламское движение в Малайзии, всплеск которого приходится на 1970-ые годы. Исламское возрождение в Малайзии начинает формироваться на протяжении 1920-ых и 1930-ых годов, как инструмент распространения исламского национализма, выступающего за реформирование общества по мусульманским обычаям [18]. Всплеск исламского возрождения в Малайзии хронологически совпал с активизацией исламских движений на Филиппинах, в Индонезии, Египте, Ливии и Пакистане.

Одной из исламских групп стало Исламское Молодежное Движение Малайзии (ИМДМ) во главе с молодым Анваром Ибрагимом, позднее ставшим министром финансов Малайзии и заместителем министра, который был отправлен в отставку и заключен в тюрьму по обвинению в содомии. Отставку и арест министра инициировал Мохатхир Мохаммад, возложивший на него вину за тяжелые последствия азиатского финансового кризиса 1997 года для Малайзии. Большое влияние имела ПАС, которая боролась за превращение Малайзии в Исламское государство.

Ученые рассматривают исламское движение (даквах) в Малайзии как «мощный инструмент артикуляции моральной оппозиции правительственной политике развития, традиционным и формирующимся классовым структурам, другим этническим группам и прочим схожим явлениям, либо их комбинации» [24, с. 246]. Это движение изначально стремилось «вдохнуть новую жизнь в местный ислам и местное мусульманскую общину, активно поощряя изучение Корана и хадисов для воспроизведения более исламского образа жизни» [24, с. 246]. Кроме того, движение не только выступало против издержек НЭП, оно также сопротивлялось капиталистической модернизации Малайзии, считая этот путь подражанием Западу. Движение стало тревожным звонком для малазийского правительства, поскольку растущий мусульманский средний класс мог избрать для себя путь исламского возрождения.

Исламизм усиливал растущую враждебность между малайцами и немалайцами и в период НЭПа. Немалайцы чувствовали угрозу не только своему социально-экономическому положению, но и праву исповедовать свою религию. Как отмечает Роберт Хэфнер: «Поскольку правительство не рассматривало исламское движение как угрозу и не

предпринимало решительных мер борьбы против него, в обществе усиливался раскол между малайским и немалайским населением. Идейные лозунги исламского движения «отдавали» этническим шовинизмом, который укоренялся в межэтнических и межрелигиозных отношениях и усиливал социальную дистанцию между сообществами [15, с. 51].

Рост неравенства и напряженности между различными этническими сообществами подрывал политику реформ 1970-ых и 1980-ых годов, а создание к 1990 году «нового малазийца» за счет сплочения всех этнических общностей виделось очень отдаленной перспективой. Возможность сплочения народов для того, чтобы из множества культур создать гармонично развивающуюся нацию, мыслилась правительством посредством причастности всего населения Малайзии к идее общесоциального выбора в пользу национального единства, однако зачастую действия правительства в формировании «нового малазийца» воспринимались другими этническими группами, как стремление переплавить их в тигле малазийского (мусульманского) общественного устройства.

В 1981 году премьер-министром Малайзии становится доктор Махатхир Мохаммад, под руководством которого правительство предприняло меры, чтобы управлять исламским движением. В качестве одной из мер противостояния исламу правительство использовало свои программы исламизации, суть которых состояла в защите и пропаганде умеренного ислама в свете политики мультикультурализма. Кроме того правительство начинает институционализацию ислама, «основывая исламскую банковскую систему, способствуя проникновению ислама в административные структуры, и открыв Исламский Международный Университет» [13, с. 64]. ИМДМ вошло в ОМНО, перестав играть роль сильного союзника исламистов. Усилия правительства, подкрепленные бурным экономическим ростом, привели как к стабилизации ситуации внутри Малайзии, так и к медленному, но устойчивому пониманию значимости правительственного курса по укреплению национального единства для всего населения Малайзии независимо от расовой и религиозной принадлежности [5, с. 66-68].

На рубеже XX-XXI вв. Малайзия превращается в одну из самых развитых стран ЮВА. Несмотря на то, что азиатский экономический кризис 1997 года нанес удар по экономике и, следовательно, по благосостоянию людей, в Малайзии не было замечено насилия на этнической почве, которое имело место в соседней Индонезии.

Можно выделить следующие факторы, способствующие формированию этнического плюрализма и снижению уровня этнической напряженности:

1. Появление сильного среднего класса, как среди малайцев, так и среди немалайцев, привело к созданию образованного и в чем-то толерантного общества, способного идти на контакты с представителями разных этнических групп.

2. Новое жилищное строительство в городах, таких как Куала-Лумпур, Ипох, Джорджтаун и Джохор Бару привело к размыванию этнически однородных районов. Поскольку для горожан большое значение в процессах социальной мобильности имеют их группы интересов, а не традиционные связи [2, с. 112], то, таким образом, в городах начинает формироваться новое поколение малазийцев, ежедневно сталкивающееся с проявлениями мультикультурализма.

3. Реформа образования (после бунтов 13 мая 1969 года), создала более грамотное общество, поскольку школы перестали быть привилегией для богатых. Кроме того, школьники и студенты из разных этнических групп могли получить образование независимо от этнического происхождения. Двери китайских и индийских школ стали открыты для

малайцев, что позволило им изучать дополнительный язык или использовать в своих интересах лучшие возможности получения образования, предлагаемые в этих школах. Эти факторы способствовали формированию новых настроений внутри малазийского общества, пониманию социального единства населения страны, несмотря на религиозные и этнические барьеры [26, с. 107-108].

Отставка Мохатхира Мохаммада в 2003 году после 22-летнего управления страной ознаменовала собой конец важной эры малазийской политики. Правительство Мохатхира стремилось урегулировать межэтнические и межрелигиозные процессы, однако ему не удалось преодолеть рост исламского фундаменталистского движения. Мусульманский фундаментализм к тому времени приобрел глобальный характер, а его «малайский филиал» был косвенно связан с «Аль-Каидой».

Выступая с решительным осуждением исламского экстремизма, Махатхир Мохаммад привлек на свою сторону не только умеренных мусульман, которых большинство, но и представителей других этнических групп и конфессий. В результате ему удалось консолидировать свою политическую базу, подорванную в ходе парламентских выборов в конце 1999 года. Политическая стабилизация позволила провести ряд направленных на подъём экономики мер, невозможных в других условиях. Для Малайзии, сильно зависящей от внешней торговли, весьма существенным фактором на фоне ее антитеррористических действий и высказываний представителей власти стала нормализация отношений с основным торговым партнером – США [3, с. 38].

Для противостояния роста исламского фундаментализма в Малайзии правительство Бадави начало реализацию программ исламизации, которые должны были предотвратить негативные последствия исламского фундаментализма и в других мусульманских странах. Одним из наиболее примечательных шагов этих мероприятий стало введение концепции Цивилизованного Ислама (Ислам Хадхари). Эта концепция содержит десять принципов, которые призывали к физическому и духовному развитию на пути к экономическому, социальному и политическому прогрессу: 1. Вера и благочестие в Аллахе. 2. Правдивое и заслуживающее доверия правительство. 3. Свободные и независимые люди. 4. Мастерство знания. 5. Уравновешенное и всестороннее развитие. 6. Хорошее качество жизни. 7. Защита прав меньшинства и женщин. 8. Культурная и моральная целостность. 9. Защита окружающей среды. 10. Сильная обороноспособность.

Бадави подчеркивал, что цивилизованный ислам не является новой религией [22], но его целью является интеграция мусульман в современную экономику при сохранении их национально-культурной специфики. Концепция «распространяет терпимость и понимание, мир и спокойствие, и, разумеется, просвещение» [10]. По замыслу Бадави, цивилизованный ислам должен был предотвратить распространение исламского фундаментализма.

Политика Бадави дала неплохие результаты. Экономика оправилась от последствий азиатского экономического кризиса, коррупция находилась на небывало низком уровне [23]. Международный Исламский Университет Малайзии превращался в один из главных исламских вузов в мире, привлекал множество студентов из мусульманских стран.

Но в то же время существует опасность того, что концепция цивилизованного ислама создает дополнительную напряженность в отношениях между малайским и немалайским населением страны, поскольку немалайские сообщества опасаются того, что программы исламизации посягают на их собственные права. Бадави пришлось официально заявить, что цивилизованный ислам – это концепция, предназначенная

для мусульман и не посягающая на свободу совести, а, тем более, не противоречащая Конституции Малайзии. К тому же, принципы цивилизованного ислама, по заявлению Бадави, носят универсальный характер и могут быть применимы в любом обществе, невзирая на религиозную или этническую принадлежность. Цель концепции цивилизованного ислама – общественный прогресс, затрагивает интересы всего населения Малайзии [22].

Правительство Бадави, таким образом, выступило на позициях умеренного ислама. Принципиальная позиция умеренных мусульман состоит в том, что правовые нормы шариата должны применяться на практике выборочно и на сугубо добровольной основе, без вторжения в личную жизнь. Религиозность не сочетается автоматически со слишком жесткой приверженностью канонам шариата. Для умеренных мусульман нет будущего в том обществе, которое является идеалом фанатичных исламских ортодоксов [3, с. 37].

Между тем, поборники радикального ислама настаивают на строгом соблюдении всех канонов шариата и на оценке всех событий общественной жизни только через его призму. Хотя приверженцы подобных взглядов не составляют большинство мусульман, все-таки стоит отметить, что в Малайзии решение религиозных вопросов находится в плотной привязке к сложным этнической и политической ситуациям. Кроме того, в Малайзии растет беспокойство среди мусульман, особенно среди клерикалов, что религиозный плюрализм может разрушить принципы ислама [20].

С другой стороны, индийская и китайская общины болезненно относятся к действиям правительства, которые, по их мнению, нарушают их права. Не так давно, во время запланированного разрушения незарегистрированных индуистских храмов в Куала-Лумпуре, полиции пришлось прибегнуть к насильственным действиям против выступающих индусов. Действия малазийского правительства осудили не только малазийские индусы, но также индусы всего мира [25]. Один из источников малазийской оппозиции заметил «правительство разрушает [индуистские] храмы, потому что они могут позволить себе сделать это по отношению к индусам ..., мы никогда не слышали о мечети, разрушенной в интересах общественного развития» [11].

В XXI веке Малайзию сложно однозначно назвать государством религиозного плюрализма. Главная проблема, с которой сталкивается правительство и население страны – сумеет ли Малайзия – полиэтническая страна, решить проблемы межэтнического и межрелигиозного взаимодействия в эпоху глобализации всех форм религиозного фундаментализма.

Во многом благодаря политике правительства, сумевшего преодолеть негативные последствия кризиса 1997 года, в Малайзии не произошло столкновений на этнической почве, подобных тем, которые имели место в Индонезии. Возможно, что отсутствие уже на протяжении 40 лет ярко выраженного проявления этнической нетерпимости, а тем более открытых насильственных действий – это показатель зрелости малазийского общества. Майкл Хейм, христианский теолог, отмечает: «Позитивное отношение малазийцев к религиозной и этнической гармонии, коренится в двух факторах. Первый – малазийцы понимают, что мир, которым они наслаждаются, хрупок. После обретения страной независимости в 1957 году, многие предсказывали гражданскую войну на расовой или религиозной почве, а коммунистический мятеж был подавлен в результате ожесточенных боев. Второй фактор – малазийское экономическое чудо. Будучи одним из азиатских «тигров» наряду с Сингапуром, Гонконгом, Южной Кореей и Тайванем, Малайзия понимала,

что экономическое развитие снижает этническую напряженность. И все население страны понимает, что этнический конфликт мог полностью изменить существующую действительность, отпугнуть иностранные инвестиции, туристов и многонациональные корпорации, которые с таким трудом привлекались» [16].

В настоящее время кабинет Наджиб Тун Разака продолжает поддерживать курс создания «нового малазийца», что сопряжено с необходимостью для политического руководства Малайзии решать этнорелигиозные противоречия внутри страны, без решения которых невозможна активизация деятельности полиэтничного государства международной арене.

Литература

1. Барышникова О. Г. Как делать деньги. Деловая элита Филиппин. М.: Прогресс, 1996. 214 с.
2. Вагин В. В. Городская социология. М.: МОНФ, 2000. 243 с.
3. Гусев М. Ислам в Юго-Восточной Азии: новые аспекты проблемы // Азия и Африка сегодня, 2003, N11. С. 35-41.
4. Конституция Малайзии // [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/article/54> [Дата обращения – 16. 01. 2009 г.].
5. Погадаев В. Феномен личности Махатхира. Политический портрет // Азия и Африка сегодня, N 5, 2001. С. 66-68.
6. Тюрин В. А. История Малайзии: Краткий очерк. М: Наука, 1980. 198 с.
7. Ampalavanar Rajeswary. The Indian Minority and Political Change in Malaya 1945-1957. London: Oxford University Press, 1981. 342 p.
8. Arokiaswamy Celine W. M. Tamil Influences in Malaysia, Indonesia, and the Philippines. Manila, 2000. Pp. 37, 38, 41, 43, 45–49, 51–57.
9. Asian language family tree. Ethnologue. Retrieved on 2008-02-12. Aboriginal Malay language family tree. Ethnologue. Retrieved on 2008-02-12 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=ML [Дата обращения – 03. 04. 2009 г.].
10. Badawi Abdullah A. Islam Hadhari and Good Governance. Speech given at Victoria University, Wellington, New Zealand. 31 March 2005 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pmo.gov.my/WebNotesApp/PMMain.nsf/0/d33361f0890dd06548256fe700190019?OpenDocument> [Дата обращения – 16. 05. 2009 г.].
11. Bukhari Z. Temple demolition stokes Malaysian tensions // Asia Times Online. July 11, 2006 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/HG11Ae01.html [Дата обращения – 11. 05. 2009 г.].
12. CIA. The World Factbook. Malaysia // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/my.html> [Дата обращения – 24. 03. 2009 г.]
13. Embong A. R. The Culture and Practice of Pluralism in Postcolonial Malaysia // The Politics of Multiculturalism, edited. by R. W. Hefner, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001. 416 p.
14. Ganguly Sumit, Ethnic Politics and Political Questions in Malaysia and Singapore. Hodder and Stoughton Limited, London, 1976. 223 p.
15. Hefner R. W. Introduction: Multiculturalism and Citizenship in Malaysia, Singapore, and Indonesia // The Politics of Multiculturalism, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001. 492 p.
16. Heim S. Mark. A Different Kind of Islamic State // The Christian Century.

October 5, 2004 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.religion-online.org/showarticle.asp?title=3136> [Дата обращения – 11. 04. 2009 г.].

17. Heng P. K. Chinese Responses to Malay Hegemony in Peninsular Malaysia (1957-1996)// Cultural Contestations: Mediating Identities in a Changing Malaysian Society, ed. By Z. Ibrahim, Asean Academic Press, London, 1998. P. 63-78.

18. Ibrahim Zawawi. Globalization and National Identity: Managing Ethnicity and Cultural Pluralism in Malaysia// Asia Pacific Center for Security Studies (APCSS)// [Электронный ресурс]. URL: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/GrowthGovernance_files/Pub_Growth%20Governance/Pub_GrowthGovernancech9.pdf [Дата обращения – 17. 05. 2009 г.].

19. Joshua Project// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.joshuaproject.net/countries.php> [Дата обращения – 26. 03. 2009 г.]

20. Mustapha M. Mufti: Beware of Pluralism and Liberalism// The Star Online. June 13 2006 // [Электронный ресурс]. URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/6/13/nation/14517183&sec=nation> [Дата обращения – 18. 03. 2009 г.].

21. Ongkili James R. National-building in Malaysia 1946-1974. Oxford Univ. Press, 1985.

22. Pak Lah. Islam Hadhari not a new religion or order// The Star Online, July 25 2006// [Электронный ресурс]. URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/7/25/nation/14927885&sec=nation> [Дата обращения – 22. 04. 2009 г.].

23. Parkaran K. PM: Muslim Nations Must Check Corruption //The Star Online, May 14 2006 // [Электронный ресурс]. URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/5/14/nation/14239323&sec=nation> [Дата обращения – 16. 05. 2009 г.].

24. Peletz M. G. Islam and the Cultural Politics of Legitimacy: Malaysia in the Aftermath of September 11 // Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization, ed. by R. W. Hefner, Princeton University Press, Princeton., 2005. Pp. 240-272.

25. Press Trust of India. Malaysia to showcase houses of worship //The Hindustan Times. February 20, 2006 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.hindustantimes.com/news/181_1630588,0011.htm [Дата обращения – 19. 04. 2009 г.].

26. Shamsul A. B. Anthropology and the politics of identity and nation-state formation in Southeast Asia, 1999. Paideuma 45: 103-14.

27. The National Operations Council of Malaysia, 1969, the May 13 Tragedy. The governmental press of Malaysia, Kuala Lumpur, 1969. 116 p.

УДК 298. 9

Глазкова Е.А.

Каодаизм в современном мире

Caodaism today

В статье Е. А. Глазковой идет речь о каодаизме, новом религиозном учении, возникшем в 20-х годах XX века. Автор описывает степень распространения каодаизма в западных странах, а также делает акцент на том, какие изменения претерпело данное религиозное течение за время анти-колониальной борьбы и за период холодной войны, как оно смогло приспособиться к постиндустриальным условиям.

Ключевые слова: *каодаизм, Као Дай, религия, вера, каодаисты*

«Caodaism today» is a title of article by E. A. Glazkova. The author discusses a new religion which was founded in 1920th. She writes up the expansion of Caodaism to the western countries. The author is also particularly interested in how Caodaism had to change because of Vietnam's painful history of anti-colonial struggle, Cold War and how this religion has adapted to a postcolonial world of globalization.

Key words: *Caodaism, Cao Dai, religion, faith, caodaists*

На территории России действует огромное количество сект различной направленности, которые известны, изучаются и о которых мы предупреждены. Но в мире также существуют и распространяются и малоизвестные религиозные течения. Так, например, в начале XX века на территории южного Вьетнама возникли такие религиозные школы как Каодай и буддизм Хоахао.

Во Вьетнаме можно встретить культуры самого различного происхождения. Современная религиозная карта этой страны начала складываться в первые века нашей эры, когда к местному культу предков добавились буддизм, конфуцианство и даосизм, проникшие сюда во время китайского владычества. В Средние века (XI-XV вв.) особую роль среди аристократии играл буддизм Махаяны китайского толка, который в XV столетии перешел в народную среду. Его место в качестве государственной религии заняло конфуцианство, на которое опирались правители того времени. Также в XV-XVI веках на территории вьетнамского государства появляются первые индуистские и мусульманские общины. С началом эпохи великих географических открытий, во Вьетнам в конце XVI века прибыли первые португальские торговые корабли, а вместе с ними и первые католические миссионеры. В 20-30-х гг. XX века во Вьетнаме появился целый ряд «новых религий», вероучение которых представляло собой смесь различных традиционных систем (восточных и западных), организация же брала за образец иерархию католиков. Среди

них, прежде всего, следует назвать каодаизм, о котором и пойдет речь в данной статье.

Необходимо указать, что мы пытаемся выработать независимый взгляд на новое религиозное учение, которое за несколько десятков лет из локального религиозного течения смогло перерасти в веру, распространившуюся на территории многих стран по всему миру.

Каодаизм возник во Вьетнаме в 1920-х годах. Это движение началось с духовного откровения Нго Ван Чиёу, который был первым учеником духа «Као Дай». Это религиозное движение продолжало расти вплоть до 17 октября 1926 года, когда каодаисты направили письмо губернатору Индокитая с заявлением о создании новой веры Каодай.

Для начала поясним, что означает термин «Као Дай». Этот вопрос хорошо освещен в книге Колотова В. Н.: «Као Дай – значит верховный храм, самый высокий храм без крыши, на котором восседает Бог. В человеческой речи не существует слов, чтобы выразить Его величие. Слова «Као Дай» заменяют Ему имя. Это одно из Его имен, и каждое имя выражает только одну Его сторону, так как Он бесконечно велик ... Као Дай это еще и название Великого Пути» [3, с. 66, 68].

Итак, Као Дай – высшее божество, которое явилось в этот мир не посредством воплощения в пророка, а во время спиритического сеанса. Согласно каодаистской доктрине, Всевышний не хочет поручать какой-либо земной личности священный долг основания новой Веры, как это уже не раз бывало, когда Бог доверял пророкам важное дело создания новой религии; религиозные концепции, созданные людьми, не выражают потребностей человечества, а практические дела создателей этих учений, как правило, мало соответствуют их религиозным проповедям [3, с. 67].

Далее мы считаем необходимым показать сложный путь, который проделало учение Каодай с начала XX века до наших дней и то, какие изменения произошли с ним за этот период.

По прочтении многих статей, посвященных каодаизму, действительно складывается впечатление, что эта религиозная организация была одной из крупнейших и важнейших среди вьетнамских религиозных течений начала XX века, но большинство авторов указывает на то, что, зародившись в период правления французской колониальной администрации и получив стремительное признание среди вьетнамского народа именно в тот непростой для Вьетнама период, каодаизм был обречен на исчезновение после разгрома армии каодаистов в 1955 году. Дело в том, что появление каодаизма совпадает с тяжелым для Вьетнама периодом, когда страна находилась под ударом трех сил: французское господство, вьетнамская коммунистическая партия и политические амбиции США. Каждая из трех сторон преследовали свои цели: Франция старалась сохранить свое господство в Азии, вьетнамская коммунистическая партия во главе с идейным лидером Хошиминном – добиться независимости и объединить страну, а США строили планы вытеснения Франции и занятия ее места. Сильная сторона стратегии французской колониальной администрации заключалась в многолетнем опыте управления колониями посредством жестких правил эксплуатации и некоторых поправок, с целью привлечь на свою сторону вьетнамских чиновников. Также колониальная администрация активно сотрудничала с религиозно-политическими группировками Каодай и буддизм Хоахао, которые, зародившись в условиях обострения национальных противоречий и активизации национально-освободительного движения, способствовали его ослаблению, отвлекая народ Вьетнама от проблем и увлекая его в религию. Здесь необходимо пояснить, что на момент своего зарождения и наибольшего распространения в начале XX века, каодаизм принято

считать религиозно-политической организацией. Это связано в первую очередь с тем, что в самом начале своего пути каодаизм, являясь новым религиозным учением, по сути, выполнял политические функции и являлся инструментом в руках французского колониального правительства, применявшимся для сдерживания национально-освободительного движения и перевода враждебной энергии угнетенного народа в мирное религиозное русло. Во второй половине XX века политическая обстановка во Вьетнаме изменилась и религиозно-политическая группировка Каодай, приспособившись к новым условиям, приобрела чисто религиозную направленность.

После трагических событий 1955 года вследствие репрессий и непрерывных гонений уцелевшая часть последователей религиозно-политической группировки во главе с лидерами были вынуждены уйти в подполье. В 1960-х годах историк и наблюдатель Бернард Фолл в одной из своих статей описал каодаизм, как своего рода эклектическую религию, и сравнил его с «динозавром», обреченным на вымирание [4, с. 250]. Однако этого не произошло, каодаизм не только не исчез во Вьетнаме, но и распространился на территории стран Запада. В настоящее время можно говорить о возрастании интереса к религии во Вьетнаме, что дало возможность каодаизму выйти из тени, в которой он находился более трех десятилетий. Сейчас каодаизм играет гораздо большую роль в общественной жизни Вьетнама. В остальном мире также наблюдается рост интереса к новой вере. Это объясняется активным проведением пропаганды со стороны каодаистской церкви. Некоторые лидеры этой организации за последние несколько лет приняли участие во многих научных конференциях, посвященных современной религиозной ситуации в мире и конфликтам на религиозной почве, благодаря чему стали хорошо известны в этом социальном кругу. Чтобы получить место на карте крупнейших мировых религиозных учений, каодаисты не только принимают участие в научных и религиозных конференциях и межконфессиональных диалогах, но и переводят и публикуют материалы на английском, французском, немецком и японском языках. Также они весьма активны в сети Интернет и средствах массовой информации, в том числе и на телевидении. Выступая, в своих обращениях к людям, каодаисты говорят, «что их вере предназначено великое будущее: она распространится не только в Азии, но станет со временем единственным вероучением во Вселенной. Это учение будет всеобщим. Вечно будет существовать Великое Учение, Великий Путь, для того чтобы вести человека к светлому и высокому; везде будут возведены храмы и пагоды, указывающие человеку истинный путь к Богу. Каодаизм, зародившийся во Вьетнаме, станет впоследствии мировой религией» [3, с. 70]. Все это дает нам право предположить, что каодаизм, имея большой потенциал, в будущем может претендовать на всемирное распространение.

Современная политическая ситуация также способствует распространению каодаизма. В ряды нового учения с каждым днем вступает все большее количество людей, находящихся в поиске идеальной веры, которая смогла бы принести мир, счастье и гармонию на нашу планету. Российский исследователь Колотов В.Н. пишет: «В древности Всевышний создал пять разновидностей Великого Учения: конфуцианство, культ предков, христианство, даосизм и буддизм (в каодаистских книгах эти учения перечисляются именно в таком порядке). Каждая система опиралась, прежде всего, на господствующие порядки народов, следующих этим учениям. Однако из-за того, что люди поклоняются разным богам, они ссорятся, и мир все больше погружается в пучину греха и порока. Во имя прекращения взаимных ссор и непонимания Всевышний решил соединить эти учения, чтобы снять религиозный вопрос путем объеди-

нения всех основных религий» [3, с. 68]. Еще раз подчеркнем, что уникальность религиозного учения Каодай заключается в универсальности его веры, оно охватывает все основные мировые религии. Приверженцы веры считают, что Верховный Дух (Као Дай) является источником мировых религий, включая буддизм, даосизм, конфуцианство, христианство, ислам и индуизм. Они верят, что Верховный Дух отправил духовное послание основоположнику каодаизма Нго Ван Чиэу, в котором говорилось, что тот должен объединить все эти религии в одну веру. А, учитывая угрозу терроризма, которая в наши дни более чем актуальна, не трудно поверить в необходимость каодаистского учения. Достаточно вспомнить о том, сколько за последние десятилетия появилось новых религий, религиозных течений и сект. Кроме того, свои позиции по-прежнему отстаивают мировые религии. Так что вопрос о религиозных конфликтах до сих пор остается открытым. В последние десятилетия эта проблема стала особенно острой. Вся тяжесть ситуации можно проследить на примере угрозы, нависшей над Европой и Америкой в связи с религиозно-политическими волнениями в исламском мире. Именно поэтому одной из целей Пути «Као Дай» является проповедование веротерпимости среди всех, на основании того, что все религии возникли из одного источника – по воле единого Бога. Каодаисты свято верят в то, что они являются посланниками великой миссии, возложенной на них Богом, которая заключается в том, чтобы нести мир всему человечеству. «Согласно каодаистской доктрине, человечеству уже были дарованы два «спасения»: первое – Амиабхой, мифическим правителем Древнего Китая Фу Си и Моисеем, второе – Конфуцием, Лао-цзы и Иисусом. Каодаизм претендует на роль провозвестника третьего «спасения». Каодаисты полагают, что третье «спасение» является последним и отрицают возможность четвертого» [1, с. 163-188].

Таким образом, хотелось бы акцентировать внимание читателя на том, что с момента своего создания, каодаизм трактует себя как мировая религия. Созданный в 1926 году, каодаизм стремится объединить Восток и Запад в одной универсальной вере. При более глубоком рассмотрении видно, что каодаизм как бы устанавливает диалог между философией и религией Востока и Запада. Учение каодаизма – это смесь философских религиозных традиций, таких как буддизм, даосизм, конфуцианство с христианской религией, идеями гуманизма и другими идеалами европейской культуры. Среди наиболее известных святых, в каодаизме можно выделить китайского лидера Сунь Ятсена, вьетнамского поэта и пророка Чанг Чиня и французского писателя и гуманиста Виктора Гюго.

Каодаизм не первая религия, которая призывает человечество к единству и терпимости между религиями, к любви и миру между всеми народами в целом. Но каодаизм – это не просто призыв к единству и толерантности, это новое религиозное течение подкреплено конкретной, четко разработанной доктриной, устойчивой моделью религиозной практики, которая включает в себя множество различных уровней медитации, молитвы, вегетарианство. Каодаизм пытается сделать спасение доступным для более широкого круга человечества, не ограничивая его религиозными догмами и рамками.

Каодаизм призван расширить возможности человеческого существования, раскрыть всем возможность общения с Богом, возможность быть единым с Богом. Высшие чины каодаистской церкви не обязаны отказываться от мирской жизни. Они могут иметь жен и детей, при этом посвящая себя духу «Као Дай». Спиритические сеансы являются еще одним магнитом, притягивающим новых последователей к этому учению. Их уникальность заключается в том, что во время спиритического сеанса можно получить руководства или наставления непосредственно от Вер-

ховного Духа.

От верующих каодаизм требует каждый день молиться у себя дома или в храме. Религиозная практика каодаизма не предусматривает покаяния. Каодаистская церковь предоставляет достаточное количество священнослужителей для религиозных проповедей и наставлений верующим относительно правил сохранения нравственности в полном соответствии со словами Конфуция. Верующие должны уважать духов великих людей, радевших о спасении Мира в прошлые времена. Таковыми считаются Иисус Христос, Будда, Конфуций и все духи, принимающие участие в спиритических сеансах. Каодаистские правила запрещают простым верующим проводить спиритические сеансы. Эта мера была принята для того, чтобы избежать злоупотреблений со стороны малограмотных медиумов [3, с. 68].

Своих приверженцев каодаизм подразделяет на три группы.

1. Священнослужители – люди, принявшие священный сан и, следовательно, обязанные жить в соответствии с постулатами веры, соблюдать посты и терпеть все лишения. Они не имеют права употреблять спиртные напитки и наркотические вещества. Неженатым запрещено вступать в брак. Уже имеющие семью сановники не принуждаются к разводу, однако жена с момента вступления супруга в общину приобретает статус друга. Спиритические сеансы проводятся в особых случаях, причем проводят их лишь избранные священнослужители [3, с. 69-70].

2. Медиумы – служители иного рода. Они не являются монахами в полном смысле, однако обязаны следовать некоторым предписаниям монашеской жизни. Они выполняют роль своего рода посредников между миром духов и миром людей. Только медиумы имеют право проводить спиритические сеансы и получать откровения Всевышнего. Когда у священнослужителей возникает необходимость узнать волю Неба по какому-либо вопросу, то для проведения спиритического сеанса приглашаются медиумы. Спиритический сеанс может проводиться только в присутствии священнослужителя, в противном случае откровения, полученные во время сеанса, не имеют юридической силы. В каодаистской иерархии предусмотрено наличие двенадцати служителей такого рода, именуемых двенадцатью медиумами [3, с. 69-70].

3. Верующие – основная часть следующего учению. Они не обязаны соблюдать какие-либо обеты, кроме основных этических норм каодаизма. Они ежедневно должны совершать ритуал поклонения предкам перед каодаистским алтарем у себя дома или в храме [3, с. 69-70].

В каодаизме верующие подразделяются на две группы в зависимости от религиозного уровня: верующие высшего уровня и верующие низшего уровня. Верующие высшего уровня – это все те, кто строго следует канонам веры, будь то священнослужители или простые верующие. Они должны отпускать волосы и бороду, постоянно поститься, умерщвлять плоть и следовать своей единственной цели – служению вере. Верующие низшего уровня должны поститься лишь несколько раз в месяц, как правило, в полнолуние и новолуние, что именуется «двойным постом». Некоторые соблюдают пост шесть дней в месяц; есть и такие, которые постятся десять дней [5, с. 418-419]. В этот период каодаисты соблюдая пост, воздерживаются от мяса. Но если во Вьетнаме последователи каодаизма (кроме служителей церкви, у которых свои порядки) ходят в храм на полную и новую луну каждого месяца (строго определенной даты нет, так как Вьетнам как и другие страны Юго-Восточной Азии живет по лунному календарю), то США и страны Европы в отличии от стран Юго-Восточной Азии живут по солнечному календарю и верующие этих стран посещают храм в основном по воскресеньям, когда они свободны от мирских дел.

Каодаисты придерживаются вегетарианства, гендерного равенства и терпимости ко всем религиям в мире. Наставления приходят из божественных посланий часто в стихах, полученных медиумами на спиритических сеансах.

В каодаистском каноне существуют свои заповеди, именуемые пятью запретами: не убий; не воруй, так как воровство может привести на порочный путь стремления к материальным благам и власти; не употребляй мяса, постись и воздерживайся от употребления спиртного, губящего тело и дух; не поддавайся порокам, живи скромно; не лги [5, с. 420].

Каодаизм включает в себя пантеон святых состоящий из пяти уровней: первый – это Будда; второй – Конфуций, китайский поэт Ли Тхай-бо, и Богиня Мать; третий уровень – Иисус, Мухаммед, Моисей, В. Шекспир, В. Гюго, Жанна Д'Арк, Сунь Ятсен, Ленин, вьетнамский поэт Чанг Чинь; к четвертому уровню святых относятся почитаемые духи умерших предков и герои, отдавшие свою жизнь за спасение родины; и, наконец, пятый уровень – это человечество в целом.

На первый взгляд, такой огромный пантеон святых может сбить с толку. Но каодаисты подчеркивают важность веры в единого Бога, про роком которого может стать каждый праведник. А вышеперечисленные исторические личности в каодаизме выполняют роль трансляторов откровений. А так как Верховный Дух содержит в себе все мировые знания, то и общаться он может посредством любого из них. Так, например, согласно каодаистским преданиям Жанна Д'Арк вошла в пантеон святых после того как ее дух вступил в контакт с каодаистским медиумом. Ее дух проявил сочувствие и понимание к вьетнамскому народу в их борьбе за независимость. Имя Жанны Д'Арк в пантеоне святых также указывает на равное положение мужчин и женщин в каодаистской иерархии. Среди высших должностей в каодаистской церкви встречаются женщины-кардиналы.

«Особое место в каодаистском культе отведено В. Гюго (1802-1885). Этот выдающийся писатель и поэт Франции, равно как и Нгуен Бинь Кхием (1491-1585), вьетнамский поэт и провидец, а также Сунь Ятсен (1866-1925), основатель Гоминьдана и первый президент Китайской Республики, является «духом-проводником» Као Дай. Фреска с изображением духов-проводников – неотъемлемый элемент убранства всех наиболее крупных каодаистских храмов. Именно рукой Гюго, согласно изображению на храмовых фресках, был начертан один из лозунгов каодаизма – «Dieu et Humane, Amour et Justice» (Нгуен Бинь Кхием пишет иероглифической. Сунь Ятсен подает тушь)» [2, с. 36]. Согласно каодаистским преданиям, когда дух В. Гюго явился на одном из спиритических сеансов, он поведал о том, что еще при жизни предвидел появление новой религии, которая зародится на Востоке и объединит две стороны света.

Согласно каодаистским канонам Верховный Дух (Као Дай) – это не просто нечто божественное, каодаисты вкладывают в это значение гораздо больший смысл. «Као Дай» включает в себе единство человека, мира и Бога. Все во Вселенной является частью духа Божьего. Из дня в день человек должен учиться самосовершенствованию, чтобы приблизиться к единству с Богом.

Согласно каодаистской доктрине, во Вселенной есть только один Бог и много духов. Бог – это причина причин, закон изменения вещей. Ему поклоняются, обращаясь к нему, возносят молитвы на разных языках, но Бог для всех един. Он явился во Вьетнаме под именем Као Дай с тем, чтобы принести людям новую веру. Тот, кто последует этому вероучению, увидит Бога [5, с. 70].

Символом каодаизма является «Небесное око», которое представля-

ет собой человеческий глаз внутри треугольника, окруженного солнечными лучами. У главного храма в Тейнине развивается трехцветный флаг каодаистов, состоящий из трех полос красного, желтого и синего цветов. Каждый из цветов символизирует определенную религию: красный – конфуцианство и христианство, синий – даосизм, желтый – буддизм.

В храмах приверженцы каодаизма также носят одежды белого, синего, желтого и красного цветов. Члены конфуцианской общины облачены в красные одежды, даосской – в синие, буддийской – в желтые. Красный цвет символизирует авторитет, синий – терпимость, а желтый – добродетель. Сам патриарх и три его советника считаются даосами, они носят белые одежды. Причем белая мантия патриарха Ле Ван Чунга была по всему полю расшита даосскими триграммами. Кроме высших чинов каодаистской иерархии право облачаться в белые одежды имели только женщины [5, с. 71].

Изучая материалы выступлений глав каодаистской церкви на конференциях, можно заметить ряд проблем внутри самой церкви. Прежде всего, это актуальная проблема сект. Раскол и сектантство среди последователей каодаизма имеют место с момента зарождения данного религиозного течения, и порой этот раскол даже глубже, чем во многих других религиях. Так исторически сложилось, что зарождение нового религиозного течения пришлось на сложный для страны период, когда народ был вынужден сражаться за свою свободу и независимость против французского колониального режима. В этих условиях внутри самой церкви происходили постоянные стычки между лидерами каодаистов. В основном они боролись за власть, каждый жаждал «урвать кусок побольше». Причем во многих случаях эти конфликты провоцировались именно колониальными властями. Что касается современной ситуации, то большинство конфликтов остались в прошлом. Если и существуют некоторые разногласия внутри самой веры, то они наблюдаются, главным образом, между церквями разных стран, что обусловлено спецификой культур (например, Германия и США), а также различными социальными, экономическими и политическими ситуациями в этих странах. Чтобы выжить, укрепиться и распространить свое влияние, религиозное учение вынужденно приспособляться под те или иные, например, социальные группы. Центральная администрация каодаистов (Провинция Тэйнинь, юг Вьетнама), старается преодолеть возникающие конфликты, акцентируя внимание на единстве всех религий. В крупнейших каодаистских храмах по всему миру проходят конференции, на которых религиозные лидеры стараются выработать общее решение данной проблемы.

Еще десять лет назад каодаистские лидеры во Вьетнаме отмечали отсутствие интереса к религии среди молодого поколения. Но согласно интервью, датированных последними двумя-тремя годами, количество молодежи, приходящей в храм значительно увеличилось. В этих интервью каодаисты рассказывают о том, что за последнее время они получили много писем по электронной почте от молодых людей. В этих письмах нередко пишут о трудностях духовного поиска, о вопросах веры, философии, любви. Каодаисты с удовольствием отвечают на них, тем самым привлекая в свои ряды еще большее число последователей. Приверженцы каодаизма во Вьетнаме и за его пределами прилагают огромные усилия для того, чтобы о «Као Дай» узнало все человечество. Для того, чтобы каодаизм стал более доступен, адепты новой веры за последние несколько лет распространили огромное количество информации о своем учении на английском языке, в том числе и в сети интернет, создали центры медитации во многих странах Европы, Азии и США, и организовали на

территории этих государств каодаистские центры, в которые могут вступать люди любой национальности, возраста и вероисповедания, каждый может быть обучен новой вере. С каждым днем в интернете появляется все больше форумов, в том числе и на русском языке, на котором обсуждается каодаизм. Основным контингентом на этих форумах является молодежь. Изучив содержание большинства форумов, становится ясно, что постепенно складывается положительное впечатление о каодаизме. Многие участники форумов сходятся во мнении, что каодаизм в состоянии помочь им ответить, как на вопросы религиозно-философского характера, так и на вопросы личностно-психологического характера.

В середине XX века новое религиозное учение, как уже говорилось выше, пережило трудные времена. В ходе многочисленных бомбежек и военных действий были разрушены многие храмы. Но сейчас идет активная реконструкция старых храмов и строительство новых. Интерес к каодаизму растет и за счет развития туристической отрасли во Вьетнаме. Не даром большой храм в Тейнине является второй крупнейшей туристической достопримечательностью на юге Вьетнама. Некоторые каодаисты работают в сфере туризма и гостиничном бизнесе и приглашают иностранцев, путешествующих по Вьетнаму, посетить храм в Тейнине и другие исторические памятники, имеющие отношение к каодаизму.

Провинция Тэйнинь является местом зарождения каодаизма во Вьетнаме. Именно там находится «сердце» каодаизма: Священный престол и Священный город, а также главный храм. Священный город площадью около 20,328 гектар делится на 18 районов, находящихся в ведении церкви. Население священного города насчитывает 150 тысяч адептов.

Сотни каодаистских храмов разбросаны по всему Вьетнаму, большинство из них сосредоточено в сельской местности южного и центрального Вьетнама. На сегодняшний день на территории Камбоджи находится еще одна каодаистская община. В результате массового потока беженцев из Вьетнама с 1975 года каодаизм распространился и на территории других стран: США, Канада, Франция, Англия, Германия, Австралия и др. страны.

В США на сегодняшний день насчитывается около 30 храмов, 26 из которых расположены на территории штата Калифорния, включая храм города Помоны, обслуживающий около 25 тысяч человек. В Канаде работает пять храмов, все они находятся в крупнейших городах страны (Торонто, Ванкувер, Калгари и два в Монреале). Каодаистский храм Англии расположен в Фелтеме (западный Лондон). Во Франции открылись три храма, один из которых – в Париже. В Австралии на сегодняшний день открыто 6 храмов, три – на территории Нового Южного Уэльса, два – в Квинслэнде (Брисбен, Инала), и по одному храму в Западной Австралии и Виктории. В Германии – два храма (Мюнхен, Тауфкирхен), в Японии – большой храм в Токио.

Таким образом, зародившись в колониальных условиях, пройдя длинный путь через годы антиколониальной войны, пережив постколониальный период и холодную войну, каодаизм сумел адаптироваться в современном мире глобализации и проникнуть на территории западных держав. На сегодняшний день можно уже говорить о том, что каодаизм из религиозно-политической группировки превратился в чисто религиозную организацию. Сегодня каодаизм по общим подсчетам насчитывает около 4-5 миллионов приверженцев, главным образом на юге Вьетнама и Камбоджи.

Литература

1. Благов С.А. Синкретические Вероучения и «крестьянская политика»: введение в изучение каодаизма и «буддизма Хоахао» // Локальные и синкретические культы. М., 1991. С. 163-188.

2. Григорьева Н.В. Европейские персонажи в каодаистском каноне // Межлитературные связи Востока и Запада (на материале литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в эпоху средневековья, нового и новейшего времени). СПб., 1995. С. 35-38.

3. Колотов В.Н. Сайгонские режимы: религия и политика Южного Вьетнама (1945-1963). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 308 с.

4. Fall B. The political-religious Sects of Vietnam // Pacific Affairs. 1955. Vol. XXVIII. № 3. September. P. 235-251.

5. Toan Anh. Tin nguong Viet Nam (Тоан Ань. Религии Вьетнама) SG.: Nam Chi Tung Thu, 1965. Tap 1. 475 tr.

УДК 39

Роговцева А.В.

Календарные праздники Вьетнама

Calendar holidays of Vietnam

Предлагаемая статья посвящена календарным обычаям и обрядам народов Вьетнама. Обращение к изучению календарных обычаев, обрядов и праздников способствует возрождению интереса и к своей традиционной культуре, истоку нашей духовности.

Ключевые слова: *Вьетнам, календарный праздник, обряд, божество.*

Presented article is devoted to the calendar customs and traditions of peoples of Vietnam. The beginning of studying of calendar customs, traditions and holidays promotes to revival of interest to their own traditional culture, the source of our spirituality.

Key words: *Vietnam, calendar holiday, custom, deity.*

В богатейшем наследии народов Вьетнама, в их историко-культурном генофонде особое место принадлежит календарным обычаям и обрядам. Календарные праздники представляют собой многогранное, многослойное явление, в котором сосуществуют религиозные системы и идеологии различных исторических эпох. Они несут в себе эмоциональный заряд, синтезируют философские и эстетические воззрения, а также представления о человеке, о мире, в котором он живет, о добре и красоте, сложившиеся в недрах многовековой народной культуры.

Обширный материал по календарю, отдельным обычаям и обрядам, по праздникам годового цикла содержат древние летописи и хроники вьетов, такие как «Исторические записки о Великом Вьете» («Дай Вьет шы ки») Ле Ван Хью (1272 г.), «Краткая история Вьета» («Вьет шы лыок»), XIII – начало XIV в.), «Полное собрание исторических записок о Великом Вьете» («Дай Вьет шы ки тоан тхь») Нго Ши Лиена (1479 г.).

Одним из главных и самым древним народным вьетнамским праздником является праздник Нового года – *Тэт Нгуен дан* (Праздник первой утренней зари), или *Тэт ка* (Самый главный праздник). По традиционному календарю Новый год приходится на период между двумя трудовыми сезонами.

Приготовление к празднованию Нового года начиналось с церемонии дароприношения Духу очага (Тао Куану) в 23-й день 12-го месяца. Тао Куан, по вьетнамской мифологии, управляет всеми делами семьи, поднимается на Небо, чтобы сделать Верховному владыке детальный отчет о поведении каждого члена семьи в течение уходящего года. «От-

безд» Бога очага для всех был сигналом начала приготовлений к *Тэту*. Ежегодно перед этим «событием» в жилищах обновляли очаг. По народному поверью, местом обитания Бога является таган. В сознании народа Тао Куан обычно предстает в трех лицах: одно – женское божество и два – мужские. Существует много вариантов мифа о Тао Куане [5, с. 71].

По-видимому, культу вьетского Бога очага, который, возможно, оформился только в эпоху Чан (XIII в.) и, вероятно, был заимствован из Китая, предшествовали местные культы вьетов. Это, прежде всего, культы духов местности, жилища и огня. Позднее? [данное триединство постепенно уступило место одному божеству, но в трех лицах. По мнению Тху Линя и Данг Ван Лонга, культ очага у вьетов – это пережиточная форма огнепоклонничества. А праздник соответственно есть Праздник очищения огнем [2, с. 161].

Примерно в то же время, когда провожали Бога очага на Небо держать ответ за своих подопечных и просить для них покровительства, накануне новогодних торжеств, во многих районах страны существовал обычай ставить перед домом шест *кэй неу*. Народная традиция объясняет эту практику одной из буддийских легенд.

Каждая деталь *кэй неу* имеет свою символику. Свет фонаря и пучок листьев должны привлечь внимание духов предков. Сам бамбук – символ стойкости и непоколебимости. Колокольчики, медные пластинки должны отпугивать злых духов.

По мнению вьетнамских ученых, новогодний шест – это ни что иное, как олицетворение космического дерева [9, с. 189].

Дни с 20-го по 25-26-й день последнего, 12-го, лунного месяца посвящены работам по обновлению могил. Поминовение усопших и забота о могилах – это два важных атрибута конфуцианской морали почитания родителей. В полдень 30-го дня организовывали парадное «шествие предков» – обряд поклонения духам предков (*зыок то тиен*). В повседневных делах помощь могущественных предков считалась необходимой.

Новый год у вьетов начинался с периода зао тхья («стык», «прикосновение»), т. е. когда Небо «сходило» с Землей, поэтому на стыке старого (уходящего) и нового (наступающего) года выполнялся обряд *чи тыть* (досл. «изгонять»). Его выполняли в последние минуты часа свиньи (с 21 до 23 часов) 30-го дня 12-го месяца; если же месяц был неполный – то 29-го числа 12-го месяца в час мыши (с 23 до 1 часа ночи). Именно в эти часы проводилась церемония встречи Нового года. В народе верят, что в каждом году есть свой посланник, который уполномочен управлять делами народа. В конце года это божество передает дела другому, поэтому необходимо совершить обряд благодарения старого и встречу нового божества [9, с. 202].

1-й день 1-го месяца – начало года, месяца и сезона. Этот день есть начало ритмической цепи времени. По мнению вьетнамцев, утро первого дня – самое священное, ибо оно предвещает значительные события последующих лунных месяцев.

В первый день Нового года совершается обряд выхода из дома (*тук суат хань*), когда первый раз покидают дом и выходят за его порог, за ворота. Первый выход, по представлениям вьетов, мог оказать влияние на жизнь и деятельность человека в течение наступившего года. Поэтому по гороскопу выбирают время и направление, следуя которым можно встретить Духа богатства, Духа благополучия. Особенно важно это в первые восемь дней Нового года. По данным астрологии (ее представителей во Вьетнаме называли *тхай до* – буквально «счетчик», «вычислитель»), первый день Нового года символически связан с петухом, второй – с собакой, третий – со свиньей, четвертый – с козой, пятый – с буйволом, шестой – с лошадью, седьмой – с человеком, восьмой – с рисом. Это был

связано с поиском «защиты» у духов, входящих в состав демонического пантеона [9, с. 219].

Весна – время года, связанное с сельскохозяйственными процессами – пахотой и посевом. Обряд *донг тхо* символизирует начало целого цикла аграрных обрядов, которые являются составной частью комплекса весенних праздников. Согласно словарю Дао Зуи Аня, название *донг тхо* означает «начало обработки земли». По своему характеру этот обряд связан с поклонением Божеству земли, и совершался он для получения его согласия на начало земледельческих работ в новом году [3, с. 181].

В древности во Вьетнаме этот обряд совершался императорским двором, но со временем – только народом. По мнению вьетнамского ученого Тоан Аня, это связано с тем, что некогда обожествление земли наряду с культом предков и буддийской религией являлось государственным культом, но позднее поклонение земле в системе религиозных культов отошло на второй план, уступив место культу неба и земли [10, с. 99].

В настоящее время донг тхо в разных районах Вьетнама празднуют с местными отличиями. Ежегодно 15-го дня 1-го месяца жители деревни Бать (пригород Ханоя) устраивают шествие в честь Духа-покровителя Ми Ньонг – дочери короля Хунга XVIII, жены Духа гор. По местному преданию, именно Ми Ньонг основала эту деревню и научила ее жителей ткацкому ремеслу.

2-й лунный месяц по старой вьетнамской традиции – месяц веселого радостного праздника *Хой хе вуй тей ка муа*. Особое место в весенней обрядности занимал Праздник установления весны, или начала весны (*Лан суан*), который отмечали обычно 4-го дня 2-го месяца. Содержание этого праздника нашло свое отражение в центральном ритуале-церемонии избиения весеннего буйвола.

Согласно мифу, Бог земледелия (Тханг Нонг) научил людей пахать и использовать при пахоте силу животного. В память об этом люди стали ежегодно с приходом весны организовывать торжественные праздничные шествия с изображением божества и его помощника – буйвола.

В том же ряду весенних праздников аграрного культа стоял обряд первой борозды (*ле тить диен*) – церемония начала пахоты. По преданию, этот праздник учредил сам Бог земледелия. Письменные памятники свидетельствуют о том, что первую ритуальную пахоту провел император Ле Дай Хань (980 – 1005 гг.). Именно с династии Ле, как считает А. Б. Поляков, начинается становление государственного аграрного культа [6, с. 151].

К числу весенних аграрных праздников мы с полным правом можем отнести и праздник холодной пищи (*Хан тхык*). Название праздника и его мифологическое объяснение говорят о заимствовании его из Китая. Во Вьетнаме его стали отмечать с XI в. *Хан тхык* проводили 3-го числа 3-го месяца. Согласно конфуцианской традиции, праздник холодной пищи является днем поминовения китайского оруженосца Цзе Цзыкуя, или Цзе Чжитуя, во вьетнамской огласовке – Зэй Ты Тхоя. По устным преданиям (они берут начало якобы из истории Китая VI в. до н. э.), значительное место в праздновании Дня холодной пищи занимало чествование предков семьи.

Лето во Вьетнаме – это период жары, тропических ливней и ураганных ветров. На севере страны осадки не значительны, а солнечное сияние делает засуху особенно тяжелой. В центральной части, еще более засушливой, чаще практикуют обряд вызывания дождя.

В 4-м лунном месяце отмечали буддийский праздник, связанный с ритуальным омовением статуй Будды, которое многие ученые связывают с магическим обрядом вызывания дождя (*ле кау мяа*).

В первых числах 5-го лунного месяца отмечали *Доан нго*, или

Праздник двойной пятерки. Традиция празднования этого дня своими корнями уходит в глубокую древность и связана, как считают большинство ученых, с культом поклонения Солнцу. Через три-четыре недели после этого праздника наступал день летнего солнцестояния. Кроме этого, *Доан нго* рассматривался как высшая точка противостояния *зыонг* (солнца) и *ам* (луны), как наивысший момент восхождения *зыонга* в своей прогрессии до той «отметки», когда появляется принцип *ам*.

В отдельных районах в обычаях *Доан нго* прослеживаются пережитки праздника в честь Духа деревенского лекаря (Онг Ланг). Обычно в общинном доме жители проводили молебствие и дароприношения духу Онг Лангу, чтобы умилостивить его.

С начала нашей эры в течение почти целого тысячелетия, именуемого в истории периодом китайской зависимости, на территории, заселенной предками вьетов, шел активный процесс синтеза вьетнамских и китайских элементов культуры и общественной жизни [1, с. 51]. С заимствованием китайского календаря, праздника *Нгуен дан* (Праздника Нового года) и распространением риса сорта *тием*, поспевающего летом, в 5-м лунном месяце, земледельческие праздники, проводившиеся как праздники осени, превратились в праздники весны.

Со временем в одних районах Вьетнама весенний праздник заменил праздник осени, в других же стал проходить параллельно с ним [8, с. 187].

Трансформация культуры вьетов в период I тысячелетия наложила отпечаток и на характер праздников; в частности, в содержании праздников появился новый элемент – поклонение Будде, которое потеснило в праздничной обрядовой практике народные верования и воззрения. Именно к этому времени, как считают вьетнамские ученые, восходит традиция отмечать храмовые буддийские праздники. С X в. наряду с более архаичной частью ритуальной практики – Праздниками урожая с экзорцистскими шествиями и жертвоприношениями животных – появляются обряды поклонения духам погибших в войне с китайскими захватчиками воинов. Почитание героев, отдавших жизнь за свою страну, со временем оформилось в культ, который служил источником народного музыкального, танцевального и устного творчества.

Праздник седьмого дня седьмого месяца связан с древнекитайским мифом о любви Небесного волопаса Нгыу Ланг (звезда Альтаир) и Небесной ткачихи Тик Ны (звезда Вега), дочери Яшмового императора [7, с. 133].

7-й лунный месяц во Вьетнаме – это месяц непрекращающихся ливневых дождей. В народе этот максимум осадков еще называют дождями Нгыу – в память о слезах разлуки мужа и жены.

Тик Ны, дочь Небесного (Яшмового) императора, была искусной ткачихой, а Нгыу Ланг – пастухом небесных буйволов. Полюбив друг друга, они забыли о работе. Небесный владыкя рассердился, и решил разлучить их, поселив на разных берегах Небесной реки (Млечный Путь), и позволил встречаться только раз в году, а именно 7-го числа 7-го месяца.

В полнолуние 7-го месяца, в 15-й день, вьеты отмечали Праздник середины года, который был установлен в память душ, не имевших родственников (*ко хон*), в память всех тех, по кому никто не справлял поминок. По единому мнению ученых, это не что иное, как буддийский праздник *Улламбхана*, хотя и с некоторыми даосскими компонентами [2, с. 41].

По представлениям вьетов, именно в 15-й день 7-го месяца отпущались грехи всем грешникам. Происхождение этого праздника связывают с вознесением на Небо грешницы Тханьде. Сюжет хорошо известен

вьетам, особенно верующим, из книги буддийского толка под названием «Спасение матери преподобным Лиеном».

Праздник середины осени (*Тэт чунг тху*) еще называют Праздником восьмого месяца (*Тэт тханг там*) или Праздником детей (*Тэт че кон*).

По древнему народному поверью, дракон – носитель добра и лишь рассерженный, он может принести людям вред. Он – олицетворение богатства и счастья, символ счастливого предзнаменования. С утверждением первых национальных династий и централизованной власти именно бывший тотем вьетов – дракон – стал королевской эмблемой [4, с. 261].

Вера в дракона как «распорядителя воды» побудила вьетов с особым почтением относиться к изображению этого мифического животного.

Эффективной мерой вызывания дождя считалась организация красочных процессий. Один из аспектов праздника – это обряды поклонения Луне. По древним представлениям вьетов, осень – это результат победы женского начала над мужским. Символом женского начала считалась Луна.

Праздник Тэт чунг тху зародился в Китае в глубокой древности и его связывают во Вьетнаме с якобы имевшим место в VIII в. путешествием на Луну китайского императора.

В настоящее время Праздник середины осени, оставаясь одним из основных в системе календарных праздников вьетов, трансформировался в Праздник детей.

Праздник двойной девятки – *Чунг кьу* – называют еще и *Чунг зы-онг*. Смысл этого названия не совсем ясен. Возможно, что слова *чунг зы-онг* означает «ослабление солнца» (морфема *чунг* означает «ослабление»). Праздник отмечали в 9-й день 9-го месяца. По единодушному мнению вьетнамских ученых, этот праздник пришел из Китая и редко отмечался во Вьетнаме.

В письменных источниках Праздник нового риса зафиксирован и как Праздник новинки (*Ле тыонг тан*). В начале зимы вьетнамские земледельцы собирали основной урожай года – урожай 10-го месяца (*луа муа*). Поэтому праздник был посвящен чествованию Духа риса. Первое упоминание о нем относится к эпохе Ли (XI в.). Проводили его либо в 1-й, либо в 15-й день 10-го месяца. 10-й месяц во Вьетнаме – месяц жатвы – большое событие в жизни вьетского крестьянина, и соответственно ему отводилось особое место в календарной обрядности. 10-й месяц был сезон посылания благодарений не только умершим предкам, но и Духам-покровителям вьетнамской деревни.

Праздник двойной десятки отмечали 10-го числа 10-го месяца. По буддийскому учению, этот день означал конец года (*ха нгуен*) в противоположность *тхьонг нгуену* – «вершине года», который праздновали 15-го числа 1-го месяца.

В настоящее время под влиянием буддизма праздник начинается ритуалом *ха нгуен*. Считается, что «двор божеств» посылает на землю Божество трех чистот (Там Тхан), чтобы оно провело «анкетирование» о хорошем и плохом в прошедшем году. На домашний алтарь ставят вареный рис, овощной суп для угощения посланца Яшмового императора. Этот праздник был особенно популярен среди колдунов и знахарей. Они делали богатые приношения в честь духов, а затем угощали своих бывших и будущих клиентов.

В 11 и 12-м месяце снова начиналась подготовка к Новому году по лунному календарю, к новому хозяйственному и жизненному циклу.

В заключении хочется отметить, что календарно-праздничная система вьетов, в сочетании с данными исторической этнографии позволяет наметить некоторые факторы, способствовавшие формированию

неповторимого облика юго-восточноазиатского историко-культурного региона. Это особая доминирующая роль древнейших аграрных культов или культовая система со своим развитым пантеоном божеств, сложной структурой обрядов, церемоний, развитой мифологией, также важнейшая роль общины, сохранявшей свое влияние на протяжении тысячелетий.

Литература

1. Васильев Л.С. Культурно-религиозные традиции стран Востока. М.: Наука, 1976. 321 с.
2. Джарылгасинова Р.Ш., Крюков М.В. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1993. 448 с.: ил.
3. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл / Под. ред. Р.Ш. Джарылгасиновой и В.М. Крюкова. М.: Наука, 1993. 322 с.
4. Никулин Н.И. Вьетнамская литература: от средних веков к новому времени X – XI вв. М.: Наука, 1977. 344 с.
5. Ly Te Xuyen. Viet dien u linh. Hanoi: Nha xuất bản văn hóa thông tin, 1960. 132 tr.
6. Nguyen Dong Chi. Luoc khao ve than thoai Viet Nam. Hanoi: Nha xuất bản văn hóa thông tin, 1958. 99 tr.
7. Nguyen Minh Son. Truyen thuyet Viet Nam. Hanoi: Nha xuất bản văn hóa thông tin, 1990. 177 tr.
8. Nguyen Tuyet. Le Hoi Viet Nam. Hanoi: Nha xuất bản văn hóa thông tin, 1984. 321 tr.
9. Phan Ke Binh. Viet Nam phong tục. Hanoi: Nha xuất bản văn hóa thông tin, 1974. 221 tr.
10. Truong Si Xung. Than thoai Viet Nam trong boi canh than thoai Dong Nam A. Hanoi: Nha xuất bản văn hóa thông tin, 1993. 172 tr.

УДК 39

Сучкова Е.В.

Образ вьетнамской женщины в мифах и истории Вьетнама

The image of Vietnamese woman in the myths and in the Vietnam History

В статье Е. В. Сучковой идет речь о роли вьетнамских женщин в мифах и истории Вьетнама, о их социальной значимости. Автор обращает внимание на тот факт, что, несмотря на 10-вековое китайское господство во Вьетнаме, а также влияние конфуцианской культуры, вьетнамские женщины по-прежнему занимали активную общественную позицию.

Ключевые слова: *воительница, легенда, Вьетнам, роль.*

In this article E. V. Suchkova discusses the role of Vietnamese women in the myths and in the Vietnam History, their social importance. In spite of 10 centuries of Chinese rule, Vietnamese women were very active persons in the social life.

Key words: *the warrior, legend, Vietnam, role.*

При изучении древней истории Вьетнама мы часто сталкиваемся с проблемой дефицита литературы по этому периоду и подчас нам довольно сложно определить: что есть достоверный факт истории, а что – народное сказание или вымысел. Можно задаться вопросом: что такое миф? Он близок к преданию. Но для предания обязательна историческая основа. Миф, хотя и не исключает её, не имеет перед собой задачи воспроизведения конкретного исторического факта, события, – он постигает в принципе движение жизни как таковой.

По причине недостатка исторических материалов (архивных документов, хроник, мемуаров и т. д.) нам приходится искать иной способ исследования: работать со сборниками легенд, преданий, культурными традициями, способными заполнить пробелы в истории.

К счастью, у нас есть возможность рассмотреть данную тему в подобном аспекте, так как вьетнамская литература изобилует мифами, преданиями, пословицами, песнями (*ca dao*), которые являются важным источником для изучения проблемы. Как и все восточные народы, вьетнамцы всегда скрупулезно наблюдают за окружающим миром и отражают свои впечатления в коротких, но наполненных глубоким смыслом произведениях, таких как: миф, легенда, песня и т. д.

На наш взгляд, первоначальным свидетельством значимости женщины в становлении вьетнамской нации в целом и во вьетнамском обществе в частности, является известная легенда о двух божествах – прародителях вьетнамского народа, драконе Лак Лонг Куанг и прекрасной

феи Ау Ко.

Согласно легенде, вьетнамский народ произошел от супружеского союза двух божественных существ: дракона и феи. После брака молодожёны произвели на свет 100 яиц, которые затем превратились в 100 сыновей. Но, несмотря на такое количество детей, супругам пришлось расстаться по причине несовместимости характеров: дракон был духом воды, прекрасная фея – огня. Перед тем как попрощаться, Лак Лонг и Ау Ко поделили детей: 50 сыновей спустились с отцом в море, остальные 50 пошли за матерью в горы. Сравнивая эту легенду с подобной легендой мьонгов, северного народа, известный вьетнамский ученый Нгуен Ты Тчи увидел в этом расставании символ разделения двух народов: вьетнамцев и мьонгов. В своих исследованиях он утверждает, «что вьетнамцы происходят из тех 50-ти сыновей, которые последовали за матерью в горы, потому что вьетнамцы не любят странствовать по морю, а предпочитают жить на суше» [4, p. 17]. Возникает вопрос: как же 50 сыновей могли иметь детей и продолжать свой род? Легенда об этом умалчивает. Остается лишь предполагать, что браки заключались с девушками из соседних деревень.

Эта легенда, возможно, демонстрирует нам первоначальную форму равноправия в первом союзе женского и мужского начал. Ау Ко и Лак Лонг смогли найти компромисс и разделили детей поровну. Каждый остался при своих интересах. Каждому супругу досталась своя «часть имущества»: горы – Ау Ко, море – Лак Лонгу. Вьетнамцы очень гордятся своим происхождением от дракона и феи. Они говорят о себе, что «мы дети дракона, внуки феи» [4, p. 18].

Однако в этом случае, мы можем заметить, что вьетнамцы называют себя именно внуками, а не сыновьями Ау Ко. Опираясь на особое значение культа предков во Вьетнаме, мы можем предположить, что, увеличивая «временное расстояние» между собой и прародительницей, они, тем самым ещё больше обожествляют её по принципу: чем старше, тем священнее.

«Дракон» пришёл во Вьетнам из Китая вначале нашей эры. «Лонг» – слово китайского происхождения, означающее «дракон». Скульптурные и живописные изображения драконов не только служили непременным атрибутом храмовых и дворцовых сооружений, но и обильно украшали интерьеры построек типа динь (общинный дом). Это, по-видимому, объясняется тем, что дракон во Вьетнаме – реальный прототип крокодила, которому поклонялись как тотему древние вьетнамцы. С течением времени под влиянием образа дракона, сложившегося в феодальном Китае, дракон во Вьетнаме стал восприниматься как символ королевской власти. Однако между образом дракона во вьетнамском искусстве эпохи Ли и образом того же дракона в Китае есть много различий. Если китайскому дракону, олицетворяющему могущество самодержавия, придан величественный и устрашающий вид: ноздри раздуты, глаза выпучены, пасть раскрыта, когти оттопырены, то вьетнамский дракон изображается похожим на обыкновенную змею, с маленькой головой и грациозно изгибающимся телом. В вышеизложенной легенде также упоминается полное имя первопредка: «Лак Лонг Куан». «Куан», в переводе с китайского языка означает: «король». Итак, перед нами титулованный «дракон» китайского происхождения.

Ау Ко в легенде – госпожа (прародительница) не имеет китайского имени. Из этого следует, что мужчины находятся под властью китайского влияния, в то время как женщины рода Ау Ко, даже в своём имени подчеркивают чисто вьетнамскую принадлежность и на личном примере воспитывают патриотические чувства своих потомков.

Сестры Чынг были первыми историческими героинями, сумевши-

ми завоевать независимость страны. Упорное народное сопротивление против китайского господства, которое длилось веками, время от времени вспыхивало в форме вооруженных восстаний. Самым ярким и запоминающимся событием того времени было восстание двух легендарных сестер, Чынг Чак и Чынг Ньи – дочерей лак тыонга (военачальника) в уезде Мелинь (на северо-западе от Ханоя). Чынг Чак отличалась выдающимся умом и мужеством. Она была замужем за Тхи Шатем, сыном лак тыонга из уезда Тюзиен (провинция Намха), человеком смелым и патриотически-настроенным.

Исторические памятники и легенды, бытующие в Шонтэе, свидетельствуют о том, что мать сестёр Чынг – Ма Тхиен – также принадлежала к роду Хунг-выонгов. Она рано овдовела. Сама воспитывала обеих дочерей в воинственно-патриотическом духе. Мать оказала значительную помощь дочерям и зятю в организации повстанческих сил, сумев привлечь в их ряды многих племенных вождей (куан, лангов, фу, дао) и воинов из окрестных районов. В деревне Намнгуен уезда Бави до сих пор сохранилась её могила, которую в народе называют «гробницей За» (на древневьетнамском языке «за» означало «уважаемая престарелая женщина»).

В тот момент, когда обе семьи лак тыонгов задумали план восстания и готовились его осуществить при поддержке населения, Тхи Шать был убит правителем Су Дином. Но злодейское убийство не только не обескуражило Чынг Чак, а, наоборот, укрепило её решимость поднять восстание и свергнуть власть поработителей, восстановить независимость, «отплатить за страну, отомстить за свой дом» [2, с. 26].

Свой долг перед родиной Чынг Чак сумела поставить выше мести за смерть мужа. Как гласит легенда, она в бою всегда снимала траурный убор, чтобы не снижать боевой дух повстанцев. Принимая присягу перед войском, Чынг Чак выделила четыре главные цели восстания. В «Сборнике изречений Небесного юга» («Тхиен нам нгы люк»), составленном в конце XVII в, её слова звучат следующим образом: «Первое – отомстить врагу за поруганную родину, второе – отвоевать всё, что принадлежало Хунг-выонгам, третье – отомстить за смерть супруга, четвертое – до конца выполнить свой долг» [1, с. 26].

В марте 40 г. Чынг Чак вместе со своей младшей сестрой Чынг Ньи подняла восстание в районе низовья реки Хат. Со всех сторон стекались патриотически-настроенные защитники родины в Мелинь, центр восстания. Отсюда повстанцы устремились на равнинные районы страны. Они атаковали крепость Луилау (провинция Хабак), резиденцию ханьских властей в округе Жаоти. В период выступления сестер Чынг происходили многочисленные восстания во всех четырех округах: Жаоти, Кыутяне, Нятнаме, Хэфу.

По свидетельству китайской «Истории поздней династии Хань», люди мань и ли (так китайцы называли все южные народы) четырех округов: Жаоти, Кыутян, Нятнам, Хэфу – одновременно откликнулись на восстание сестер Чынг.

Под руководством сестер Чынг локальные восстания слились в мощное массовое повстанческое движение, охватившее всю страну (как равнинные, так и горные районы), вовлекшее не только вьетов, но и другие народности, проживавшие на территории бывшего государства Аулак. Характерно, что среди руководителей восстания было много женщин.

Исследования, проведенные в ряде районов, свидетельствуют о том, что десятки руководителей восстания сестер Чынг до сих пор почитаются как святые во многих деревнях Северного Вьетнама. В селе Тхыонгхань (провинция Хатэй) сохранилось предание о том, как некий Кай

снарядил отряд из 300 повстанцев-мужчин, которые принимали участие в восстании сестер Чынг, переодетые в женское платье. У народностей тан и нунг во Вьетбаке, у тунов (тьоанг) в Лунчжоу (провинция Гуанси) также сохранились воспоминания и легенды об участии их предков в восстании сестер Чынг.

Под напором вставших масс господство иноземцев прекратило свое существование. Перепуганные ханьские чиновники, бросив все имущество, документы и официальные печати бежали в Китай. Су Дин покинул свою резиденцию, оставил служебную печать, остриг волосы и скрылся в Намхае (провинция Гуандун).

За короткий срок под знаменами сестер Чынг были уже 65 уездных укреплений, или, другими словами вся территория Вьетнама на тот момент. Независимость была восстановлена. Чынг Чак – провозглашена государыней (Чынг-выонг). Главной резиденцией стала крепость Мелинь. На два года все население страны было освобождено от налогов.

Для защиты наиболее важных районов Чынг-выонг направила войска на север в Хэфу во главе с Тхань Тхиеном и на юг в Кыутян во главе с До Зыонгом. Как гласит народная легенда, Ле Тянь, одной из соратниц Чынг Чак, было поручено «управление всеми внутренними оборонными делами» [4, p. 148]. Ее штаб, по преданию, находился в Жаоти.

По мнению вьетнамских ученых, «победоносное восстание сестер Чынг открыло блестящую страницу в истории вьетнамского народа в начале нашей эры» [1, с. 25].

«Восстание сестер Чынг потрясло до основания весь юг Ханьской империи. Оно стало всенародным повстанческим движением с центром в Хатмоне, где было начато сестрами Чынг, и охватило всю территорию бывшего государства Аулак. Повстанцы одержали блестящую победу благодаря тому, что восстание носило массовый характер, а не было разрозненными стихийными выступлениями каких-либо отдельных вождей или племен» [1, с. 10]. Оно стало ярким выражением сплоченности всех слоев населения, без различия пола и возраста, вставших под знамена восстания, выступивших за изгнание захватчиков и обретение самостоятельности.

Победа народа, провозглашение Чынг Чак правительницей страны и установление независимого правления бросало вызов авторитету Поднебесной. Сестры Чынг вместе со всем народом в течение трех лет отстаивали независимость и суверенитет страны. Это была ожесточенная борьба за национальное самоутверждение народа, издревле имевшего свою культуру, свое отечество.

Во главе восстания оказались женщины. «Это делает честь женщинам Вьетнама, чьи замечательные подвиги воспеты в легендах о потомках феи и дракона» [4, p. 148].

Страна обрела независимость, но соотношение сил по-прежнему было далеко не равным.

Узнав о победе Чынг Чак и её восшествии на престол, ханьский император Гуан У послал 20-тысячную армию с 2 тыс. джонок и колесниц на покорение вьетов, поставив во главе этого войска одного из старейших и опытнейших военачальников – Ма Юаня, не раз подавлявшего восстания различных народов. Армия и флот Ма Юаня сосредоточились в Хэфу (провинция Гуандун), а затем двинулись в район Лангбак (провинция Хабак).

Как гласит одна из легенд, уже при подходе армии Ма Юаня к Хэфу отряды Тхань Тхиен неожиданно атаковали ее из засады. Ма Юань вынужден был отступить. Сначала он повернул свои войска на захват Цану (провинция Гуанси), а затем в обход, через перевал Тиланг, направился в район Люкдау и с другой стороны атаковал Лангбак.

Чынг-выонг направила войска под руководством своих военачальников из Мелиня в Лангбак для разгрома противника. Там и произошло сражение с захватчиками. Армия Чынг-выонг сражалась героически, но, будучи слабее, потерпела поражение и была вынуждена отступить к Камхе (провинция Виньфу). Войска Ма Юаня преследовали её по пятам. В конце концов, после целого года сопротивления армия вьетов, уступавшая по мощи противнику, была рассеяна. Сестры Чынг укрылись в Хатмоне и в мае 43-го г. покончили с собой, бросившись в реку Хатзянг. К этому времени сопротивление вьетов в основном закончилось, только в отдельных районах местное население и повстанцы продолжали давать отпор врагу. В Кыютяне по-прежнему действовали отряды под руководством До Зыонга.

Как говорится в легендах, Тхань Тхиен организовывала сопротивление врагу в горных районах Вьетбака. Бат Нан со своими войсками перекрывала горные и лесные дороги, а Ле Нян устраивала засады на водных путях, где ее отряды топили вражеские суда. Но сил у них было недостаточно. Позднее все они по примеру сестер Чынг покончили с собой.

В ноябре 43 г. Ма Юань провёл свои войска через Таккхау (провинция Ниньбинь) в Кыютян для подавления оставшихся очагов восстания. Местные вожди вместе с населением Кыютяна продолжали героическую борьбу. Тысячи и тысячи повстанцев и их руководители были уничтожены войсками Ма Юаня. Более 300 предводителей повстанческих отрядов были схвачены и сосланы в Линлин (провинция Хунань). Свобода оказалась недолгой. После трех лет борьбы вьеты были поработены китайскими феодалами, и страна вьетов вновь утратила свою независимость.

Несмотря на поражение, «дух борьбы и жажда свободы навсегда завладели душами вьетнамского народа» [4, p. 148]. История убеждает нас прийти к единому мнению, что в борьбе за свободу своей страны, вьетнамские герои и героини никогда не сдавались, будто передавая «эстафету» борьбы за независимость последующим поколениям.

В 248 г. вспыхнуло другое крупное восстание под руководством Ба Чьеу, которое явилось высшей точкой движения народного сопротивления во II – III вв. Оно проходило в тот момент, когда завоеватели, обладая огромным военным потенциалом и стремясь укрепить свое господство и значительно активизировали ассимиляторскую политику.

У Ба Чьеу (ее полное имя – Чьеу Тхи Чинь) был старший брат Чьеу Куок Дат, который являлся одним из влиятельных вождей в уезде Куанан округа Кыютян (провинция Тханьхоа). Сама Чьеу была девушкой большой силы воли и ума. Ей было всего 19 лет, когда она вместе со своим братом начала собирать силы повстанцев, готовить оружие и все необходимое для восстания. Население близлежащих районов горячо поддержало освободительный поход Чьеу. В народе до сих пор сохранилась колыбельная, прославляющая подвиги Ба Чьеу:

Спи спокойно, сынок,
Дай уйти на часок.
Дай взглянуть, как, воссев на слоне боевом,
Бьется героически Ба Чьеу с врагом [1, с. 55].

Друзья советовали Ба Чьеу выйти замуж вместо того, чтобы поднимать восстание. Им она отвечала: «Я готова оседлать ураган, усмирить злые волны, отсечь голову морскому чудовищу, изгнать вояк династии У, освободить родную землю от ярма рабства, но не намерена гнуть спину в служанках или наложницах!» [2, p. 95].

В 248 г. повстанцы под руководством Ба Чьеу выступили против

иноземных захватчиков. Сама Чьеу проявила выдающиеся способности и редкое мужество в борьбе с врагом. «Обычно одетая в кольчугу с золотыми застежками, сидя на боевом слоне, она смело врывается в гущу битвы, наводя ужас на китайских солдат» [4, р. 112].

Армия Ба Чьеу выиграла много сражений, был убит сам наместник Жаоти и Кыютян. Летописец династии У признавал, что в 248 г. «все районы в Жаоти были потрясены восстанием», а китайские правители – серьезно напуганы. В Жаоти был направлен новый наместник – военачальник Лю Инь и вместе с ним 8 тысяч солдат для подавления восстания. Лю Инь применял жесточайшие репрессии против народа и одновременно подкупал некоторых местных вождей. Оказавшись в кольце окружения, Чьеу Тхи Чинь приняла смерть на холме Тунг (провинция Тханьхоа), там и по сей день сохранились усыпальница Ба Чьеу и построенная в ее честь пагода. После разгрома восстания Ба Чьеу оккупанты еще больше усилили гнет и эксплуатацию Вьетнама, но подавить непримиримый дух сопротивления вьетнамского народа им так и не удалось.

В память о национальной героине Ба Чьеу Ли Нам-дэ издал указ о причислении ее к лику святых.

Ли Те Суен собрал предания о некоторых легендарных личностях и национальных героях в книгу «Собрание чудес и тайнств земли Вьет». Много других народных преданий и легенд было изучено учеными эпохи Чан, что послужило основой для книги «Дивные повествования земли Линьнам», написанной Кьеу Фу и Ву Куинием (эпоха Ле). В связи с этим, мы можем приводить в пример ещё немало подвигов женщин, описанных в этих старинных памятниках Вьетнама.

Например, во время первой войны сопротивления против монгольских захватчиков в 1258 г. Линь Ты Кук Мау – жена Чан Тху До взяла на себя работу «по организации эвакуации королевской семьи и родственников военачальников из столицы, а затем организовала сбор и поставку оружия для армии. Торговка с пристани Жынг (Батьданг) собщила Чан Куок Туану, великому полководцу того времени, о режиме приливов и отливов на реке Батьданг, что помогло правильно устроить засаду вражескому флоту» [1, с. 144].

В народе до сих пор сохранилось немало преданий о героической войне сопротивления против Минов и о подвигах женщин. Так известна некая торговка напитками из семьи Лыонг в г. Колонг (провинция Намха), истребившая множество вражеских солдат, которые останавливались в её лавке. За свои подвиги она получила от Ле Лоя титул «защитницы государства». В память о бесстрашной женщине была воздвигнута часовня в её родной деревне. Поэт XV века Ле Тунг так воспевал эту героиню:

О, великая, мужественная женщина!
Твоя воля крепка как скала.
В истории нашей страны
Твои подвиги сравнимы лишь с делами сестер Чынг.
В честь твою стоят пагоды и храмы,
Твоя слава будет жить в веках [2, с. 165].

Певица из Тьелы (провинция Хайхынг) по имени Хюе искусно завлекала в ловушку вражеских солдат, когда они прибывали на постой в её родное село. В память о подвигах, совершённых этой актрисой из народа, односельчане называли деревню, в которой жила девушка А-дао («Певица»), и впоследствии построили часовню в её честь.

Вязальщица сетей на реке Дай, не страшась опасностей, перевоз-

ила через реку повстанцев, отправляющихся на борьбу с врагом. Жители деревни Нянхюе (провинция Хатэй) тоже стали поклоняться памяти этой патриотки из крестьянской семьи как фее – хранительнице села.

Супруги Буй Тхи Суан и Чан Куанг Зиеу были выдающимися полководцами армии национального героя Куанг Чунга (династия Тэйшонов, 1788 – 1802). Буй Тхи Суан родилась в районе Биньдинь (ныне уезд Тэйшон, провинции Нгиабинь). Она отлично владела приемами стратегии национальной борьбы. В 1771 году, когда в общине Тэйшон вспыхнуло крестьянское восстание, Буй Тхи Суан и её муж Чан Куанг Зиеу присоединились к повстанцам. Под руководством Нгуен Хюэ, они боролись против феодального строя, мечтая о создании свободной, независимой и развитой страны. Супруги-полководцы вместе участвовали в битвах и совершили немало подвигов, заслужив полное доверие Нгуен Хюэ. В то время как полководец Чан Куанг Зиеу правил освобожденной провинцией Нгеан в 1791 году, Буй Тхи Суан громила врагов на западе этой провинции.

Супруги-полководцы внесли большой вклад в победу Нгуен Хюэ. Возглавляя войска, отражали агрессию иностранных захватчиков (1789 г.). Много они сделали и для укрепления страны. Буй Тхи Суан стала близкой подругой королевы Нгок Хан – жены Куанг Чунга, а Чан Куанг Зиеу был удостоен должности заместителя главнокомандующего и являлся одним из четырех самых влиятельных вельмож вьетнамского императорского двора.

После смерти Куанг Чунга (1792 г.) потомок бывших владельцев края Нгуен Ань примкнул к реакционным группировкам на юге и предпринял попытку свергнуть с престола Куанг Тоана (наследника Куанг Чунга). Нгуен Ань захватил крепость Кюинен (1799 г.), а затем и крепость Фусуан (1801 г.), прикрывавшую столицу. Полководцы Чан Куанг Зиеу и Ву Ван Зунг возглавили тэйшонскую армию и вскоре освободили Кюинен. А король Куанг Тоан вместе со своим братом Куанг Тхюи и полководцем Буй Тхи Суан вынужден был уехать в Тханглонг (нынешний Ханой). Там он собрал ещё 300 тысяч солдат для борьбы против Нгуен Аня, и в конце 1801 г. был развернут широкий фронт южнее реки Зянь, а с помощью морских сил и пехоты король начал контрнаступление на войска Нгуен Аня. Королевские войска осадили крепости Чаннинь и Даумау. Их защитники использовали камни и пушки, отчего погибло много тэйшонов. Чтобы поддержать воинский дух солдат, уверенно сидевшая верхом на боевом слоне Буй Тхи Суан, сама вела в битву войска. Но на этот раз удача была на стороне заговорщиков. Вскоре морской флот тэйшонов был разгромлен, за ним последовало и поражение пехоты. Король Куанг вновь уехал в Тханглонг, а Буй Тхи Суан продолжала оказывать сопротивление в Тханьхоа. Чан Куанг Зиеу и Ву Ван Зунг спешили к ней на помощь и вели свои войска из Кюинена на север. Наконец армии супругов соединились. Однако враги придумали новый хитроумный план. Под видом простых крестьян, доставлявших продовольствие, им удалось проникнуть в лагерь полководцев. Захватив Буй Тхи Суан, Чан Куанг Зиеу и их двоих детей в плен, они зверски истребили всю семью героев. В знак глубокого уважения к полководцам народ сочинил историческую поэму, в которой воспеваются их подвиги.

Имена супругов-полководцев Буй Тхи Суан и Чан Куанг Зиеу навсегда вписаны в историю страны. Легенды об их подвигах из поколения в поколение передает народная память.

Восстания под руководством женщин или непосредственное участие последних во всех боевых действиях, о чем свидетельствуют исторические факты, «посеяли добрые семена, укрепили волю народа к борьбе за справедливое дело, к бесстрашному сопротивлению врагу, даже если

он силен и могуч» [4, р. 186].

Героические традиции были унаследованы новыми поколениями, продолжавшими совершенствовать искусство ведения войны с иноземными завоевателями. Отличительной чертой этих патриотических традиций стало умение побеждать сильного и многочисленного противника малым количеством, с помощью хитроумных методов. Это привнесло характерный оттенок в процесс возмужания вьетнамского народа и имело огромное значение для всех последующих этапов освободительной борьбы. При любых обстоятельствах вьетнамский народ был полон решимости сражаться за свою независимость до полной победы.

В формате небольшой статьи практически невозможно рассмотреть образ вьетнамской женщины во всей его сложности и многогранности. Но в охватываемый данной работой исторический период образ женщины-воительницы был наиболее актуален.

Литература

1. Нгуен Кхак Вьен. Очерки истории Вьетнама. Ханой: Тхезьой, 1998. 612 с.
2. Мхитарян С. А. История Вьетнама. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 301 с.
3. Văn hóa học đại cương và cơ sở văn hóa Việt Nam. (Общие вопросы культурологии и основы вьетнамской культуры). NXB.: Khoa học xã hội Hà Nội, 1996. 627 т.
4. Việt Nam học. (Вьетнамоведение). Tập IV Hà Nội. NXB.: Thế giới, 2001. 473 т.

УДК 792.01

Осинова Э.В.

Европейское и восточное театральные искусства в метакультурном пространстве

European and east theatrical arts in metacultural space

Движение к «всемирности» – один из важнейших атрибутов искусства XX столетия. Попытки культурной интеграции европейского театра с восточными постепенно выводит его на поиски мирового искусства как непреложную эстетическую реальность. Западный театр уходит в образно-пластические формы, избавляясь от общественной актуальности бытия. В этом заключается влияние восточного театра: театральные Запад берет у Востока. Восточный же театр принимает от европейского очень в малых дозах, его стихия – ритуал и обрядность. Российский театр, утратив координаты культурной политики, находится на творческом перепутье. Возможна ли культура без границ? Должен ли театр стремиться к единообразию?

Ключевые слова: *культура, культурный диалог, искусство, восточный театр, западный театр, российский театр, национальный театр, театральная антропология, метатеатр.*

◆

Move to universality is one of the attributes of the XX century art. Attempts of cultural integration of the European theater with oriental theaters gradually brings it to the search of world art as a true aesthetic reality. Western theater sinks into imaginary and plastic forms avoiding the public actuality of being. That is the influence of the oriental theater: theatric West borrows from East. The oriental theater takes from the western theater quite little, its sphere is rite and custom. The Russian theatre, having lost the coordinates of the cultural policy is on the creative crossing. Is culture without borders possible? Should theater pursue uniformity?

Key words: *culture, cultural dialog, art, oriental theater, western theater, Russian theater, national theater, theatric anthropology, metatheater.*

Изучение многообразных связей и типологических параллелей русской культуры с культурами Запада и Востока, проблем взаимовлияния и взаимодействия ведущих культур мира между собой все более ак-

туализируется. Интерес к проблеме межкультурной коммуникации России с восточными соседями, одним из множественных аспектов которой является собой театральное общение, обосновывается еще и пограничным положением российского Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Глобализация, предельно интенсифицируя межкультурные контакты, невольно уводит нас от простых количественных характеристик этого процесса и заставляет осознавать его новое качественное состояние, которое неразрывно связано с понятием метакультуры. Профессор философии С. Е. Ячин определяет состояние метакультуры как способность культур (прежде всего национальных) творчески развиваться в отношениях друг с другом, дарить свои достижения и осознанно использовать достижения других культур для взаимного развития [29]. Обозначенный подход нам видится достаточно внятными и перспективным. При этом считаем важным заметить, что истинное состояние театра в метакультурном пространстве – это не есть некое общее состояние мирового театра, а именно возможное состояние каждой отдельной театральной общности, способной осознать и сохранить себя в отношениях к иному.

В восточном театре с его метафизическими действиями, в отличие от западного театра с его психологическими тенденциями формы сами овладевают своим смыслом и значением. Игра актеров строится на канонизированных, отточенных приемах выразительности, стилизованных движениях и жестах. Современными театроведами отмечается тенденция энергичного ухода мирового театра в формы, когда искусство режиссуры заключается не в отражении литературного текста, а в чем-то, с точки зрения радикально настроенной театральной элиты, более значимом для театра. При первом же приближении обнаруживается мотивация активного стремления европейского театра к театру иных художественных идей, чаще, идей условного восточного театра. Эти же тенденции обнаруживают себя и в современных российских театрах, вплоть до провинциальных. Каков же этот путь заимствования, в чем кроется природа культурного диалога в театральном мире и каково значение границы в конституировании обозначенного процесса?

Движение к «всемирности» – один из важнейших атрибутов искусства XX столетия, явственно обнаружило себя уже на рубеже веков, в переломный момент истории культуры, когда система нового художественного мировидения только начинала складываться. На заре нового века режиссерский театр делает одним из главнейших объектов поиска своего рода интерпретационные игры с эпохами театральной истории, с языками и стилями театра прошлых столетий. Примеры известны: Макс Рейнхард в Германии, Жак Копо во Франции, Гордон Крэг в Америке, русский театр «серебряного века», и, прежде всего – Всеволод Мейерхольд.

Вс. Мейерхольд вбирает в пределы своего искусства едва ли не всю историю театра: дионисийские ритуалы, средневековая мистерия, елизаветинский театр, комедия дель арте, русский романтический театр и даже Кабуки. Исследователи театра впоследствии не раз назовут его театральным космополитом. Однако последователей у Мейерхольда не оказалось. Если европейский театр мог себе позволить попытки культурной интеграции, стремясь сотворить феномен мирового искусства как непреложную эстетическую реальность, то советский театр надолго отгородился от мира «железным занавесом». В течение долгих десятилетий естественному его включению в симфонию мирового театрального развития препятствовала политическая изоляция. С наступлением эпохи тоталитаризма карта мировой театральной жизни представлялась в виде существования отгороженных друг от друга культурно-географических

пространств [4, с. 362].

С падением тоталитарных режимов театроведы всего мира, и российские в том числе, отмечают новый виток в развитии мирового театра, его постепенный уход от актуальности общественного бытия. Ж. Бодрийяр полагал, что с началом буржуазных революций началась эпоха театальной симуляции или, выражаясь радикальным языком автора концепции, театр превращается в «театр мертвецов». Теперь он означает подделку жизни, а драматургия развивает максимы номинализма: у существ и вещей нет собственных душ, актер – механический призрак человека, потому что на самом деле отразить социальные процессы не так просто¹. С победой социалистических идей положение еще более усугубилось. Этическое стремление человека к идеальным целям есть абсолютное условие возможности культуры. Пока театр «обслуживал» общество, его политические идеалы, он утратил этические основания, отказавшись от актуализации общественного бытия, театр вновь их обрел. Вот почему так жива классика, она построена на этике человеческих переживаний.

Современная же авангардная режиссура задачу театра полагает не в разрешении социальных и психологических конфликтов и не в служении в качестве поля боя для поучительных страстей, ибо все это приводит его к полной зависимости от литературы. А. Арто утверждал, что в основе режиссуры лежит язык жестов, он ценил яркость и наглядность форм и весьма огорчился, когда не обнаруживал этого в театре: «Как так происходит, – задавался он вопросом, – что в театре (Западном, Европейском) все, что является специфически театральным, что не поддается выражению словом, остается на последнем плане?» [2, с. 37]. По его же мнению, театр не может быть простым отражением текста, потому что «у него есть свой собственный язык: это пластика и физика... Так как истинное чувство словами не выразишь». Переход на такой язык дает театру возможность выразить себя с помощью различных форм, жестов, звуков, цвета, пластики, т. е. вернуть его к первоначальному назначению: восстановить его в религиозном и метафизическом смысле, а значит «помирить его со вселенной», ведь общеизвестно, что истоки мирового театрального искусства лежат в языческих ритуалах, обрядах, в низовой народной культуре. Эти идеи обнаруживают себя в «Номо ludens» И. Хейзинги и «карнавализации» М. Бахтина.

Современная театральная антропология сосредоточивает свое внимание именно на области практики, прокладывая путь к творчеству через многочисленные специальные дисциплины, техники и эстетики, включаемые в работу. Как полагает антрополог театра Э. Барба, перспектива развития интеркультуры (в нашем понимании метакультуры) театра заключается в раскодировании существующей в поведении актера «пре-экспрессивности», в определении общей почвы, которая питает корни многих актерских техник. В условиях организованного представления присутствие актера в физическом и ментальном смысле определяется иным принципом, нежели его поведение в «обыденной» жизни. Более того, на сценической «пре-экспрессивности» поведения актера базируются различные жанры, стили, роли, персональные или коллективные традиции. Транскультурный анализ практики показывает, что в различных техниках можно уловить общие принципы. Например, перенесение центра тяжести, баланс, положение позвоночника и движения глаз – эти и другие элементы создают физические напряжения тела на «пре-экспрессивном» уровне. Речь идет о качестве «экстра-обыденной» энергии, позволяющей телу актера становиться «решительным», «жи-

¹ Затронутая проблема требует толкования самого понятия метафизики отражения, чему мы не можем уделить достойного внимания в данной статье.

вым», «правдивым». Само присутствие актера, его сценический «биос» привлекают зрительское внимание еще до того, как будет передано некое содержание. Таким образом, «пре-экспрессивность», по мнению Э. Барбы, лежит в основе начальной организации театра [3, с. 28]. Европейский театр увлекается пластическим совершенством великолепно натренированных актеров, привлекая существующий уже многие столетия опыт восточных сценических практик.

«Грушевый Сад» – так по-китайски называется «Храм Мельпомень». Это поэтическое название театра было пущено в ход знаменитым бодыхаем-эстетом Танской династии Мин-Хуаном. При нем в восьмом веке была впервые учреждена школа актеров, называвшаяся «Цзяо-фан» – «Грушевый Сад». «Грушевый Сад» китайского театра вполне оправдывает свое странное экзотическое название. Китайский театр, равно, как и китайский актер, исключительно оригинальны и несравнимы. Это одинаково относится как к духу китайского театрального искусства, так и к его технике.

Вот как описывала актерские тренировки в этих школах харбинский ориенталист С. Альмова [1]. Китайский актер до появления на сцене проходил длительную школу суровой и трудной тренировки. Учение начинали с 8 – 10-летнего возраста. Ежедневно маленькие кандидаты в актеры проделывали десятки акробатических упражнений. Обучались фехтованию, совершенствовались в специальной походке, постигали искусство пронзительного фальцета. Летом и зимой с утра, едва начинала брезжить заря, воспитанники «Грушевого сада» целыми стаями выводились на воздух старшими мастерами для групповых занятий. Будущие создатели очаровательных лунных фей и оболстительных оборотней неземной красоты тренировались упорнее всех. Им приходилось переносить даже боль забинтованных ног, стесненных в росте для большего сходства с женскими. Актеры, принадлежавшие хозяину, наказывались, их заставляли без конца учить пьесы и песни и для укрепления голоса проделывать малоприятные прогулки с запрокинутой назад головой и широко открытым ртом. В результате такой длительной и жесткой подготовки китайский актер вступал на сцену во всеоружии многогранного, тщательно отшлифованного таланта. Каждое движение его закончено и гармонично. Каждый жест четок и выразителен. Походка его легка и изящна. И сам он в своем искусно задрапированном костюме похож на точеную статуэтку раскрашенной слоновой кости. Муки и страдания актеров вознаграждались сторицей, когда тернии ученичества сменялись розами сценического триумфа.

Современная практика китайского театрального ремесла отличается лишь тем, что будущий актер делает свой добровольный выбор и заканчивает школу (институт, училище) дипломированным специалистом. Актерские техники фактически не изменились, как не меняются и специфические атрибуты китайского театрального представления.

В наше время рождается искусство, стремящееся вместить в свои пределы всю человеческую вселенную, соединить, свести Запад и Восток, создать эстетический прообраз всечеловеческого сообщества будущих столетий. Утопические мечтания в этом искусстве сливаются с мифопоэтическими образами первоначального единства человечества «до вавилонского столпотворения». К таким художественно-философским исканиям принадлежат театральные опыты Ежи Гротовского, Мориса Бижара, Питера Брука, Арианы Мнушкиной и др. Масса литературного, в том числе и научного материала [3; 11; 25 и др.] (благо, теперь в этом нет недостатка), представляет возможным погрузиться в бездну режиссерских практик, актерских техник, экспериментов, лабораторных исканий, а также теоретических постулатов известных в театральном мире

людей, позволяет прийти к пониманию того, что эти опыты не означают «аннигиляции» национальных культур, синтезируемых в их практиках. Разные традиции, используемые постановщиками, упираются в новые театральные формообразования, в компиляцию уже существующего в мировом сценическом пространстве, в результате чего происходит симбиоз, но не синтез Востока и Запада, как это может показаться при первом приближении.

Обратимся, к примеру, к концептуальным позициям режиссера-практика Ежи Гротовского. При пристальном рассмотрении его творческого метода (или методов), которые он, кстати, категорически отделял от эстетики театра, придавая им куда большую значимость в театральной практике, мы вынуждены констатировать, что основные творческие поиски этого незаурядного театрального деятеля базировались на исполнительской технике: мейерхольдовская бионика, упражнения китайских актеров, органика движений африканцев, индийский танец, двойная игра актеров комедии дель арте... и т. д. Собственные исследования Е. Гротовский предпочитал выражать в технических и практических терминах, сознательно избегая философско-теоретических спекуляций: техника, упражнения, импульс, дыхание, тренинг, реакция ... – вот термины, которыми чаще всего он оперирует [11]. Гротовский был знаком с теорией К. Юнга об архетипах и всю использовал ее в режиссерской практике, преподавательские курсы многих театральных школ разных стран используют его открытия и разработки в области физической органики актера. Ему удавались сложные перформативные¹ структуры; создавая свои великие интернациональные спектакли, он компилировал плоды уже существующих сценических практик, добиваясь при этом редчайшего эффекта пробуждения актерской и зрительской энергии.

Подобный театр иллюзий и намеков очень напоминает восточный, особенно китайский театр, где символика сценического облика зачастую накладывается на вещи без учета их естественных свойств. Она призвана не выражать сущность, а обозначать некую космическую структуру. Китайский театральный афоризм передает эстетическую тонкость театральной игры: «В правде проглядывает обман, в обмане – правда». Сохранившаяся в архивных фондах Приморья лекция харбинского ориенталиста Павла Гладкого, прочитанная автором в Обществе Русских Ориенталистов в апреле 1914 г., подробнейшим образом раскрывает происхождение, развитие и современное наблюдателю состояние китайского театра, заканчивается яркой иллюстрацией образовавшейся пропасти между ориентальным и континентальным: «Далеко мы, европейцы, ушли от своего желтого собрата, но разница, главным образом, между нами та, что в результате всевозможных завоеваний культуры мы утратили способность воображения, живем осязанием, внешними чувствами, китаец же высоко парит над землей, и, будучи индифферентен к земным лишениям, создает в своем воображении жизнь, новую, по-своему прекрасную» (РГИА ДВ. Ф. Р-2480. Оп. 1. Д. 1. Л. 26).

Довольно смелая позиция автора, если учесть, что время, когда писались эти строки, было временем неприятия европейским, особенно французским театром иных театральных школ. Теперь, вероятно, настало время отказа от идеи универсальности собственной культуры и осознания неизбежности творческого «кровосмешения», допуская при этом не только концептуальный, но даже органический космополитизм.

Незатейливая сценография, игровая импровизация, синтетическая актерская техника, отстраненность от событий² [7, с. 112] – это уроки,

¹ От английского “performance” – представление, выступление

² Б. Брехт этот прием актерской игры в китайском театре обозначил как «эффект от-

которые приобрели европейцы у традиционного театра Китая. Что же заимствовал Китай от европейского режиссерского театра? По утверждению историков китайского театра, – «... психологизм, реалистическое понимание творческих процессов, приемы режиссерского построения спектакля и систему воспитания внутренней техники актера русского реалистического театра и школы К.С. Станиславского» [26, с. 1]. Все это в некоторой степени понадобилось «речевому театру» Китая. Именно в «некоторой» степени, потому что драматический театр, или театр «разговорной» драмы («хуацзюй»), появившийся в Китае только в начале XX в., создавался с определенной целью: «...поднимать острые социальные проблемы и нести в зрительскую массу демократические идеи» [22, с. 32]. Цель выводит на средства – такому театру необходима советская драматургическая литература. Спектакли «речевого театра» до сих пор носят чисто плакатный характер, что свидетельствует о серьезных намерениях его создателей ориентироваться на принципы реалистического искусства. Долгие годы в таких театрах ставились пьесы о социализме. Журнал «Сицзюй бао» на своих страницах публиковал статьи о Грибоедове и Чехове, Горьком и Гоголе, о премьерах советского театра, творческой деятельности ведущих советских драматургов, публиковалось много статей о системе К. Станиславского и В. Немировича-Данченко.

С русской классикой в китайских театрах обращались весьма своеобразно. Мы имеем достаточно примеров использования сюжетов путем замены русских имен и чужих деталей быта своими, китайскими. Заметной популярностью пользовались произведения А.Н. Островского, особенно в первой половине XX в., когда драматическое искусство стало популяризоваться в стране. Подвергая его произведения национальной адаптации, китайские переводчики использовали произведения русского классика для решения собственных злободневных проблем, зачастую позволяя себе коренную переделку авторского замысла.

Любопытно, что к художественной адаптации классики и современной советской драматургии прибегали и китайские театры, создаваемые на территории Дальнего Востока, в том числе и на приморской земле. Здесь советские граждане впервые соприкоснулись с таким явлением, как китайская драматургия. Но и в этом случае, ни о какой культурной ассимиляции или даже синтезе искусств не может быть и речи. В этом нас убеждает хроника газетных вырезок, сохранившаяся в фондах архива периодики СТД а также публикации В. А. Королевой – регионального исследователя, специалиста в области истории китайского театра в дальневосточном регионе [14, с. 42-45].

В 1958 г. Мао Дзэдун объявляет о «большом скачке» в развитии Китая, в который активно включаются театральные коллективы. Одним из основных требований к театру было преодоление «суеверия», под которым понималось уважительное отношение к использованию зарубежного опыта, в том числе и советского. Необходимо было создавать что-то новое, «чего не было ни у людей древности, ни у иностранцев», найти новый творческий метод, который основывался бы на революционном романтизме. Предложенная китайская сценическая система была выдвинута в противовес системе Станиславского. Развитие театра разговорной драмы проходило несколько заторможено, к тому же осложнялось кампанией критики Ху Фэна и его единомышленников, которых обвиняли в излишней приверженности к использованию чужого зарубежного театрального опыта как «более прогрессивного» и в привитии реалистического театра на китайской почве. Маоистские установки

чуждения». При этом актер не отделяет себя от зрителя изображаемой четвертой стеной, всей своей игрой он показывает, что понимает – на него смотрят. Таким образом, сразу же устраняется традиционная иллюзия европейской сцены

привели к возвеличиванию и прославлению традиционного китайского театра сицюй [24, с. 263]. И хотя вскоре были признаны перегибы «большого скачка» и театрам вновь разрешили вернуться к постановкам в духе реализма, они так и не смогли преодолеть формалистические подходы к непонятой ими театральной системе. Вполне закономерно напрашивается вывод: формирование и рождение любой культуры не может быть результатом своевольного выбора. Это происходит под влиянием разнообразных факторов и условий. «Реальный выбор китайской культуры всегда опирался главным образом на глубокие размышления о национальных особенностях Китая» [15, с. 139]. Знаменательна в этом отношении реакция В.Э. Мейерхольда на спектакли Мэй Лань-Фана, гастролировавшего в СССР в 1935 г. Мастера завораживала актерская игра, не имеющая ничего общего с российской (советской) театральной системой. Именно созданные Лань-Фаном комплексы актерских движений и мимики, в частности, выразительные взгляды, движения кистей рук и многое другое были привнесены им в собственную практику.

И современный традиционный китайский театр откровенно избегает каких-либо нововведений и заимствований: богатство театральных форм и изобилие национальных театров по всему Китаю утоляют зрительский голод сполна. Лишь драматическое искусство китайцам по-прежнему не дается. Р. Должанский, известный в России театральный критик, откровенно полагает, что «драматический театр в Китае развит неважно и до сих пор является, прежде всего, инструментом идеологического воспитания трудящихся: на сцене сплошные революционные пьесы в духе пионерских утренников» [10]. Китайцы не смогли постичь высот психологического театра, оказалось, что личные чувства им мало интересны как в жизни, так и на сцене. Общество – его сила и его устой вот что заслуживает внимания. По сравнению с ними – личное ничтожно, человеческое вообще не существует. Историки Китая признают: «За долгие века господства конфуцианской идеологии она сумела впитаться народом и сформировала его массовое сознание. Перестройка этого массового сознания на основе теории научного социализма так и не была осуществлена» [12, с. 371]. Для китайской культуры издревле была характерна социальная заданность творчества. Конфуцианство требовало, чтобы литература излагала его основные принципы и иллюстрировала его основные доктрины. Данный тезис находит отражение в трудах большинства востоковедов, в том числе в философском эссе Е.С. Штейнера, который прямо указывает на отсутствие личностных начал у восточных соседей. Опираясь на прямые текстуальные свидетельства – буддийские (где проблеме сознания или тому, что принято называть психологией личности, автором отведено особое место), даосские, конфуцианские и синтоистские он приходит к следующему заключению: «В разные эпохи в Китае эти учения попеременно занимали олимп человеческого сознания, воплощали практический опыт в стремлении последователей обрести гармонию в самом себе, в семье и в государстве. Смысловой гиперболой во всех случаях выступает отсутствие «я», «его как такового нет» [28, с. 38]. Популярный в традиционной культуре Поднебесной принцип: «В главном – единство, во второстепенном – различие», берущий свое начало в жизнеустройстве китайцев, только добавляет весомости обозначенному тезису.

Пока китайский театр остро нуждался в литературном материале, отвечающем принципам соцреализма, он с ним работал и даже создавал собственные пьесы. Однако со временем неизбежно приходит понимание чужеродности, несценичности, с мировоззренческих позиций китайца, того, что он видит на подмостках, потому что «в своем развитии и эволюции любая культура не может не испытывать глубокого влияния

и ограничения со стороны ресурсов традиций культуры, они связаны с ней нерасторжимыми узами» [15, с. 139]. Китайский театр вновь стал таким, каким его видел синолог, академик В.М. Алексеев, любивший его, и по свидетельству биографов ученого, относившийся к нему даже с неким трепетом. Вот определение китайского театра, которое сообщают нам дневниковые записи В.М. Алексеева: «Китайский театр в сравнении с европейским идет в искусстве другим путем... Китайский театр весь утрирован до полной потери протокольного сходства с жизнью. В процессе веков выработалась эта генеральная стилизация, утрировка, эксцесс. Из каждой вещи символика китайского театра извлекает ее суть и уже потом оперирует этой самой сущностью. На китайской сцене не игра вещей, а игра идей» [23, с. 52]. Китайское театральное представление в своем принципе рассчитано на знание и ответное воображение зрителя. Хотя, по большому счету, все его условности существуют только в представлении европейца, китаец их не видит: он понимает их необходимость, но к ним привык и воспринимает как нечто естественное. Как верно заметил Ю.М. Лотман, «...язык театра складывается из национально-культурных традиций, и естественно, что человек, погруженный в ту же культурную традицию, ощущает его специфику в меньшей мере» [16, с. 407].

Возвращаясь «на круги своя», отвергая зарубежный опыт и постепенно сводя к минимуму постановки на реалистической основе, китайский театр на первый план выдвигает создание образов идеальных героев. Сначала это были герои, вооруженные идеями Мао Цзэдуна (Лэй Фэн, Оуян Хай и др.), а затем их место стали занимать достойные герои китайской истории. Историческая пьеса, только не в том виде, как это привыкли видеть европейские зрители, а ярко стилизованная, вновь в почете. Не только религии типа даосизма и буддизма, но и конфуцианство с его приматом этики, основывалось на обряде, которому придавалось государственное значение и который распространялся и на придворный этикет и на деловые отношения, регулировал семейную жизнь и играл важную роль в поведении каждого жителя страны. По существу обряд в глазах самих китайцев был едва ли не основным выражением цивилизованности, отличавшей китайцев от прочих народов [12, с. 356]. Именно такая жизнь и представлена на театральных сценах Китая, именно такую жизнь хотят видеть китайцы в своем подавляющем большинстве¹.

Отечественные театроведы в последнее время пытаются усмотреть в состоянии российского и западного театра нечто объединяющее их, утверждая некую общую логику в их развитии. Обнаруживают на российских сценах новые стили и методы мирового сценического опыта, а также параллели с известными постановочными практиками европейских знаменитостей. Речь, вероятно, идет о знаменитой плеяде людей, появившихся в переходный, так называемый «перестроечный» период, и которых принято считать «бунтовщиками», еретиками и даже реформаторами отечественного театра. Они создают собственные театры-лаборатории и вволю экспериментируют. К примеру, А. Васильев в своей литургической драме пользуется техникой деконструкции материальных структур. Он полностью упразднил повествовательность жизненной истории, создав, таким образом, театральный синтез без персонажа. Он пошел дальше Мейерхольда, который в театральной практике опирался на четыре важных компонента: маска, жест, движение, театральная интрига. У Васильева нет первого и четвертого из перечисленных составляющих, в его арсенале три механизма активности: психика акте-

¹ Автору довелось убедиться в этом благодаря проводимому анкетированию по поводу театральных предпочтений среди китайских студентов, обучающихся во Владивостоке.

ра, физическая жизнь и слово как абстрактная фактура, которое можно «распределить», отвергая его семантическую сущность. По сути – это театр абсурда, где слово выступает только в роли метафоры, а предметом театра становится лишь действие, т. е. форма.

Привычно концентрируя свой исследовательский интерес исключительно на московских и петербургских (причем на немногих из них) театрах, российские театроведы совершенно упускают из виду театральную провинцию. Театральная провинция с множеством сценических коллективов, в основе своей существовала и существует по собственным законам бытия. Однако и здесь проявляют себя театральные поиски, увлечения различными формами восточного и западного театра, очевидной приметой которых является коллективное творчество, когда текст, музыка и сценография возникают по ходу репетиций и в их создании участвует вся труппа. Эти коллективы претендуют на статус лабораторного театра. Находясь в самоценных творческих поисках, новых способов сценического мышления и самовыражения, они не предполагают выход на широкую зрительскую аудиторию. Вместительность их залов обычно не превышает 30-100 мест, коллективы не работают на большие аудитории.

В дальневосточном российском городе Комсомольске-на-Амуре существует театр «КНАМ». Художественная концепция этого театра органически диссонировала с теми тенденциями, которые можно было выявить в общей театральной культуре региона и страны в целом. Изначально театр объяснил идею своего существования задачей «...противостояния стереотипам мышления и интеллектуальной лени» [27]. Кнамовцы ищут ответы на свои вопросы в самом человеке, в мотивах его поступков, в его психологии. Все спектакли этого театра не похожи друг на друга. Т. Фролова делает акцент на стиле автора, на его ритме и мироощущении. Сложно определить доминантные предпосылки появления авангардного театра в таком небольшом городе; наметившаяся либерализация художественной жизни страны, безусловно, способствовала рождению столь смелой идеи, но мы не можем проигнорировать и субъективный, т. е. личностный фактор. Театр, безусловно, зависим от своего творческого лидера, так как абсолютное большинство сценических идей принадлежало (и принадлежит) режиссеру театра Т. Фроловой. В этом мнении нас утверждает отзыв московского театроведа, посетившего маленький дальневосточный театр: «...начитанность, эрудиция, изобретательность режиссера поражают. Как будто живет она не на краю света, а в центре Европы» [18]. Независимый театр Т. Фроловой, лишенный государственной поддержки, работает простыми техническими средствами, находя точные решения в упрощенных декорациях, технических приспособлениях. Нам не известно, осознано или нет, она использует идею ретеатрализации театра: «...мы можем отказаться от драматургии, от автора, создавая спектакли коллективно, придумывая спектакль прямо на площадке», – декларирует режиссер в своей творческой программе [27]. В итоге неординарного коллективного мышления спектакли, создаваемые в этом театре, утрачивают авторскую идею и обретают новое звучание. К концу 1990-х «КНАМ» все чаще выходит на мировой уровень театрального общения (Германия, Франция, Португалия, Италия, США и др.). У европейских театральных деятелей представления маленького провинциального театра из России вызывают искренний интерес, вероятно, это происходит от близости театрального языка общения. Хотя, если внимательнее приглядеться, то в идеях, воплощенных этим коллективом, легко обнаружить повтор того, что пережито Европой еще в 1960-х годах, правда, с некоторой модернизацией.

Маленькая любительская студия «Триада», которую еще в 1987 г. в

Хабаровске «знали все» – к началу 1990-х превращается в муниципальный театр. Камерная обстановка театра под руководством В. Гоголькова привлекала внимание хабаровских любителей театрального творчества непривычной эксцентрикой пантомимы. Режиссер театра использует импровизацию как часть своего творческого метода: провоцируя актера на импровизацию в рамках заданной поэтической (метафорической) темы, В. Гогольков добивается органичного результата, и впоследствии включает его в создаваемый спектакль. В театре молчание актера на сцене долгое время понималось как неотъемлемый и естественный элемент выразительности (К. Станиславский «Работа Актера над Собой», «зона молчания»), а не насильственно-привнесенное условие жанра. Однако со временем «Триаде» не хватает слов, и он становится речевым театром, хотя и сохраняет высокую степень метафоричности. Например, в спектакле «Страна слепых» по Г. Уэлсу актеры говорят, в нем на равных правах сосуществуют музыка, пластика, слово и сценография, но с преобладанием эксцентрики. Феномен клоунады в пантомиме, хотя придуман не Гогольковым¹, но весьма умело вписан режиссером в творческий контекст театра. Самые веселые спектакли в «Триаде» поставлены самими артистами. В России нет драматургов, которые писали бы сценарии для коллективов, работающих в стиле пантомимы или клоуним-шоу. В этом смысле коллектив уникален и неповторим. Им создан «целый сериал постановок про «дворюг», забавных людей, странных и нерациональных, с точки зрения простого обывателя» [17]: «Наш дом», «Коловращение», «Дворюги», «Крысь», «О, блин, шоу!» и др. составлены из комических этюдов. Каждый в коллективе находится в свободном поиске сюжетов. Как происходит творческий поиск, поведал сам режиссер театра: «...смешное из жизни вытянуть трудно: нужно слишком многое отсечь. Когда накапливается достаточное количество этюдов, их подбирают один к одному по внутренней логике. В результате получается некий конгломерат иронического отношения к действительности и явного комизма составных частей пьесы» [20]. Получается синтез циркового искусства, пластической импровизации, включающей элементы акробатики, гимнастики и хореографии, и цельной ассоциативной канвы, объединяющей весь спектакль. И это тоже заимствования. Правда во множественных интервью с господином В. Гогольковым мы ни разу не встретили такого признания, что являет собой одну из специфических составляющих театральной жизни.

Необходимо отметить, что те российские театры (включая и провинциальные), которые решаются на привнесение нового и необычного в собственные постановочные практики, совершенно отчетливо осознают инаковость театральных культур, от которых они приняли эти заимствования, так как они делают это сознательно. Состояние метакультуры, как уже отмечалось, характеризует рефлексивную способность культур (прежде всего национальных) творчески развиваться в отношениях друг с другом, способность дарить свои достижения и осознанно использовать достижения других культур для взаимного развития [29, с. 20]. Субъективный творческий поиск заинтересованных лиц приводит к чему-то новому, к тому, что принято считать сценическим авангардом.

Теперь мы признаем авангардом в театральной жизни России все то, что Европой прожито уже давно, еще в 60-х гг. XX столетия. Специфика манифестов модерна и авангарда заключается в том, что их нельзя определять как ложные или истинные. Они не верифицируемы. Дело только в их способности жить и оказывать влияние. Удивительно, но многие современники сходятся в желании творить другую жизнь на сценах театров и что знаменательно – очень похожую жизнь.

¹ Идеологом этого направления по праву считается В. Полунин

Если ситуация культурного диалога между европейским, российским и восточным театральным искусством, пусть и не равнозначного по силе взаимного влияния, должна оцениваться как дарение одной культуры другой, то театр тюрко-монгольских народов России, по нашему представлению, имеет с восточным театром единую сакральную природу. И это положение обязывает нас в нашем эссе выделить якутский театр, представляющий театральную культуру дальневосточного региона России, в особую строку. Обрядовый театр как древнейшая форма всемирного театра со свойственным ему непосредственно-эмоциональным восприятием действительности, выраженным эпической архаикой, оказался весьма живуч среди народов российского Севера. Якуты – древнейший тюркский народ, в отличие от многих других тюркских этносов сохранивший традиции предков почти в первозданном виде. Якутский национальный театр держится на фольклоре, синкретическая сущность которого включает «слово, музыку, танец и любые вариации движений, заключающие в себе смысл и знаковость предмета с единой семантикой, орнамент и другие формы изображения, ритуальный инвентарь, систему представлений о мире, выражаемую самими различными способами и средствами» [21, с. 21]. Процесс официальной театрализации постепенно привел к тому, что образно-пластическая среда, органичная в своей сценической природе, вытесняется профессионально емким термином «сценография», которая, по концепции искусствоведа В.И. Березкина, в ходе эволюционного развития театра проходит три этапа [5, с. 14]. Так вот, якутский эпический театр возродился именно через возвращение к состоянию «предсценографии», когда не все решает режиссер. Поразительно, но эту творческую концепцию разработал якутский режиссер А. Борисов, человек незаурядного творческого масштаба (ныне министр культуры Республики Саха (Якутия). Самобытность и большой творческий потенциал молодого выпускника ГИТИСа А. Борисова, назначенного в 1982 г. режиссером в Якутский государственный драматический театр им. П.А. Ойунского, отчетливо проявились в первых же его работах. В театр он пришел со своим дипломным спектаклем «Желанный, голубой берег мой» по мотивам повести Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря». Этот спектакль стал точкой отсчета нового этапа в истории якутского театра. После феноменального старта определяющим направлением в творчестве театра становится обращение к историческому прошлому народов Севера. В палитре северной тематики постепенно высвечиваются образы собственно якутской культуры. Основой эстетики якутского театрального искусства, национального по мироощущению и интернационального по форме выражения, являются народные истоки, традиционная культура. В его основе олонхо, театр одного актера – шамана, поэтому по стилю он оказался близок театру – представлению. Театр, соединяющий достижения мировой сценографии с фольклорными традициями якутского народа, был воспринят мировой публикой и театральными деятелями «как настоящее открытие» [8]. Вскоре театр объехал весь мир, уже в 1988 г. он участвовал в международном театральном фестивале «Сервантино» в Мексике. Мексиканский обозреватель А. Диес Рамирес восторженно писал, что «мексиканцы должны благодарить судьбу за знакомство с культурой якутского народа» [13, с. 15]. Подобными отзывами пестрели полосы газет практически всех театральных городов мира, которым посчастливилось познакомиться с эпическим театром из далекой российской Якутии. А. Борисов утверждает, что «будущее театра за универсальными артистами, умеющими делать все» [6].

В подобном режиме работает еще один национальный театр автономии – передвижной театр из Нюрбы под руководством режиссера Ю. Макарова. Приглашенное компетентное столичное жюри, в составе

которого была Н. Сорокина – известный российский театровед, искусство Нюрбинского театра оценило как авангардное: «...действие происходит на уровне шаманства, но шаманства профессионального» [6]. Сказочные легендовые представления практически лишены логики, они направлены на эмоции зрителя. Практически отсутствует драматургия в смысле литературного текста, чаще они основаны на легендах северного народа, с фантастической подошлекой. Необычны сочетания звукового и визуального рядов в представлениях: тяжелый рок и шаманский бубен, резкие звуки металла и грубое вмешательство света в соединении с природной чистотой сказаний. Необычен и сам режиссер образного театра: «...с художественным руководителем общаться невозможно, он такой же, как его спектакли...».

У каждого из этих двух якутских режиссеров, несмотря на разнообразие тем, есть свои излюбленные пластические мотивы, рисующие сценическое пространство. Театроведческий анализ о работе якутских постановщиков чаще всего упирается в тезис об условности техник предопределяющих эстетические сферы выражения. Ю. Макаров и А. Борисов регулярно дают мастер-классы в различных театральных центрах Европы, европейские театральные мастера с удовольствием заимствуют у якутов идеи актерских и сценических техник и в этом заключается их дар миру театра.

Итак, мы обнаруживаем, что стремление к иллюзии правдоподобной и естественной жизни на сцене в последнее время захватывает фактически всю театральную Европу, вовлекает все новых и новых представителей российского театрального бомонда и, как оказывается, даже театральную провинцию¹. Появившаяся возможность культурного диалога дает нам определенное понимание этого процесса. Между Востоком и Западом нет взаимовлияния, есть только заимствования. Театральный Запад больше берет у Востока, театральный Восток что-то взял у России, да и то, как выясняется, в период наивысшего целеполагания. По утверждению региональных ученых, «Китай ассимилировал всех завоевателей, которые перенимали китайскую культуру, заимствуя из нее три важных компонента: конфуцианское учение, государственное устройство, соответствующее этому учению, и школу» [9, с. 44]. Мы позволим себе пополнить этот небольшой, но весьма значимый перечень театром. «Попытки же модернизации китайского театра путем прививки органически не связанных с ним западноевропейских и приемов и сюжетов до сих пор не имеют успеха» (РГИА ДВ. Ф. Р-2480. Оп. 1. Д. 1. Л. 28). Эти слова, сказанные почти столетие назад, остаются актуальными и сегодня.

Условный восточный театр – манящая загадка для людей инакомыслящих. Его приемы мы встречаем у многих западных постановщиков. И это объяснимо тем, что театру естественно стремление к своим основаниям, ибо от рождения своего на земле это величайшее из искусств выражало себя не словом, а действием. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир по-разному. Если со сцены исчезнет слово, к чему теперь стремится театр, то исчезнут и социокультурные конвенции, с точки зрения лингвистики, упорядочивающие миропонимание между носителями той или иной культуры. Театр же предлагает свое миропонимание через мимику и жест. Режиссеры – космополиты активны в своих поисках необычного, непривычного. Это их волевой выбор, потому что они самостоятельны в своем творческом мышлении. Не желая служить куль-

¹ В дальневосточной театральной провинции насчитывается с десятков подобных студий

турной политике, они невольно «вырывают» театр из лоно государства, в котором тот существует. Это субъективный процесс.

Часто интеллектуальная «мода на всемирность» приводит к появлению на сцене произведений чисто умозрительных, искусственных, к возникновению своего рода эстетического эсперанто» [4, с. 363]. Согласимся с мнением известного театроведа. Но может быть и нет необходимости полного растворения друг в друге? Антрополог театра Э. Барба утверждает, что «только сопоставив себя с другими можно определить собственную индивидуальность, найти смысл собственного пути и своей идентификации». Определение «культура без границ», изначально внушающее оптимизм, на деле оказывается коварным. Когда теряются линии границ, может быть утрачена и самоидентификация, театр не должен стремиться к однообразию. Известный китайский писатель Ван Мэй на встрече с культурными деятелями России с грустью отметил, что «в условиях стремительного развития глобализации необходимо сохранить многообразие мировой культуры и самобытность национальных культур» [19, с. 10]. На фоне поиска общих смыслов в неизбежных межкультурных взаимодействиях театр, получая от этого процесса новые импульсы творческого развития, не должен отрываться от своих корней. И в этом есть его состояние «мета».

Литература

1. Альмова С. Китайский театр // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1926. № 7.
2. Арто А. Театр и его двойник. М., 1993. 321 с.
3. Барба Э. Бумажное каное. Трактат о театральной Антропологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. акад. театрального искусства, 2008. 304 с.
4. Бартошевич А.В. Всемирный театр как историческая реальность. Закономерности развития // Театр XX века. М.: «Индрик», 2003. 623 с.
5. Березкин В.И. Искусство сценографии мирового театра: в 2 т., М., 1997. Т. 1.
6. Бородянская Н., Никифорова Б. Вернуть зрителя // Молодежь Якутии. Якутск. 1986. 27 марта.
7. Брехт Б. «Эффекты отчуждения» в китайском сценическом искусстве // О театре. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 236 с.
8. Василевский И. Театр студеного края // Индустрия Севера. Якутск, 1988. 22 марта.
9. Головачева Л.И. Конфуцианство как основа цивилизации Китая // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1997. №1. С. 42-48.
10. Должанский Р. Оперо-разыскные мероприятия. Российско-китайский спектакль в Шанхае // Коммерсант. 2005. 5 мая.
11. Ежи Гротовский. От Бедного театра к искусству-проводнику // Искусство режиссуры. XX век. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2008. С. 539-620.
12. Желуховцев А. Н. Роль традиции в формировании стереотипов мышления и поведения в современном Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Прогресс, 1972. 374 с.
13. Иванова Л. Все мы в одной лодке // Театральная жизнь. 1989. N 22.
14. Королева В.А. Китайские и корейские театры на Дальнем Востоке // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 42-45.
15. Линь Яньмэй. Формирование культуры гармоничного социалистического

общества // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 138-142.

16. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб.: Акад. проект», 2002. 542 с.

17. Марков И. Теперь они свои «три ада» в «кусочек рая» превратят // Приамурские ведомости. Хабаровск, 1995. 29 сент.

18. Мягкова И. «По долинам и по взгорьям...» // Русская мысль. 1999. 22-28 апр.

19. Окно. Россия и Китай смотрят друг на друга: рассказы, очерки, эссе. М.: Академкнига, 2007. 208 с.

20. Пылаев В. От Урала до Чукотки лишь один такой театр! // Суворовский натиск. Хабаровск, 1996. 10 февр.

21. Путилов Б.Н. Фольклорный процесс и этническая история Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. 335 с.

22. Рахманин О. Из китайских блокнотов. О культуре, традициях, обычаях Китая. М.: Наука, 1982. 111 с.

23. Сорокин В.Ф. В.М. Алексеев и изучение китайского театра и драматургии // Традиционная культура Китая. М.: Наука, 1983. 207 с.

24. Театр // Судьба культуры КНР (1949 -1979). М.: Наука, 1978. 380 с.

25. Театр XX века. Закономерности развития. М.: Индрик, 2003. 623 с.

26. Фу Вэйфэн. История и опыт применения «системы» Станиславского в китайской театральной школе: автореф. дис. канд. искусствовед. СПб., 2009. 21 с.

27. Что считаем важным // Текущий архив театра «КнАМ».

28. Штейнер Е.С. О личности, преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 38-42.

29. Ячин С.Е. Метакультурные основания межкультурного диалога в условиях глобализации // Россия в метакультурном диалоге со странами АТР. Сб. науч. ст. Владивосток, 2009. 208 с.

УДК 327.2 (355.4)

Караман В.Н.

**Русский Дальний Восток как стратегический
плацдарм гегемонии в Азии
(1860-е – 1960-е гг.)**

**Russian Far East, as strategic base of hegemony in Asia
(1860 – 1960)**

В статье затронуты вопросы, касающиеся русского Дальнего Востока, как военно-стратегической категории. Военные конфликты второй половины XIX – второй половины XX века рассматриваются с военно-стратегической точки зрения. Прослеживается путь, пройденный Россией за столетие обладания Дальним Востоком. Рассматриваются те военные конфликты, которые коснулись региона, и их геополитическое влияние на него.

Ключевые слова: военное дело, геополитика, Азия, Россия, русский Дальний Восток.

The questions of the Russian Far East as the military-strategic category are given in the article. The military conflicts of the second half of the nineteenth – twentieth centuries are considered from the military-strategic point of view. The way which Russia passed for the hundred of being the owner of the Far East is considered in the article. And also the military conflicts touching the region and their geopolitical influence on it are examined.

Key words: *military science, geopolitics, Asia, Russia, Russian Far East.*

После распада Советского Союза непропорциональная распределенность населения по территории России, продолжающаяся миграция с русского Дальнего Востока в европейскую часть и за рубеж, делает Россию крайне уязвимой в геополитическом отношении. При этом русский Дальний Восток уже в силу своего географического положения, с еще

не вычерпанными ресурсами является крупнейшим регионом Азии. Наличие огромных природных богатств при мировом финансовом кризисе резко усиливают его уязвимость. Все это делает тему стратегического положения русского Дальнего Востока одной из основных в общественно-политической жизни страны. Последние военно-политические события в мире показывают, что борьба за гегемонию в мире, за контроль и распоряжение все убывающими природными ресурсами военным путем далеко не ушли в прошлое, а так и остались одним из видов человеческой деятельности. Геополитический идеализм¹ (новомодный, но очень удачный термин), так и не стал реальностью, хотя носителей такого сознания не так уж и мало, но не настолько, чтобы стать реальной силой (по Ленину). Идея «справедливого» перераспределения природных ресурсов настолько несовершенна, что вызывает вполне справедливые подозрения в ее принадлежности к той части информационной войны, которая создает идеологическое прикрытие возможности отторжения от России наиболее ресурсосодержащих регионов [7]. Конечно, война становится все более дорогостоящим мероприятием, и если исходить из постулата Клаузевица, что «война есть продолжение политики» [5], то невоенные способы, пока более эффективны для достижения поставленных задач (в частности контроль над ресурсами). Но, как только война окажется более эффективным средством, она будет тотчас развязана. А все сдерживающие факторы (ООН, «мировое общественное мнение» и т. д.), только слегка притормозят и несколько увеличат расходы на войну (ее информационная часть), но не остановят ее.

Если войну рассматривать как реализацию права сильного, то создание и укрепление военно-стратегических плацдармов, есть использование возможности стать сильным. Победа и поражение во многом определяются тем, сумеет ли государство вовремя распознать и использовать военно-стратегический потенциал своих регионов [11].

За период, когда Дальний Восток стал частью Российской империи до второй половины XX века России приходилось вести несколько раз боевые действия непосредственно вблизи своих дальневосточных границ: война с ихэтуанями, русско-японская война (1904-05 гг.), операции по ликвидации хунхузов (1900-1917 гг.), интервенция на Дальнем Востоке (1918-1925 гг.), конфликт на КВЖД (1929 г.), бои у о. Хасан (1938 г.) и на р. Халхин-гол (1939 г.), советско-японская (1945 г.), бои на о. Даманский (1969 г.).

Соответственно, получают несколько периодов. Они определяются теми военными столкновениями, в которых так или иначе был задействован потенциал Дальнего Востока.

К середине XIX века вопрос восточных границ России еще не был окончательно решен. Деятельность Г.И. Невельского и Н.Н. Муравьева-Амурского на юге Дальнего Востока решила проблему образования русского Дальнего Востока как стратегического плацдарма. Они сделали наиболее логичный и в стратегическом плане спасительный для России шаг. Это было осознано не сразу и не всеми [10, 14]. Но главное, это нашло поддержку сначала Николая I, а затем и Александра II. Здесь, пожалуй, будет уместна такая параллель: две фигуры мировой истории, мало схожие между собой (русский царь Николай I, и израильский генерал Моше Даян), однажды оказались в схожей ситуации, но решение они приняли не просто разное, а диаметрально противоположное.

Николай I, которого вряд ли можно назвать очень мудрым и даль-

¹ Геополитический идеализм — попытки установления мирового порядка на основе международного права без войн и доминирования великих держав (термин дается по Сетевому проекту Аналитического и образовательного портала «Институт геополитики профессора Дергачева» URL: <http://dergachev.ru/meo/04.html>)

новидным политиком, однако его резолюция на действия Г.И. Невельского «где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен» [8, с. 114], после того как Г.И. Невельской поднял русский флаг на берегах Амура оказалась более геополитически мудрой, чем решение героя шестидневной войны. После блестящей военной победы Израиля Моше Даян приказал, несмотря на энергичные протесты главного раввина ЦАХАЛа Шломо Горена, снять израильский флаг с Храмовой горы и это буквально через несколько часов после того, как израильские парашютисты взяли Иерусалим [9]. В принципе Николай I повторил применительно к схожему случаю слова морского устава: «Все корабли российские не должны ни перед кем спускать флага».

По мнению такого военного стратега как А.А. Свечин, как раз к этому периоду Россия стояла перед сложными задачами и главной была юго-восточная граница России. Без этого Россия могла оказаться в положении, в котором она была в XIV веке «между Ордой и Литвой»: «В течение четырех веков после разгрома Азии Тамерланом Россия располагала тылом, обеспеченным той политико-экономической просторацией, в которой находились азиатские народы, и могла уделять все свои силы и внимание европейским делам. Но в последней трети XIX столетия в Японии закипела энергичнейшая реформаторская работа, и в 1895 г. Япония, окрепшая и усвоившая завоевания европейской техники, совершила первую, весьма успешную пробу своих сил в войне с Китаем. » [12, с. 449].

Со времени подписания Пекинского договора до начала XX века идет только хозяйственное освоение Дальневосточного региона. Целеустремленной политики по созданию стратегического плацдарма не просматривается. Создание как минимум военной силы, сопоставимой с европейской частью России не планируется. Созданные воинские соединения еще малочисленны и не способны к полномасштабной войне и это притом, что Россия стала впрямую граничить с наиболее густонаселенным регионом мира.

Однако необходимость заставляет более уважительно смотреть на Дальний Восток и Россия начинает в 1897 году постройку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). При планировании постройки основным критерием стала финансовая выгода, а не стратегическое укрепление дальневосточного региона. В 1899 году создается Восточный институт, как прикладное учреждение в военно-экономических целях. Это пожалуй самое стратегически важное решение, принятое в тот период. В последующие годы выпускники именно этого заведения оказались наиболее востребованы в военных целях.

Слабость Цинской империи особенно проявившаяся после Опиумных войн (1839-42, 1856-60 гг.) позволила иностранным державам решить, что Китай годен только для колониальной экспансии. В результате вместо слабого тогда Китая России пришлось столкнуться с мощными конкурентами за гегемонию в Азии. Главный стратегический просчет был в недооценке азиатских стран. Причем, просчет этот сделали и все европейские державы. Хотя европейские аналитики не строили особых иллюзий в отношении Японии: «Если я не особенно ошибаюсь, этот небольшой народ, восточный до мозга костей, вполне готов доказать выстрелами своих орудий, что шесть великих держав – только часть всего мира. Что участь их в конце концов зависит от храбрости их солдат, как и участь накопленных ими богатств, свободы и всего того, что они считают для себя наиболее дорогим» [2, с. 12-13].

Война с ихэтуанями оказалась пробой сил. Наилучший урок для себя извлекла Япония. В результате она оказалась за короткий срок доминирующей силой в Азии.

Именно во время войны с ихэтуанями наметились те противоречия, которые очень четко обозначились во время русско-японской войны. Императорское правительство оказалось не способно развить потенциал Дальнего Востока на службу России, а направило все усилия на выкачивание средств из Маньчжурии. Поражение в русско-японской войне не было катастрофой, но как говорится, оно стало последним звонком, требующим уделить внимание Дальнему Востоку.

Русско-японская война может служить классическим образцом того как стратегическая подготовка по военному, дипломатическому, идеологическому направлениям фактически решают исход намечавшейся войны. Практически все и современники, и исследователи отмечают, что Япония, в отличие от России, вела войну с крайним напряжением сил, и что одно, даже не самое значительное поражение могло поставить крест на дальнейшей экспансии Японии в Азии [6, 12]. Япония заняла очень выгодную идеологическую позицию (на которой Япония стояла вплоть до капитуляции в 1945 г.), Она выступила, как «как защитница Дальнего Востока от русского империализма, как паладин всех других империалистов, заинтересованных в том, чтобы их доля в Китае не умилилась. Японской дипломатии удалось добиться и дружественного отношения со стороны китайцев, что имело крупное значение, так как военные действия происходили на китайской территории, и что было очень не легко после поражения и насилия над Китаем в 1895 году» [11, с. 73]. К концу 30-х годов XX века это вылилось в геополитическое направление, которое получило красноречивое название «сфера сопроцветания Великой Восточной Азии». В этом плане характерны слова последнего куплета популярного в то время японского военного марша (露営の歌)¹:

...
Мир в Азии.
Какая жертва может быть слишком большой?

В императорской России же на государственном уровне не было сделано ничего, чтобы поколебать эту позицию. Результат не замедлил сказаться. В России никто не видел смысла в войне с Японией. [6, 9].

Потенциал Дальнего Востока не был ясен для правительства, и для большинства населения России, и для многих влиятельных лиц в Петербурге, а ведь последним приходилось принимать решения, которые в дальнейшем определяли развитие России. Необходимость стратегического развития приходилось доказывать: В частности, поэтому поводу В.К. Арсеньев писал: «При царском правительстве по отношению к Дальнему Востоку никогда не было определенной политики. То на него смотрели, как на бесполезную колонию, то вдруг возникала кровопролитная война с Японией из-за влияния в Корею и Маньчжурии; то раздавались голоса из Петербурга о том, что портофранко нужно до зареза и затем совершенно неожиданно многие предметы первой необходимости облагались высокой таможенной пошлиной. Тоже самое и по отношению к соседям: то преследовали японцев и покровительствовали китайцам, то гнали корейцев и устраивали альянсы с японцами, но потом в немилость впадали китайцы и появлялось полное равнодушие к корейцам. Что же касается до туземного населения, то к нему бывшее правительство относилось более чем безразлично. В 1822 году было выработано особое «Положение об инородцах», которое по существу оставалось чисто бумажным делом. В 1848 году оно пересматривалось особой комиссией, которая работы своей не закончила. Тогда в распоряжении правительства не было сколько-нибудь сносной статистики даже для взимания ясака» (ПГОМ. МПК-15433-200). Наиболее последовательным адми-

¹ «Бивачная песня»

нистратором, отстаивавшим интересы Дальнего Востока и сделавшим его стратегическим плацдармом России на Востоке был П.Ф. Унтербергер. Не будет преувеличением сказать и то, что изгнание интервентов с русского Дальнего Востока было подготовлено и его предшествующей деятельностью на посту как военного губернатора, так и генерал-губернатора. В этом отношении деятельность П.Ф. Унтербергера была наиболее успешной. Достаточно упомянуть создание Владивостокской крепости. Хотя к этому времени крепости начинают утрачивать былое значение, [4, 11] на Владивостокскую смотрели, как на серьезное препятствие на пути захвата Дальнего Востока [14].

Несмотря на то, что сам Китай был объектом экспансии, китайцы стали все в большем количестве проникать на территорию русского Дальнего Востока. Особой проблемой были хунхузы. Сменивший П.Ф. Унтербергера Н.Л. Гондатти несколько «ослабил вожжи». По нескольким проектам В.К. Арсеньева засилье хунхузов удалось немного обуздать, однако без большой целенаправленной государственной программы сделать это было сложно.

После падения самодержавия и гражданской войны русский Дальний Восток сам стал объектом экспансии, как два десятка лет до того Маньчжурия. И чехословацкий корпус и не многочисленные части США, Англии, Франции и Италии можно рассматривать как случайных «гостей», а вот войска японской императорской армии обосновались серьезно и продержались дольше всех. Поэтому создание ДВР следует рассматривать как использование потенциала Дальнего Востока в борьбе с вполне возможным перерастанием экспансии в прямую оккупацию.

После изгнания интервентов советской власти пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и императорскому правительству. В 1926 году В.К. Арсеньев сделал обстоятельный доклад для III ОГПУ в котором охарактеризовал стратегическое положение русского Дальнего Востока (ПГОМ. 15433-200).

В 1929 году срабатывает «мина замедленного действия» – КВЖД. Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в кратчайшие сроки удается взять дорогу под свой контроль, разгромив значительно превосходящие силы китайцев. Но только военная победа не снимает проблемы. Всего через два года Япония «по-своему» решает восточный вопрос и начинает оккупацию Маньчжурии. В 1935 году дорогу приходится продать Маньчжоу-Го, а фактически – Японии, ставшей доминирующей силой на Дальнем Востоке.

Бои у озера Хасан и на реке Халхин-Гол 1938-39 гг. оказались серьезной проверкой стратегических расчетов, как СССР, так и Японии. Советская Россия учла просчеты идеологического восприятия войны. Пропаганда в отличие от императорской России работала полным ходом. Это дало свои положительные результаты. Японская же стратегема дала трещину. Планы «северного пути»¹ пришлось оставить и перейти к войне на Тихом океане. Упор только на твердость духа солдата не принес положительных результатов. Мало того, оккупированная Маньчжурия не дала необходимых средств для войны. Технически РККА превосходила японскую императорскую армию образца 30-х гг. XX века. Хотя у советского руководства и были серьезные претензии к собственно боевым действиям на Хасане, отраженные, в частности, в приказе наркома обороны № 0040 от 4 сентября 1938 года, основная задача была решена: Красная армия вышла победительницей. Не зря бойцы на Халхин-Голе вошли в историю, как поколение победителей [3, с. 19]. Главной же удачей (именно удачей, а не запланированным результатом) в противостоянии

¹ «Северный путь» – стратегическое направление согласно которому основным противником Японии являлся СССР.

СССР и Японии в этот период было то, что на боевых действиях не сказались так явно урон полученный в результате «Большого Террора», (главным образом, это изъятие из армии наиболее опытных военачальников и ликвидация диверсионных школ как стратегической единицы) [13].

Через шесть лет уже получившая опыт в войне Германией Советская армия смогла в ходе Маньчжурской операции сломить упорное сопротивление Квантунской армии. Хотя, надо отметить, это уже не была армия образца даже начала 30-х годов. Качество ее значительно снизилось. Но стратегема в том и заключается, чтобы сильного противника сделать слабым. Сказалась усталость. В течении долгих лет японская армия непрерывно воевала. Новые пополнения не успевали дорасти до уровня предыдущих. Экономический потенциал оккупированных областей не работал в той мере, чтобы обеспечить потребности войны.

После капитуляции Японии и окончания Второй Мировой войны «происходит смена» игроков. Стратегическим противником вместо Японии становятся США. А после 1949 года к ним потенциально добавляется КНР. Но, до конца 50-х годов отношения с КНР были более чем дружественные. Однако второстепенная роль совершенно не устраивала Китай. Если с США разногласия начались сразу после окончания Второй Мировой войны, то с Китаем борьба за гегемонию нарастала постепенно. Кульминацией стал конфликт на о. Даманский. Сразу было ясно, что захват острова не был военной операцией, так как не имел ни малейшего военно-оперативного смысла. Это было чисто политическое решение, направленное на переход Китая из числа второстепенных держав. После ряда стратегических, если не поражений, то безусловно и не удач (Карибский кризис, Пражская весна и др.) СССР начал терять стратегическую инициативу и его позиции в мире пошатнулись. К 1969 году Советский Союз находился в положении лучше всего обозначаемом шахматным термином «цугцванг», т.е. любое решение только ухудшает ситуацию или дает проигрыш. Действия направленные на то, чтобы как можно дольше не вводить в бой армейские силы, а оттеснять китайцев силами только пограничников следует признать самыми взвешенными на тот момент [1, с. 182]. Несмотря на воинственные заявления Мао Цзэдуна, Китай не только не был готов к полномасштабной войне с СССР, но и не был в ней заинтересован (хотя заинтересованность и понимание своих интересов не всегда совпадают). Цель состояла не в получении острова, или во вступлении в войну с СССР, а в выводе Китая из положения «младшего брата» в коммунистическом движении и «обитателя политических задворок» в мировой политике. Поэтому, хотя военное превосходство советской стороны и было несомненным, и военную компанию выиграл СССР, но политически выиграл только Китай, который вышел на мировую арену еще одним мощным игроком.

За весь период с 1860 по 1969 год русский Дальний Восток являлся стратегическим плацдармом гегемонии в Азии. Он остается им и по ныне. Мало того, динамика такова, что со временем эта роль будет все более возрастать. Разные российские деятели разворачивали и укрепляли этот плацдарм. Были как удачные решения, так и сомнительные, были и откровенно ошибочные (например, закрытие ГДУ в 1930 г.), однако все они дают возможность осмыслить современные тенденции и не повторять тех ошибок, которых можно вполне избежать, так как цена их слишком высока.

Литература

1. Бубенин В.Д. Кровавый снег Даманского. События 1966 – 1969. изд. 2-е доп. Владивосток. Русский Остров. 2009. 218 с.
2. Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. М.: Воен. изд-во, 2000. 255 с.
3. Дацьшен В. "Война и мир". Халхин-Гол в нашей повседневности. // Родина. 2009. № 8. с. 17-19
4. Карбышев Д.М. "Линия Мажино и позиция Зигфрида" // Военная мысль, 1939, № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fortification.ru/library/karbyshhev/> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
5. Клаузевиц, К. О войне. Москва: ЭКСМО; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 861 с.
6. Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. 527 с.
7. Нарочницкая Н. Российские природные ресурсы «должны принадлежать человечеству»? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/5128.htm> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
8. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849-55 г. Приамурский и Приуссурийский край. С.-Петербург. 1878. 424 с.
9. Нехама-Сара Шварц. «Взорвать мечеть Омара!» (рабби Шломо Горен генералу Узи Наркису 7 июня 1967г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://maof.rjews.net/history/18-history/11909-ls--r---7-67> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
10. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. т. 2. 528 с.
11. Свечин А.А. Стратегия. Военный вестник. М. ; 1927. 263 с.
12. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. – М. -Л.: Военгиз, 1928. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/index.html> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]
13. Старинов И.Г. Записки диверсанта. Альм. "Вымпел", М., 1997. 444 с.
14. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. С-Пб., 1912. 428 с.
15. Хирата С. Как мы будем воевать. Токио, 1933. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/hirata/index.html> [Дата обращения: 26.02.2010 г.]

УДК 327. 8

Биниконский Л.Б.

Проблема взаимопонимания России и США и российский лоббизм

**The problem of the mutual understanding between Russia and the United States
of America and the Russian lobbying**

В статье идёт речь о роли лоббизма в решении проблемы взаимопонимания между Россией и США. Обращается внимание на тот факт, что российский лоббизм находится в зачаточном состоянии при наличии значительной русскоязычной диаспоры в этой стране. По мнению автора, Россия упускает из виду влияние лоббистских групп на внешнюю политику США, на укрепление имиджа России, тем более что накоплен некоторый положительный опыт участия российского бизнеса в лоббировании своих интересов в Соединённых Штатах.

Ключевые слова: *взаимопонимание, группа интересов, диаспора, имидж, лоббизм, пиар-кампания.*

In the article there is speech about the role of lobbying in the decision of the problem of the mutual understanding between Russia and The USA. Great attention is paid to the fact of Russian Lobbying which is in the rudimentary state despite of the considerable Russian-language group in this country. According to the author's opinion, Russia loses sight of the impact of lobbying groups on foreign policy of the USA and on the strengthen of Russian image. Especially as, some positive experience of the participation of Russian business is accumulated in lobbying of its interests in the USA.

Key words: *mutual understanding, diaspora, the group of interests, image, lobbying, PR-company.*

Проблема взаимопонимания между россиянами и американцами редко когда стояла так остро и была более сложной, чем в настоящее время, хотя визит нового президента США Барака Обамы в Россию, итоги этого визита и последующие контакты представителей двух стран внушают надежды на позитивное разрешение если не всех, то хотя бы основных противоречий. Обе стороны испытывают чувства неудовлетво-

рённости и недоверия друг к другу, к чему имеются определённые предпосылки и о чём неоднократно упоминали лидеры двух стран в своих речах. Многочисленные факты «нестыковки» мнений России и США по главным международным проблемам широко известны. Однако пройти мимо них просто невозможно, иначе картина попыток России улучшить отношения с Соединёнными Штатами окажется неполной и необъективной.

В первую очередь, следует отметить, что Россия сделала несколько важнейших шагов навстречу Америке. Она инициировала окончание «холодной войны», что сберегло Соединённым Штатам, по западным оценкам, 1,3 трлн. долл. [28, Р. 48], вывела свои войска с территории стран прежнего Варшавского договора и фактически передала в западную зону влияния Восточную Европу, страны Прибалтики, Грузию и, возможно, Украину и Молдову.

Россия волей-неволей согласилась с расширением НАТО и выходом США из Договора ПРО 1972 года, который Россия считала краеугольным камнем международной безопасности. При этом Совет «Россия – НАТО», который был призван служить некоторым утешением за эти уступки, оказался неэффективной структурой. В частности, он был полностью проигнорирован западными союзниками в процессе принятия решения о первом за всю историю Североатлантического союза силовом действии за пределами традиционной ответственности НАТО – бомбардировке Югославии весной 1999 года.

Россия оказала решающую помощь Америке во время её военной операции в Афганистане в 2001 году, дала согласие на присутствие американского контингента в странах Центральной Азии, а в 2009 году предоставила США своё воздушное пространство для переброски в Афганистан грузов, необходимых американскому контингенту и войскам стран НАТО.

А где же ответные шаги Запада? К сожалению, усилия Америки по сближению с Россией нельзя назвать впечатляющими. В первое десятилетие российской государственности американская помощь концентрировалась в области ядерного разоружения, экономических реформ и некоторых гуманитарных проектов. Основная доля из 5,45 млрд. долл., полученных Россией от США за последнее десятилетие XX века, была предназначена на финансирование сокращения бывшего ядерного потенциала СССР. «На фоне нескольких сот миллиардов долларов законно или незаконно вывезенных из России и осевших в западных, в том числе и американских банках, эта сумма выглядит смехотворной» [19, с. 15-16]. Практически ничего не сделано в сфере сближения двух народов. В Америке учатся лишь 5,3 тыс. российских студентов – сравните со 100 тыс. китайцев – и лишь небольшая доля этих студентов поддерживается американским правительством. Международные обмены между двумя странами также увяли.

Ни наивный мечтатель Михаила Горбачёв, ни выступавший под знаменем либерализации, политической свободы и рыночного капитализма Борис Ельцин не нашли на Западе утешения. Россию не приняли ни в Европейский Союз, ни в НАТО, ни в основные западные структуры. Никто не предложил самой молодой демократии Европы некоего подобия «плана Маршалла». Хотя, в принципе, у Запада не было никаких моральных или других обязательств помогать России в труднейший переходный период, результатом которого было беспрецедентное падение возможностей государства и его влияния на международной арене.

Таким образом, столь привлекательно выглядевшая схема недавнего прошлого – соединение американской технологии и капиталов с российскими природными ресурсами и дешёвой рабочей силой – ока-

залась мёртворождённой. На фоне сотен миллиардов долларов инвестиций в коммунистический Китай скромные 8 млрд. долл. западных инвестиций в Россию являются лучшим свидетельством краха её экономических мечтаний. А если к этому добавить ещё всё более активную политику США на территориях бывшего СССР, которые Москва хотела бы сохранить в сфере своего влияния, то картина взаимоотношений России и США будет полной.

Экономическая слабость России, обусловленная многими факторами, связанными с трудным процессом становления российской государственности и состоянием экономики, не могла не сказаться на имидже России. Она, по мнению многих западных аналитиков «сошла с дистанции» и не являлась больше «участницей забега» [4, с. 8]. Однако подобное состояние России было временным явлением и это понимали многие. Например, президент Американского университета в Москве и Медиагруппы USA Эдуард Лозанский (Edward Lozansky), писал ещё в сентябре 1996 г. в газете «Вашингтон таймс» следующее: «Рано или поздно Россия оправится от нынешнего хаоса и восстановит свою экономическую и геополитическую мощь. Америка должна проводить такую политику, чтобы возрождённая сильная Россия оказалась на нашей стороне баррикад, встречая вызовы XXI века» [31].

Подобную точку зрения в 2000 году высказал в своей книге «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России» известный американский специалист Стивен Коэн: «Даже находясь в состоянии кризиса и слабости, Россия остаётся великой державой – уже хотя бы вследствие огромных размеров, занимая пространство в одиннадцать часовых поясов... На её территории сосредоточена большая часть мировых запасов энергии и полезных ископаемых. Это значение связано также с впечатляющей историей выдающихся достижений и влияния, оказанного на мировую политику, с высоким уровнем образования её теперешних граждан, с её арсеналами. Всё это определяет судьбу России не только как великой, но почти глобальной державы. «Мир без России» означает, если воспользоваться модным понятием, глобализацию без доброй части глобуса. Нельзя рассчитывать и на решение без России крупных международных проблем и конфликтов, особенно теперь, в мире без «холодной войны» [17, с. 217-218].

Однако, увы, политика Соединённых Штатов по отношению к России продолжала оставаться такой же, какой она была на протяжении последних двух десятилетий, так как от России ожидали поведения побеждённой страны, которое российский политолог А. Пушков назвал «германо-японской моделью» [23].

Сегодня Российская Федерация, несомненно, уже приходит в себя после очередного «смутного времени», хотя мировой экономический кризис и приостановил этот процесс. Тем не менее, есть все основания говорить об устойчивости «оздоровления» и способности России дать адекватный ответ на вызовы стремительной глобализации. Но, «чем крепче мы становимся, – отмечал министр иностранных дел Сергей Лавров, – тем больше, наверное, у тех, кто хочет бороться за влияние, желания помешать нам становиться сильнее» [18].

Запад всё чаще упрекает Россию в том, что она использует свои энергоносители в качестве инструмента давления на соседние страны. И основания для этого есть, хотя это не главное. Американский политолог, бывший советник президента Билла Клинтона по вопросам России и СНГ Марк Медисш считает, что «главная опасность – в том, что у обеих сторон есть влиятельные политические группы, которые полагают: плохие двусторонние отношения не являются проблемой, наоборот, они помогают отстаивать национальные интересы США или Рос-

сии. Эта тенденция чревата по настоящему опасной ситуацией для двух стран» [9]. Его мнение дополняет посол США в Российской Федерации Уильям Бернс, который считает, что опасность ситуации не в том, что мы находились и сейчас находимся на грани новой «холодной войны», а «в том, что обе стороны начали забывать, насколько Америка и Россия нужны друг другу и насколько отношения между нашими странами важны для остального мира» [2]. Фактически об этом же недавно высказалась и новая госсекретарь США Хиллари Клинтон, подчеркнувшая важную роль России в мире вообще и для США в отдельных областях в частности [13]. Спикер палаты представителей Нэнси Пелоси считает, что «у Москвы и Вашингтона общие цели. Так что нам просто необходимо работать вместе для их достижения. При этом отношения России и США должны основываться на доверии» [22]. С этим трудно не согласиться, так как в «холодной войне» активное участие принимали обе стороны и они, в меньшей или большей степени, несут ответственность за то положение, которое сложилось и существует в наших отношениях с США на сегодняшний день.

К большому сожалению, большинство западных лидеров, в том числе и США, до сих пор не проявили достаточной государственной мудрости и не осознали до конца стратегической важности задачи интеграции России в основные западные структуры исключительно в прагматических целях и в интересах собственной безопасности и экономики. «В Вашингтоне, Лондоне, Риме и Берлине не скупилась на громкие слова о желательности интеграции с Россией, но, по большому счёту, эти слова не подкреплялись серьёзными делами. Включение России в «большую восьмёрку» было одним из немногих практических шагов в этом направлении, но даже и этот скромный шаг вызвал ярость антироссийского лобби, которое не прекращает попыток добиться исключения России из этого престижного клуба» [19, с. 12-13].

Замечание автора этого высказывания – Э. Лозанского – единственного российского лоббиста, как он сам себя называет, о значимости лобби в решении важнейших международных проблем не случайно. Лоббизм, как известно, – это система приёмов и практика влияния различных групп граждан с особыми интересами на представителей власти с целью принятия выгодного для этих групп решения. Это «теневое, закулисное давление на власти, торг с властями, лицами, облечёнными властью; широко распространённая ныне в демократических странах система содействия принятию или отклонению какого-либо законопроекта» [5, с. 224].

И в этом плане следует отметить, что фактически на протяжении почти двух десятилетий существования российской государственности этот важный фактор воздействия на принятие государственных решений в США упускается из виду. Между тем, лоббизм официально признаётся неотъемлемой частью политической сферы жизни американского общества и содействует взаимопониманию различных позиций и интересов¹. По существу, все сферы жизни общества, где пересекаются интересы власти и других факторов, находятся под контролем лоббистских структур и организаций.

¹ В 1553 г. слово «лобби» употреблялось для обозначения прогулочной площадке в монастыре. Столетие спустя так начали называть помещения для прогулок в палате общин в Англии. Сам термин с этого времени стал обозначать место, где представители законодательной власти могли конфиденциально общаться с лицами, заинтересованными в принятии тех или иных решений. Политико-правовой оттенок это понятие приобрело ещё двумя столетиями позднее в США, когда в 1864 г. им стали обозначать покупку голосов за деньги в коридорах Конгресса. Однако подобная практика долгое время считалась предосудительной. В политической жизни других западных стран лоббизм закрепился лишь в XX в.

Мы нередко задаём вопросы типа: «Почему в американской прессе (да и не только в американской) на протяжении многих лет велась совершенно явная кампания против В. Путина, в то время как он, стабилизировал Россию, сделал ее более предсказуемой для окружающего мира, и, несмотря на то, что военно-политические контакты, в том числе и по линии НАТО, находились на достаточно высоком рабочем уровне и прерывались только после известных событий, связанных с агрессией Грузии против Южной Осетии и Абхазии и т.д.?». Ответ может быть только один: в этом виновата сама Россия, так как она не заботится о том, чтобы её политика поддерживалась в США и странах Запада группами лоббистов и PR-компаниями, как это делают сами Соединённые Штаты, когда хотят, чтобы их политика нашла понимание среди зарубежной общественности.

В качестве примера можно привести такой факт. Когда президент В. Путин (январь 2005 г.), выступая перед журналистами, в очередной раз высказался за скорейшее вступление России во Всемирную Торговую Организацию, конгресс США, который на протяжении ряда лет упорно не давал согласие на вступление нашей страны в ВТО, вновь ответил отрицательно. Брюс Стоукс – известный американский эксперт по вопросам внешней торговли, член Совета по международным отношениям наиболее известной неправительственной организации, дающей рекомендации американским государственным структурам, заявил по этому поводу следующее: «В США слишком слабы голоса лоббистов России и тех, кто способствовал бы принятию положительного решения о её вступлении в ВТО» [24]. Исполнительный директор Российско-Британской торговой палаты Стивен Диэл уверен: «Проблема России в том, что она очень плохо делает себе пиар» [25].

Многие в нашей стране удивляются упрямой позиции США в отношении Ирана. Но американская администрация не может игнорировать мнение еврейского лобби. Ведь Иран, как известно, занимает анти-израильскую позицию, неоднократно делал антисемитские заявления, ставит под сомнение Холокост, поддерживает всевозможных шахидов на Ближнем Востоке и даже угрожает самому существованию еврейского государства. И с этим приходится считаться. Одним из самых влиятельных людей Америки был умерший недавно Том Лантос, занимавший пост председателя сенатского комитета по внешней политике. Бывший беженец из Венгрии, спасённый Красной Армией, до конца жизни так и не пошёл на компромисс с иранским антисемитизмом. И естественно, в конгрессе продолжают работать его сторонники, которые осуждают Россию за поддержку Ирана и поддерживают те силы, которые не желают улучшения отношений с ней.

Как известно, иностранцы не голосуют на выборах в США, поэтому их точкой зрения там пренебрегают. Зато учитывают точку зрения своих нацменьшинств, которые, как правило, состоят из беженцев разных стран и имеют своё лобби. Восточно-европейские лобби в Америке в последнее время становятся всё более влиятельными: украинское, польское, чешское, прибалтийское догоняют еврейское по степени воздействия на американскую внешнюю политику. И все они отягощены тяжёлыми воспоминаниями о бедах, которые доставила им Россия и коммунистическая система. Именно выходцы и Центральной и Восточной Европы «пробили» расширение НАТО, способствовали принятию решения о размещении систем ПРО в своих странах. Вспомним о чешско-еврейских корнях госпожи Мадлен Олбрайт и о Дэне Фриде – бывшем заместителем госсекретаря США и после в Польше, который своей деятельностью иллюстрирует мысль Виктора Ерофеева о том, что, «будь я президентом Польши, попросил бы американцев разместить у нас свои

ядерные боеголовки, чтобы русские боялись нас, как в XVII веке».

Вывод всё тот же: Россия упускает из виду влияние лоббистских групп на внешнюю политику США, особенно из стран, которые нам кажутся маленькими. Пренебрежение «пуговицами», как называла в своё время З. Гиппиус, возникшие после Версаля страны, а тем более странами, получившими самостоятельность после распада Советского Союза – застарелая болезнь российского великодержавия. В то время как в Америке очень серьёзно воспринимают меньшинства.

К тому же, события происходящие в России, для западной публики чаще всего трактуют люди обиженные – не только беглые олигархи вроде Б. Березовского, но и представители стран бывшего СССР и советского блока – Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Польши, Чехии и других стран, и не жалеющие для этого чёрной краски. Например, наделавшая столько шума вильнюсская речь бывшего вице-президента США Ричарда Чейни, по мнению публициста Петра Черёмушкина, «была обращена к влиятельному прибалтийскому сообществу и стала ответом на жалобы всех этих группировок в Вашингтоне на политику Москвы» [27].

К этому следует добавить «обиженных» новой российской властью. Например, шахматист Гарри Каспаров ведёт неутомимую борьбу за исключение России из «Большой восьмёрки». Той же позиции придерживается и бывший президентский советник Андрей Илларионов: «Россия, утверждает он, принадлежит совсем к другой «восьмёрке», состоящей из таких стран, как Зимбабве, Гаити, Центральноафриканская Республика и т.п.»

А что же мы? Почему не слышно голосов тех, кто не согласен с такой постановкой вопроса, кто способен представить другую, более правдивую и реалистичную картину происходящего в России? Где российские «мозговые центры», которых так много появилось сегодня. Почему нет их представительств в Вашингтоне и крупных городах США? Где, наконец, российский бизнес, который должен бы финансировать эту деятельность, а не жаловаться на американские власти, которые не хотят отменить пресловутую поправку Джексона-Веника и не предоставляют им режим «наибольшего благоприятствования»?

Справедливости ради надо сказать, что многие российские компании сегодня успешно лоббируют собственные корпоративные интересы в США. Так не пора ли им задуматься также об интересах своей страны? И этому уже есть примеры. Так, две крупные российские компании «Лукойл» и «СтройТрансГаз» принимают активное участие в проведении ежегодного Всемирного российского форума в Конгрессе США. Это говорит о том, что идеи российского лоббизма в США начинают находить своих сторонников в серьёзных деловых кругах.

Если СССР вызывал постоянный интерес политической и деловой элиты (в 70-е гг. более 130 организаций в отчётах о лоббистской деятельности указали СССР в качестве сферы интересов), то сейчас Россией интересуются в основном стратеги из Госдепартамента США. Роли поменялись. Теперь имеют место лишь отдельные более-менее успешные попытки российских организаций отстаивать свои интересы в органах государственной власти США, о чём мы скажем несколько ниже.

В настоящее время большинство стран мира, постоянно стремятся отстаивать свои интересы в коридорах власти Вашингтона и оплачивает работу лоббистов. К примеру, в середине 90-х гг. прошлого века Мексика, чтобы без особых проблем вступить в Северо-Американский общий рынок (НАФТА), потратила 20 млн. долл. на лучших американских пиарщиков. Польша, пожелавшая вступить в НАТО, выделила из государственного бюджета 10 млн. долл. на лоббистскую поддержку своих усилий по осуществлению этой задачи. Как известно, эта цель была

достигнута [3, с. 40]. Целенаправленным продвижением своих государственных интересов в Вашингтоне занимается армянское и украинское лобби. Пресловутый «атлантизм» итальянской внешней политики поддерживается почти 9-миллионной диаспорой. И в этом смысле, диаспора является субъектом лоббистских усилий не только итальянских, но и американских политиков.

По неподтвержденным данным, значительные средства в создание своего позитивного имиджа в глазах американской политической элиты вкладывают некоторые лидеры постсоветских государств – Казахстана, Узбекистана, Грузии.

Недавно в зарубежной и российской печати промелькнуло сообщение о результативной работе английских лоббистов во главе с лордом Тимоти Беллом, (который считается одним из самых известных пиарщиков Европы) по созданию привлекательного имиджа президента Беларуси А. Лукашенко. За время сотрудничества с английскими лоббистами президент Лукашенко дал интервью нескольким крупным газетам, в том числе «Файнэншл Таймс» и «Франкфуртер альгемайне цайтунг». В октябре 2008 г. Евросоюз отменил действовавший в отношении главы Белоруссии запрет на въезд в государства ЕС, что позволило Лукашенко в апреле 2009 г. посетить Италию и Ватикан. Он также получил приглашение на майский саммит Евросоюза в Прагу. В прошлом году, накануне заключения контракта с Белоруссией, отвечая на вопросы «Российской газетъ», лорд Белл заявил, что «постарается помочь этой стране презентовать себя миру в наиболее выгодном свете» [26]. Президент Лукашенко, комментируя контракт с лордом, заметил, что без ремесла, которым занимается британский пиарщик, «невозможно представить ту или иную страну» [26].

В американском Госдепартаменте есть специальная структура, которая занимается пропагандой внешней политики США и улучшения образа Америки в мусульманских странах. При помощи PR-компаний улучшает свой образ и Пентагон. В конце прошлого года в Америке случился небольшой скандал, когда выяснилось, что военное ведомство через частную фирму оплачивало подготовку и размещение в иракских газетах статей, прославлявших американских солдат и успехи в строительстве демократии в оккупированной ими стране.

Тенденция усиления лоббирования прояснится, если посмотреть ретроспективно на имеющиеся в нашем распоряжении цифры: если в 1961 г. при американском Конгрессе было официально зарегистрировано 365 лоббистов, то уже к середине 1987 г. их насчитывалось 23.011, т.е. 43 на одного члена Палаты Представителей и одного сенатора [33, Р. 29]. В их числе – десятки бывших высокопоставленных американских чиновников, получающих за свои услуги официальные гонорары [15, с. 19-20].

По данным на 1999 г. только в Сенате и Конгрессе США действовали 12. 133 лоббиста: примерно 3 тыс. из них – в сфере налогообложения; 2. 700 занимались бюджетными вопросами; 2. 400 пытались влиять на сферу здравоохранения, чуть больше 2 тыс. специализировались по торговле, 1. 890 – занимались вопросами сохранения окружающей среды, отстаиванием интересов коренных народов Америки – 305. В 2000 г. лоббистской деятельностью занимались 129 бывших членов Конгресса США. В большинстве своём они представляли интересы крупных компаний [3, с. 38]. Сколько в настоящее время лоббистов «трудится» в США никто точно не знает – данные расходятся. Среди многообразия направлений деятельности вопросами международных отношений занимались лишь 605 и вопросами иммиграции – 499 лоббиста. По источникам за 2002 г. в США на всех уровнях власти действовало 18. 600 лоббистских

представителей [3, с. 37-38].

На начало 2006 г. в Вашингтоне было 27. 600 зарегистрированных лоббистов, по 52 на каждого из 535 членов конгресса [1].

По мнению самих американцев, официальные списки лоббистов в конгрессе США являются лишь частью профессионального лобби, поскольку многие лоббисты уклоняются от регистрации и, естественно, уплаты налогов и сборов. Не следует забывать, что в роли лоббистов выступают не только те, кто непосредственно представляет лоббистские группы в Палате представителей и Сенате США. Зачастую лоббистами становятся прогрессивные журналисты, общественные деятели, представители власти, так как отдельной, но известной личности проще «наводить мосты» между различными группами, имеющими нередко диаметрально противоположенные интересы, чем коллективу даже единомышленников. Парадоксально, но индивидуальные лоббисты лучше вписываются в глобальные процессы, создавая международные группы, систему «think-tanks» [3, с. 242].

Большую роль в лоббистской деятельности играют известные печатные издания, выражающие своё собственное мнение по тому или иному внешнеполитическому вопросу, или даже по проблеме, и предлагающие пути решения этого вопроса и проблемы. Их можно условно назвать «свободными лоббистами», так как они, воздействуя на своих читателей, слушателей, добиваются того, что голос общественности становится слышнее на Капитолийском холме и к нему начинают прислушиваться. К таким «свободным лоббистам» можно отнести, например, журнал «Нэйшн», основанный в 1865 г. – сразу после гражданской войны в США, и стоящий на позициях соблюдения принципов «моральной политики» Независимый, свободный от влияния какой-либо партии, в контексте американской политики он считается «леволиберальным» или «прогрессивным».

«Нэйшн» не только первый написал о том, что война в Ираке отразится на безопасности США, что было поддержано бывшим советником президента Буша Ричардом Кларком. Редактор и издатель журнала Катрина Ван Ден Хейвел высказывала мнение, что на Западе и в США нет настоящего понимания Путина. Его обвиняют в диктаторских замашках и попытках установить государственный контроль в разных сферах. «На самом деле всё гораздо сложнее, – считает она. В сфере экономики он пытается вернуть государственные активы, которые были розданы олигархам за бесценок» [6].

Лоббистов в США делят на несколько категорий: профессиональные лоббисты, зарегистрированные в Конгрессе; профессиональные лоббисты, выполняющие эту работу без регистрации; профессиональные лоббисты, работающие без регистрации, но имеющие официальные представительства, например, отдел по связи с Конгрессом США; профессиональные лоббисты из числа должностных лиц, обладающие большими связями и влиянием; непрофессиональные лоббисты, обладающие связями и влиянием и привлекающиеся к работе эпизодически или по совместительству.

Говоря о специфике американского лоббизма, специалисты отмечают некоторые характерные черты его развития. Грег Минджек (Greg Minjack), директор лоббистской фирмы Public Strategies Inc., например, полагает, что работа лоббиста в США стоит на «трёх китах». Во-первых, это ««лоббизм взаимоотношений» – я, например, работаю с тремя конгрессменами и доношу до них информацию». Есть «технический лоббизм, требующий понимания законов и нормативных актов, а также умения использовать их. Третий – и самый важный аспект – работа с людьми и донесение их мнения до органов власти» [30, p. 92-93].

Прямой лоббизм со стороны иностранных государств в США запрещён. Однако им не возбраняется нанимать разного рода организации, которые действовали бы в пользу той или иной страны. Эти лоббисты должны зарегистрироваться в конгрессе как «агенты иностранного влияния» и пройти регистрацию в Министерстве юстиции. Им следует открыть специальный банковский счёт, где размещались бы средства на лоббистскую деятельность.

Новый президент США Барак Обама ужесточил правила для лоббистов. В Вашингтоне всё более отчётливо звучат голоса о том, чтобы запретить компаниям использовать полученные в рамках Правительственной программы по оздоровлению экономики средства на лоббистскую деятельность в связи с мировым финансовым кризисом. Однако, по подсчётам Центра ответственной политики, глобальный экономический кризис не уменьшил доходы лоббистов, в том числе и компаний, представляющих иностранные государства. В соответствии с результатами отчёта Министерства юстиции США (Department of Justice) о деятельности лоббистских компаний, представляющих интересы иностранных государств, организаций и частных лиц в США, в первом полугодии 2008 года услугами лоббистов пользовались структуры России, Украины, Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Эстонии и Нагорного Карабаха [29].

Следует учитывать, что процесс выработки внешнеполитического курса Соединённых Штатов идёт не только в Белом доме и Госдепартаменте, но и при участии Конгресса, различных «мозговых» центров, СМИ и многочисленных неправительственных организаций, в том числе и тех, которые выражают интересы различных этнических групп. И у России есть сторонники, объективно оценивающие её значимость в мире и критикующие политику Белого дома, проводимую им в отношении нашей страны. Так, сторонники американо-российского альянса собрались в середине мая 2006 г в количестве 350 человек в Конгрессе США на ежегодное заседание под названием «Всемирный российский форум» и заявили, что полны решимости продолжать борьбу за этот альянс [20, с. 88]. Как отметил на этом заседании конгрессмен Джо Уилсон из Южной Каролины, подавляющее большинство членов Конгресса выступает за сотрудничество с Россией и не разделяет радикальные взгляды МакКэйна и Лантоса, но с ними нужно постоянно работать, посылать необходимую информацию, встречаться лично, либо с их помощниками по международным вопросам и т.д.

Высказывание конгрессмена Джо Уилсона можно подтвердить следующим фактом. Так, конгрессмен-республиканец из Пенсильвании Курт Уэлдон, собрав большую группу экспертов, представил доклад, содержащий важнейшие направления и конкретные проекты американо-российского сотрудничества в самых различных областях – от сельского хозяйства до науки, образования, энергетики, космоса и др. Этот документ под названием «Партнёрство Россия – США. Новые времена – новые начинания» подписали 142 члена Конгресса, включая многих влиятельных конгрессменов и сенаторов США [20, с. 99-100]. К сожалению, пока ни в Белом доме, ни в Кремле к этому документу не отнеслись серьёзно, в то время как «программа Уэлдона» является весьма своевременным и адекватным ответом тем политикам России, которые полагают, что Россия делает односторонние уступки США и ничего не получает взамен, так как в основе программы Уэлдона лежит принцип равного учёта интересов как США, так и России.

На слушаниях в Конгрессе США республиканец Дан Рорабакер и демократ Брэд Шерман обрушились с резкой критикой на администрацию президента. Они в один голос заявили: причиной антиамерикан-

ских настроений, царящих в России, является неправильная внешняя политика. «Мы занимаем антироссийскую позицию на уровне рефлексов. Большинство представителей нашего внешнеполитического истеблишмента выросли в советскую эру, занимаясь выработкой стратегии того, как окружить, ослабить и унижить Россию. Мы сделали всё возможное, чтобы породить враждебность в отношениях с российским государством», – цитирует РИА Новости главу подкомитета по борьбе с терроризмом палаты представителей США Брэда Шермана. И это не первый случай, когда конгрессмен резко высказывается о наращивании военного присутствия США в Европе. Вот как он прокомментировал в конгрессе планы размещения ПРО в Чехии и Польше:

«Нет лучшего способа заставить Россию не противодействовать иранской ядерной программе, чем размещение американских ракет на территории её бывших союзников». Шермана поддержал заместитель председателя подкомитета по международным организациям и правам человека Дан Рорабакер: «Российское правительство должно действовать исходя из того, что соответствует интересам страны в долгосрочной перспективе. Если это включает использование нефти в качестве «рычага» – то почему мы ожидаем, что оно будет действовать по-другому» [10]. Все эти факты ещё раз подтверждают наличие в США сторонников России и нужно это использовать, проявив мудрость и достоинство, не втягиваясь в круговорот негативной риторики, которая может перерасти в новый цикл «холодной войны»

В США нет русского лоббизма в чистом виде, как нет, скажем, и турецкого. И это чревато серьёзными осложнениями при отстаивании своих интересов. Несмотря, например, на то, что Турция является важнейшим стратегическим партнёром США на Ближнем и Среднем Востоке, конгресс недавно принял резолюцию о признании геноцида армян турками, не посмотрев даже на то, что при этом под удар были подставлены союзнические отношения. Белый дом, как бы ему это было ни удобно, вынужден считаться с мнением влиятельнейшей армянской диаспоры. Поэтому американская внешняя политика постоянно балансирует между группами влияния и стратегическими интересами, между прагматизмом и идеализмом.

Парадокс: русское лобби в США отсутствует, а диаспора, притом значительная, есть. Большинство её составляют представители еврейского народа. Это естественно: начиная с 1989 г. действует так называемая поправка Лаутенберга, которая предоставляет возможность определённым категориям граждан (евреям, евангелистам, некоторым представителям украинской католической и православных церквей) пользоваться правом на убежище в США. Этим воспользовались около 430.000 чел. [11] И это тоже результат деятельности лоббистских организаций, которые на протяжении длительного времени не дают отменить ни эту поправку, ни уже упоминавшуюся поправку Джексона-Вэника.

В настоящее время, по разным оценкам, в США проживает от 3 до 6 миллионов человек, являющимися или прямыми выходцами из России, либо считающих себя россиянами по принадлежности к русской культуре. Они представляют из себя весьма пёстрый конгломерат людей, отличающихся друг от друга в этническом, конфессиональном, социальном, образовательном, имущественном планах, а также по времени своего приезда в США. Подобная пестрота состава и является главной причиной отсутствия единства в рядах российской диаспоры, которая объясняет, почему до сих пор на территории США не ни одной сколько-нибудь серьёзной и влиятельной организации, объединяющей хотя бы часть наших соотечественников.

Всем известно, что Россия заявила об идее структурирования и под-

держки зарубежного «русского мира» относительно недавно, в то время как многие другие государства продекларировали подобную задачу применительно к своим диаспорам и «социокультурным мирам» уже давно. И новый игрок далеко не у всех вызывает позитивные эмоции.

Использование потенциала зарубежной диаспоры для создания сети экономических, общественно-политических и иных связей – достаточно распространённая мировая практика. И здесь первенство не всегда принадлежит государству, так как нередко сама диаспора создаёт систему сетевых связей, а государство – историческая родина – становится одним из звеньев этой международной сети. И это особенно важно для архитекторов современного русского мира, которому придётся опираться прежде всего на свой собственный ресурс. И если России удастся выстроить эффективную инфраструктуру, позволяющую превратить разрозненные группы людей, формально объединённые этнокультурным признаком, в сеть, то она может стать ключевым игроком в международной сети, в которой задействованы различные диаспоры.

«Русский мир» – категория внешнеполитическая, не нуждающаяся в территориальной интерпретации, – считает исследователь А.Э. Бинецкий, – но невозможная без создания сети социальных, экономических, культурных, информационных и иных связей, позволяющих добиться самодостаточности» [3, с.128] И создателем такой системы может выступить или сама диаспора, как ядро «русского мира», или российское государство как национальная корпорация, объективно заинтересованная в существовании и развитии подобного этнокультурного феномена. И то и другое следует принимать во внимание при выстраивании любой политической стратегии. Сам подход к российской диаспоре как к основе лоббирования транснациональной сети является достаточно новым для российской политической мысли, однако он совершенно не отработан теоретически, что несомненно отрицательно влияет на процесс практического разрешения проблемы.

Идея русского мира, как известно, продекларирована на самом высоком уровне, однако до сих пор большая часть экспертного сообщества продолжает рассматривать проблемы соотечественников в сугубо правозащитном ключе, что можно видеть на примерах мероприятий по защите соотечественников, проживающих в странах Балтии, хотя российская диаспора в этих странах в социальном плане достаточно пестра и значительная часть её не является социально ущемлённой. Недавнее избрание мэром Риги этнического русского – пример этого.

Если говорить об усилиях российского экспертного сообщества по проектированию различных вариантов структурирования русского мира и поиску механизмов выстраивания эффективно действующей сети, то следует отметить, что они малодейственны и запаздывают с консолидацией разрозненных, разобщённых, но пока ещё обладающих некой пассионарностью общин русской диаспоры. И здесь значимы коммуникативные механизмы и их персонификация как в сфере взаимодействия между различными группами интересов в диаспоре, между этими группами и обществом, между диаспорой и государством, в том числе и титульным.. Особенно важно последнее, так как Россия, подчёркиваем ещё раз, заявила об активной позиции в вопросе структурирования русского мира на основе российской диаспоры

Причин здесь несколько, но главная – отсутствие политической воли на выстраивание такой сети со стороны государства и непонимание другими игроками-лоббистами геоэкономического и политического содержания русского мира. Сложившаяся система каналов связей России с зарубежными соотечественниками, структурная составляющая российской диаспоры за рубежом, информационные каналы взаимодействия

нуждаются в глубоком изучении и, если хотите, инвентаризации, так как без этого невозможно создать социально-экономические механизмы и использовать уже сложившиеся для защиты и национальных интересов России, и для целей выживания российской диаспоры, как таковой. Выживание российской диаспоры будет зависеть от того, удастся ли соединить интересы входящих в неё различных социальных групп и прежде всего интересы тех, кто является хранителем этнокультурного наследия, обеспечивает выживание диаспоры, создаёт общественно-политические условия для сохранения диаспоры и целенаправленно использует лоббизм для защиты своих интересов.

Отсюда вытекает очень важная задача: России следует изучить и применить на практике опыт лоббизма других стран, которые занимаются этим давно и успешно. Из-за отсутствия российских лоббистских структур в США страдает как имидж самой иммиграции, так и имидж метрополии, что, в свою очередь отражается самым неблагоприятным образом на американо-российских отношениях.

Однако, голос российского лобби в США может стать громким лишь при двух условиях: политической консолидации русской диаспоры и при реальном увеличении нашего товарооборота. А поскольку пока и то и другое весьма проблематично, то перспективы выглядят соответственно. По мнению того же Э.А. Бинецкого «попытки создать из российской диаспоры международную силу» оказались безуспешными [3, с.24]. Однако, есть на этот счёт и другой взгляд. По убеждению Э.Лозанского, Россия, которой есть на кого опереться, за исключением иногда раздающихся призывов к объединению эмиграции – никаких серьёзных практических шагов не делает. Это близоруко и более того – опасно в мире, где Соединённые Штаты сегодня играют столь выдающуюся роль». [19, с. 272] Многие представители русской диаспоры в США ориентированы на взаимодействие, особенно на экономическое сотрудничество с Россией. Они-то и являются тем лоббистским ресурсом, которым Россия лишь недавно начала пользоваться. Среди них много профессоров русского языка и литературы, историков, политологов, переводчиков и других специалистов. В числе этого «резерва» есть люди, симпатизирующие России и много делавшие для укрепления связей с ней. Например, директор Библиотеки конгресса США Джеймс Биллингтон и Фрэнк Рив (отец знаменитого и трагически умершего «Супермена», актёра Кристофера Рива) – великолепный знаток русского языка, говорящий на нём практически без акцента.

Сегодня в России с большой надеждой смотрят на возможности Русской зарубежной церкви. Объединение церковей открыло возможности влияния на американскую политику. С учётом того, что кадры Русской православной церкви за рубежом стареют, она очень нуждается в омоложении, в новой крови, которую получить может в первую очередь из России.

Лоббизм конфессий – один из самых специфических. При всей несовместимости религиозной деятельности с политической, представители данного института ведут активную, скрытую и достаточно эффективную лоббистскую деятельность. Наибольшая активность наблюдается со стороны мировых религий и иудаизма, субъектами лоббистской деятельности которых выступают крупные финансово-промышленные корпорации, общественные фонды, организации, являющиеся де-факто субъектами народной дипломатии.

В целом же, если исходить из реалий – процесс организации российской диаспоры потребует значительных усилий и времени. Но сидеть сложа руки, надеясь на русский «авось», на то что само всё образуется, не следует. Поэтому на первых порах необходимо привлечь профессиональ-

ные американские лоббистские и пиаровские организации. И первые шаги в этом отношении уже сделаны, о чём мы скажем несколько ниже. А пока уместно задать вопрос: А были ли ранее попытки использовать лоббизм в интересах страны?

По нашим сведениям, такие попытки стали делаться со второй половины 90-х гг. ушедшего XX в.¹

Один из самых известных в США лоббистов Джек Абрамофф, недавно сознавшийся в подкупе официальных лиц, принял участие в подготовке двух визитов в Россию – в 1997 и 1998 годах – бывшего лидера республиканского большинства в палате представителей Тома Делэя, недавно оставившего свой пост из-за обвинений в мошенничестве. Его поездки в Москву были оплачены зарегистрированной на Багамах фирмой с сомнительной репутацией. По сведениям «Вашингтон Пост» связи с Россией осуществлялись через помощника Делэя Здвина Бьюкема. Тот признался, что некий русский олигарх заплатил ему миллион долларов, чтобы повлиять на голосование Делэя в конгрессе по закону, который облегчил бы выплату России очередного транша МВФ [7].

Второй попыткой лоббирования российских интересов можно считать начало 2000 года, когда российский бизнесмен Александр Шусторович внёс 250 тыс. долл. в фонд Республиканской партии США. За четыре месяца до президентских выборов отправленный им чек был принят к оплате. Это было самое крупное пожертвование партии, сделанное физическим лицом. Однако два месяца спустя руководство партии отменило своё решение и вернуло деньги Шусторовичу [7].

Особенность российского лоббизма в США – наличие политической составляющей, отражающей перипетии политической истории РФ. Наглядный пример: с 2003 г. интересы группы «МЕНАТЕП» и компании «Юкос» в США представляют соответственно «Ковингтон энд Бэрлинг», «Гринберг Трауриг» и «АПКО Уордауд». За два года (2003-2005) они заработали 200 тыс. долл.

Совокупные расходы российских структур на политический лоббизм в США составили 3.2 млн. долл. – 40% всех затрат на лоббирование российских групповых интересов в Америке. Лидером выступили группа «Медиа-Мост» и подконтрольная ей на тот момент НТВ (2.8 млн. долл.), добившиеся наиболее осязаемых результатов – принятия закона 2002 г. «О демократии в России».

Общая тенденция – попытки использовать Вашингтон как центр силы глобального масштаба во внутривнутриполитической борьбе. Отдавая

¹ Первый опыт лоббирования своих интересов в США Россия приобрела ещё в XIX в., когда решалась судьба российских владений в Америке. Когда русские политики поняли, что Аляску не удержат, так как слишком растянута линии коммуникаций, снабжать её продовольствием и всем необходимым слишком дорого, было принято решение о её продаже, оформленное позже договором 1867 г. Всё делалось в тайне по причинам вполне понятным. Сама уступка Аляски была для России делом отнюдь не пощённым. К тому же, Соединённые Штаты, ещё не пришедшие в себя от гражданской войны, о подобной покупке не помышляли. Посланник – Эдуард Стекло, прибывший в Вашингтон, должен был, предложив сделку, повернуть дело так, чтобы инициатива покупки исходила от Соединённых Штатов. Государственный секретарь США Уильям Стюард испросил мнение президента и Сенате, кто мог быть к делу причастен. В Санкт-Петербург была направлена телеграмма, смысл которой состоял в том, что США предлагают России продать Аляску. Ответ был лаконичным: согласны. К 4 часам утра следующего дня – 30 марта 1867 г. договор был подписан и скреплён печатями. Но нужно было ещё оформить сделку в нижней палате и Сенате. Возникли трудности. В Сенате брызжали: «платим деньги за ящик со льдом», «глупость Стюарда», а в нижней палате и вовсе дело застопорилось. Пришлось давать взятки. И Стекло, опасавшийся срыва сделки, давал редакторам за поддержку в печати, политикам – за речи в конгрессе. Средства, потраченные на сенаторов и прессу, по тем временам были не маленькие: «умасливание обошлось русской казне в 165 тыс. долл. Эта сумма была списана Петербургом по тайной статье расходов «на дела, известные императору».- Российская газета, 2007, 5 октября

должное американским политикам, признаем: в российско-американских отношениях во главу угла ставились конкретные интересы и реальный расклад сил, а не интересы довольно крупных клиентов лоббистских фирм.

По мнению сотрудника Института США и Канады Сергея Костяева «российский лоббизм занимает место, соответствующее объёму наших торговых отношений. За период существования российского лобби в США с начала 90-х гг. его расходы составили всего 7,7 млн. долл.» [16]. Свои интересы в Вашингтоне лоббируют многие крупные российские, украинские и казахские компании, в основном, связанные с экспортом энергоносителей, стали, леса и прочее.

Российская компания ОАО «Телекомпания НТВ» за период с января по 30 июня 2002 г. потратила на лоббистскую деятельность в США 580 тыс. долл. По данным National Journal в 2001 г. лоббистские затраты НТВ составили 1 млн. 360 тыс. долл. США. Интересы НТВ в Вашингтоне представляет одна из крупнейших лоббистских фирм – Patton Boggs. Её клиентами являются такие известные компании, как Mars (в 2002 г. она заплатила Patton Boggs 1 млн. 320 тыс. долл.) и AOL Time Warner (480 тыс. долл.) [32].

К 2005 г. самым активным игроком на поле бизнес-лоббизма в США стало РАО «ЕЭС России», потратившее на эти цели за указанный период 722 тыс. долл. С 2003 г. его интересы в Вашингтоне представляет «Кэссиди энд Ассошиэйтс» – самая крупная лоббистская фирма США с официальным годовым доходом более 28 млн. долл., имеющая филиал в Москве. Цель её деятельности – использование политического влияния США в качестве инструмента, облегчающего доступ российской электроэнергетики на зарегулированный европейский рынок. Как результат – во властных структурах США и ЕС было достигнуто понимание того, что интересы её клиента должны учитываться при выработке энергетической политики ЕС.

В январе 2006 г. в США разгорелся громкий скандал – несколько конгрессменов и связанных с ними лоббистов обвинили в коррупции. На этом фоне внимание прессы и политологов привлекло абсолютно новое для Вашингтона явление – появление здесь «лоббистских денег» из России. Первой на эту тему высказалась «Вашингтон Пост», опубликовавшая статью под заголовком «Что покупают русские?» [35]. Газета привела несколько примеров российского участия. Так, владелец компании «Интеррос» Владимир Потанин оказал помощь Музею Гуттенхайма в Нью-Йорке, пишет «Вашингтон Пост». Вскоре он был включён в состав директоров музея. Глава компании «ЛУКОЙЛ» Вагит Аликперов получил от Вашингтонского центра Вудро Вильсона награду «за развитие корпоративного гражданства». На ужине в его честь было собрано около 400 тыс. долл.

Новое для Америки явление решил исследовать влиятельный столичный мозговой центр – Nixon Center, проведший обсуждение на тему: «Российские деньги в Вашингтоне: кто платит, кто берёт и кто бьёт в барабан?» Несмотря на то, что в дискуссии приняли участие почти все ведущие эксперты по России, ответа на вопросы, поставленные центром, так и не прозвучало. Единственной попыткой серьёзного лоббирования со стороны Кремля была признана организация выставки «Россия!» в Музее Гуттенхайма. «Чрезмерно торжественное» открытие выставки, а также то, что «ещё в сотне метров от музея можно было увидеть плакаты с рекламой компании «Интеррос», экспертам не понравилось. «Я шокирован, что эти люди пытаются купить политическое влияние в Вашингтоне», – заявил Анатолий Ливен, сотрудник центра New American Foundation.

Директор другого влиятельного центра – Kennan Institute for Advanced Russian Studies – Блэр Рубл считает, что «поток денег от российских олигархов в американские институты может привести к тому, что русские получают влияние на процесс принятия решений». Впрочем, предсказать конечный результат этих «политических» инвестиций Рубл не решился. «Мы не привыкли к этому, – сказал он. – Ни один из серьезных американских институтов не брал деньги от советского правительства. У нас нет опыта по части получения «русских денег».

Мнения о последствиях появления «российских нефтедолларов» разделились. Стивен Клемонс, сотрудник New American Foundation, высказал убеждение, что «США могут в ближайшее время пережить один из самых грандиозных скандалов в своей истории». Уэйн Мери из American Foreign Policy Council, считает, что в целом Россия, стремясь повысить влияние в Вашингтоне, использует общепринятые правила игры, хотя порой и «прибегает к неадекватным методам»: «Русские должны думать о долгосрочных результатах своих инвестиций, а не ориентироваться на текущие политические задачи». Уэйн Мери полагает, что слабое место России – отсутствие сильной диаспоры. Такой, какую имеют Израиль, Ирландия, Греция или Армения. «Русским надо поучиться у армян, как строить лоббистскую кампанию», – советует он.

Политолог Николай Злобин, бывший участником встречи, в беседе с корреспондентом «Известий», заявил: «Никто в Вашингтоне не знает, что делать с российскими деньгами, которых здесь никто не ждал. Никто не знает, как определить, откуда пришли деньги – от независимых компаний или от правительственных структур. И как разграничить легальный лоббизм от попыток подкупить учёных, которые в той или иной степени определяют стратегию Вашингтона в отношении России» [7].

Особенностью современной ситуации является то, что население России неуклонно сокращается, а у США – возрастает. По мнению американских специалистов «если эти тенденции сохранятся, то примерно к середине текущего века последний русский уйдёт с территорий к востоку от Урала» [19, с. 242]. Отсутствие инфраструктуры, не освоенность огромных пространств, острый демографический кризис ведут к тому, что гигантские Сибирь и Дальний Восток могут стать мишенью более населённых соседних стран.

В Вашингтоне есть разные варианты выстраивания своей российской политики. С одной стороны, в США есть много сторонников продолжения той же политики по отношению к России, которая была успешно применена против Советского Союза в годы «холодной войны». Для этих людей Россия неприемлема в любой ипостаси и в силу определённых исторических причин является внешним врагом. В то же время имеется достаточное количество экспертов, которые хотели бы видеть Россию в числе стратегических партнёров и союзников Америки.

Как те, так и другие пытаются оказывать влияние на Белый дом и Конгресс для продвижения своих идей. Если судить по средствам массовой информации, то первые, которых суммарно можно отнести к антироссийскому лобби, превалируют. Отсюда периодические публичные критические заявления в адрес России, исходящие от высших чиновников Госдепартамента и Белого дома. Примеров таких заявлений достаточно много, они общеизвестны, К сожалению, голоса тех, кого можно назвать пророссийским лобби, и которые понимают важность России для безопасности и экономики Америки и её ближайших союзников, заглушаются более активными и хорошо финансируемыми оппонентами России, которая не предпринимает серьёзных усилий в этой информационной войне. А зря!

Не претендуя на полноту картины, так как многие закулисные

факты покрыты мраком, всё же отметим существование мощного анти-российского лобби в Америке. К этому лобби можно, безусловно, отнести диаспоры восточноевропейских стран, Прибалтики и Украины, а также некоторых мусульманских кругов, поддерживавших сепаратистские устремления Чечни. Нельзя сбрасывать со счетов и некоторые профессиональные лоббистские структуры, которые работают не за идею, а за деньги и которые финансируются опальными российскими олигархами, обосновавшимися на Западе.

Решение проблемы разногласий облегчается в некоторой степени тем, что американское законодательство, допускает лоббирование интересов иностранного государства на своей территории, о чём мы уже говорили. Механизм такого лоббирования подробно рассмотрен в работе Э. Лозанского, опубликованной ещё в 2004 г. на русском языке [21]. И основной задачей российского лобби, по мнению автора, должна стать «идея создания американо-российского стратегического альянса в интересах безопасности и экономики двух стран. Какой бы далёкой и невыполнимой ни казалась бы эта задача, трудно предложить некие альтернативные внешнеполитические варианты, отвечающие геостратегическим интересам двух стран» [19, с. 263]. И задача Российской Федерации сегодня заключается в том, чтобы в самое ближайшее время разработать действенную программу (план) сближения России и США, которая предусматривала бы конкретные шаги по отлаживанию механизма лоббирования российских внешнеполитических интересов.

В этой связи одним из важнейших элементов – если не самым главным элементом программы сближения России с Америкой – является процесс формирования общественного мнения двух стран в пользу стратегического партнёрства. Конгресс и правительство Соединённых Штатов весьма чутко реагируют на мнения американского народа. Поэтому если Россия действительно сделала свой стратегический выбор в пользу демократии и стратегического союза с Америкой и Европой, то она должна предпринять колоссальные усилия для формирования своего положительного имиджа, найти веские аргументы, чтобы убедить западную общественность в серьёзности и добросовестности своих намерений, отстаивая при этом свои экономические и иные интересы. Необходимо постоянно и убедительно подчёркивать важность России в мировом политическом балансе сил и мировой экономике, а также аргументировано доказывать недалёковидность тех политиков, которые считают, что после распада СССР Россия больше не представляет собой серьёзного игрока на международной арене.

Необходимо постоянно разъяснять в прессе, на конференциях, семинарах, что Россия является неотъемлемой частью Европы и, кроме того, имеет возможность идейного, культурного, цивилизационного влияния на весь Евразийский континент и, в первую очередь, на страны СНГ, Учитывая фактор 25 млн. русских, живущих в соседних странах, Россия способна также воздействовать на своё географическое окружение, ориентируя его в том или ином направлении. Право же вето в Совете безопасности ООН даёт России возможность влиять на принятие любых решений в этой важнейшей международной организации. Никакая легитимность в проведении силовых мероприятий глобального масштаба невозможна без участия и согласия Москвы.

С другой стороны, участие России в различных коалициях делает их гораздо эффективнее. Вспомним, что Россия активно участвовала в коалиции по освобождению Кувейта в 1991 г. и разгрому движения «Талибан» в Афганистане в 2002 г. Благодаря Москве Киргизия и Узбекистан предоставили свои базы США для проведения военных операций против талибов, и были сохранены жизни тысяч американских солдат,

которым не пришлось принимать участия в наземных сражениях, так как за них это делали обученные Москвой солдаты афганского Северного альянса.

Об этих и других положительных примерах сотрудничества России и США надо постоянно и всячески напоминать, а также расширять и развивать новые, чтобы процесс сближения с Америкой оказался необратимым.

Для того чтобы двусторонние отношения меньше зависели от капризов «политической погоды», их следует строить на более солидном основании. Одним из таких оснований могло бы быть создание в Соединённых Штатах одной или нескольких влиятельных организаций, целью которой было бы продвижение идеи долгосрочных и взаимовыгодных двусторонних отношений России и Америки, их стратегического партнёрства. То есть поступать так, как поступают другие страны. Примером подобного подхода является недавнее создание альянса лоббистских групп со штаб-квартирой в Вашингтоне, председателем которого является Рики Эллисон, для продвижения ракетного щита в Восточную Европу [14]. И даже после того, как администрация президента Обамы заявила о том, что отказывается от плана размещения в Восточной Европе радара и ракет, Рики Эллисон заверил своих сторонников, что альянс будет продолжать свою деятельность.

Немаловажной частью механизма лоббирования являются СМИ, через которые может быть отражена деятельность лоббистских структур. Через СМИ устанавливаются связи с общественностью, хотя, как известно, эти связи, в первую очередь, отвечают интересам господствующей элиты, тем не менее сегодня всё больше и больше людей начинают интересоваться проблемами внешней политики, и СМИ приходится искать консенсус между интересами различных групп общественности, чтобы сохранить на них своё влияние. В этой связи необходимо помнить, что если мы хотим сблизить позиции России и Америки, необходимо отладить процесс формирования общественного мнения двух стран в пользу стратегического партнёрства через СМИ. И как верно подметила «Вашингтон Пост»: если западные СМИ «Россию с подачи Вашингтона превозносят – в ней видят надёжного геополитического партнёра и безопасный регион для инвестиций» [34].

Россия предпринимает усилия, чтобы повлиять на иностранное общественное мнение. Это и запуск телеканала Russia Today и семинары, проводимые с зарубежными соотечественниками, выставки русского искусства, деятельность Радио России и т.д. Показательно и то, что постепенно приходит понимание роли пиар-компаний в разъяснении позиций России по различным международным проблемам. Примером такого понимания явилась совместная работа медиа-подразделения Оргкомитета саммита «большой восьмёрки» в Санкт-Петербурге с всемирно известной компанией Ketchum¹ – (вместе с компаниями Maslov PR – официальный представитель Ketchum в России и Portland PR, ранее работавшей на британского премьера Тони Блэра). На компанию работает несколько сот авторов по всему миру. Она использует свои многочисленные связи в журналистских и издательских кругах, имеет влияние на редакторов. «То, что компания справилась со своей задачей, очевидно, и те, кто её нанял, должны быть довольны», – отмечал известный лоббист Э. Лозан-

¹ Компания Ketchum была основана в 1923 г, сейчас является одним из крупнейших в мире пиар-агентств – у неё 23 отделения и 44 филиала в Европе, Азии, Северной и Латинской Америке. Политический пиар никогда не был специализацией компании, но Ketchum сама себя позиционирует как агентство, способное оказать весь спектр пиар-услуг в любой сфере. Эта компания проводила кампанию по пропаганде Афин как столицы Олимпийских игр 2004 года, в число её клиентов входят Disney и Pepsi.

ский. И он не ошибся. «Мы высоко ценим оказанные консультационные и методологические услуги... Приобретённый значительный опыт станет хорошим дополнением к имеющимся наработкам», – заявил руководитель медиа-подразделения Оргкомитета саммита «большой восьмёрки» Д. Песков.

Плоды этой деятельности оценили в Кремле ещё до начала саммита. «Одни и те же издания становятся более сбалансированными. Если раньше они размещали только негативную информацию России, то сейчас, если вы посмотрите, – одну негативную и одну позитивную» [8] – объяснял в беседе с корреспондентом «Известий» высокопоставленный кремлёвский чиновник.

В свою очередь, эксперт по связям с общественностью и лоббистской деятельности американской юридической фирмы Veneble Джеймс Джатрас (James Jatras) ставит усилиям Ketchum не больше чем твёрдую «тройку».

«Вначале они хорошо реагировали на негативные комментарии письмами издателю, – говорил Джатрас. – Но по мере приближения саммита количество отрицательных комментариев возрастало, и они уже справлялись со своей задачей хуже. Меня удивило отсутствие положительных редакционных статей в западных СМИ и то, что общий тон репортажей о России не улучшался. Однако они организовали превосходное интервью Путина с Мэттом Лауэром из NBC. В итоге даже многочисленные недоброжелатели России должны с сожалением признать, что саммит в Петербурге стал большим успехом администрации Путина. Поэтому можно сказать, что Ketchum и все остальные привлечённые стороны внесли в это свой вклад.

На вопрос о том, превратится ли привлечение западных пиарщиков из разового опыта в постоянную практику, тот же Д. Песков уклончиво ответил: «Решение о Ketchum принимал Оргкомитет, в который входят и представители администрации президента. Любое решение, касающееся следующего года, будет приниматься уже в другом формате» [8].

Конечно, освещение саммита в Санкт-Петербурге – разовый проект, значительно важнее обеспечить позитивное восприятие России Западом не в связи с каким-то отдельным мероприятием, а в целом. Президент России Д. Медведев в интервью с ведущим канала НТВ Кириллом Поздняковым, говоря об образе России, заявил: «Мы должны быть прогнозируемым, сильным и комфортным партнёром для наших соседей» [12]. И здесь без пиарщиков не обойтись. Пока же, по мнению известных специалистов, Москва проигрывает информационную войну (даже маленькая Грузия обошла Россию во время конфликта с Южной Осетией и Абхазией). «Ситуацию можно поправить, – считает Лозанский, если только в Кремле поймут, что заниматься этим надо постоянно». Важно не отталкивать людей, изначально дружелюбно настроенных, но не следует забывать и об обиженных. Надо разговаривать с украинцами, поляками, чехами, грузинами, прибалтами. Даже в том случае, если это не всегда приятные люди. Всё это так. Только... очень хочется задать два коротких вопроса: «Поймут ли?» и «Будут ли?». Как говорят на Руси: «Поживём – увидим!».

Литература

1. Бай Е. Российские деньги в США – кто их даёт и кто берёт // Известия,

2006, 30 января

2. Бёрнс Уильям. Путь к взаимопониманию // Известия, 2007, 27 июня

3. Бинецкий, А.Э. Лоббизм в современном мире / А. Э. Бинецкий М.: ТЕИС, 2004 247 с.

4. Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения. 2005. 288.

5. Власть в жизни и наука о власти. Словарь-справочник / Под общ. ред. В. Ф. Халилова. М., 2004. 324 с.

6. Известия. 2005. 30 ноября

7. Известия. 2006. 30 января

8. Известия. 2006. 01 августа

9. Известия. 2007. 29 января

10. Известия. 2007. 01 ноября

11. Известия. 2008. 11 марта

12. Известия. 2009. 27 июля

13. Известия. 2009. 30 июля

14. Известия. 2009. 31 августа

15. Ильченко Ю.Н. Группы давления. М., 1998. 128 с.

16. Костяев С. Что такое российское лобби в США // Известия, 2005, 13 октября

17. Коэн Ст. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России М.: АИРО-XX, 2001. 304 с.

18. Лавров Сергей. «Об антироссийской кампании, развёрнутой в западных СМИ»/ Интервью телеканалу ТВЦ. Москва, 2009. 25 февраля

19. Лозанский Э.Д. Россия между Америкой и Китаем. М.: Междунар. отношения, 2007. 288 с.

20. Лозанский Эдуард. Когда начнёт работать российское лобби в США? // Международная жизнь, 2006, № 6, с. 87-101.

21. Лозанский Э. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лоббизма в Америке / Э. Лозанский. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 246 с

22. Пелоси Нэнси. У нас с Россией общие цели. Мы должны доверять друг другу // Известия, 2007, 19 марта

23. Пушкин А. Внешняя политика России. // Независимая газета, 1995. 16 ноября.

24. Российская газета, 2006, 2 февраля.

25. Российская газета, 2007, 24 июля

26. Российская газета, 2009, 20 августа

27. Черёмушкин П. С кем лоббировать наши интересы? // Известия, 2008, 11 марта

28. Colton T. and McFaul M. Almanac. Carnegie Endowment for International Peace. 1999. 248 p.

29. Лоббирование в Украине. [Электронный ресурс]. URL: <http://lobbying.com.ua/> [27.02.2010 г.]

30. Lobbism Today. New York. Harper, 2002. 193 p.

31. Lozansky E. Russia Feels Isolated as NATO Grows. – Washington Times. – Sept. 23. 1996.

32. National Journal. 2003. № 1. P. 38-56.

33. Smith H. The Power Game. N. Y. 1988. 229 p.

34. Washington Post, Jan. 5. 2003

35. Washington Post, Jan. 28, 2006

УДК 341. 24

Журбей Е.В.

Договор о европейской безопасности: перспективность российских инициатив

European Security Treaty: prospects for Russian initiatives

Статья посвящена российским предложениям в области европейской безопасности, которые содержатся в проекте Договора о европейской безопасности президента Российской Федерации Дмитрия Медведева. Рассматриваются ключевые положения российских предложений, и исследуется реакция на данные предложения со стороны основных заинтересованных сторон (США, Европейского Союза, НАТО и ОБСЕ).

Ключевые слова: *европейская безопасность, поле европейской безопасности, Договор о европейской безопасности, Россия, США, Европейский Союз, НАТО, ОБСЕ, принцип «неделимой безопасности», Мюнхенская международная конференция по безопасности.*

Article is devoted to Russia's proposals in the field of European security, which are contained in the draft of European Security Treaty of the President of Russia Dmitry Medvedev. We consider the key provisions of the Russian proposals and examine the reaction to these proposals with key stakeholders (the United States, European Union, NATO and OSCE).

Key words: *European security, the field of European security, the European Security Treaty, Russia, United States, European Union, NATO, OSCE, the principle of «indivisible security», the Munich International Security Conference.*

В начале февраля в немецком городе Мюнхене прошла ставшая уже традиционной международная конференция, посвященная вопросам европейской безопасности. Конференция в Мюнхене – дискуссионная площадка, в которой принимают участие представители различных стран высокого уровня, в том числе и представители российской политической элиты в лице государственных чиновников, политиков и обще-

ственных деятелей¹. Нынешняя конференция была сорок шестой по счету, но только в десяти последних участвовала Россия. Несмотря на столь незначительный опыт, российское участие приковывает всегда особое внимание. Стоит упомянуть конференцию 2007 года, когда президент Владимир Путин обрушился с критикой на Соединенные Штаты, которые, по его мнению, навязывают свою волю мировому сообществу и учат Россию демократии. Тогда же досталось и ключевым институтам европейской безопасности, в частности НАТО, не сдержавшей своего обещания впредь не расширяться, данного Советскому Союзу после роспуска Организации Варшавского договора. По мнению подавляющего большинства экспертов, выступление В. Путина на той конференции ознаменовало беспрецедентное ухудшение отношений между РФ и США.

В 2009 году представители демократической администрации США в лице вице-президента Джо Байдена попытались изменить негативный багаж, накопленный предыдущей администрацией, и во всеуслышание заявили о готовности произвести «перезагрузку» отношений с Россией. «В отношениях с РФ нам надо нажать кнопку Reset, перезагрузить их и пересмотреть точки нашего соприкосновения», – разъяснил новый подход господин Байден. Термин «перезагрузка» многократно обыгрывался впоследствии в результате казуса с подарком заветной красной кнопки государственным секретарем Хиллари Клинтон министру Сергею Лаврову, на которой вместо байденовской перезагрузки появилась «перезагрузка». Прошло время, но факты все очевиднее говорят о том, что в отношениях России и США наблюдается именно «перезагрузка» отношений, в том числе по вопросам безопасности в Европе, которые наряду с ситуацией в Иране стали ключевыми в работе 46-й международной конференции в Мюнхене в 2010 году.

Острая дискуссия на прошедшей конференции развернулась вокруг предложений России в области политики безопасности в Европе. Летом 2008 года в ходе своего визита в Берлин российский президент Дмитрий

¹ Международная конференция по политике безопасности (т. н. «Давос по безопасности») была основана немецким издателем Эвальдом фон Кляйстом в Мюнхене в 1962 году как заседание представителей оборонных ведомств стран – членов НАТО для экспертных консультаций по проблемам трансатлантического партнерства. Первоначально она проводилась под эгидой баварского Христианско-социального союза и до 1993 года именовалась Конференцией по военным вопросам (Wehrkundetagung). Более 30 лет форум по безопасности в Мюнхене представлял собой закрытое внутривлоковое мероприятие. Со временем географический охват Конференции значительно увеличился за счет России (с 1995 года), стран СНГ и Балтии, Центральной и Восточной Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, Южной Азии, Ближнего Востока. Значительно расширилась и повестка дня. В настоящее время она включает такие актуальные вопросы мировой политики, как противодействие международному терроризму, реформирование ООН и НАТО, урегулирование ситуации в «горячих точках», укрепление региональной и глобальной безопасности. Сегодня Мюнхенская конференция по вопросам политики безопасности – это международный форум, собирающий свыше 250 видных политиков, дипломатов, военных, бизнесменов, научных и общественных деятелей из более чем 40 стран мира (участников НАТО и Евросоюза, а также государств, играющих важную роль на мировой арене: Россия, Китай, Япония, Индия и др.). В традициях конференции – неформальный диалог, личные контакты участников, обсуждение перспективных идей в сфере политики безопасности, которые получают в дальнейшем развитие в рамках различных многосторонних форматов. Несмотря на то, что участники конференции не принимают конкретных постановлений, а по итогам встречи даже не составляется совместное коммюнике, за годы существования Мюнхенская конференция превратилась в важный международный форум по урегулированию актуальных политических и политико-экономических вопросов. По мнению экспертов, для международной политики Мюнхенская конференция по вопросам безопасности имеет то же значение, что и Международный форум в Давосе для экономики. Именно поэтому ее иногда называют «мюнхенским Давосом». Мюнхенская конференция не проводилась дважды: в 1991 году (из-за войны в Персидском заливе) и в 1997 году (основатель форума Эвальд фон Кляйст не захотел оставаться «у руля» после своего 75-летия, а найти ему замену сразу не удалось).

Медведев предложил разработать Договор о европейской безопасности, который способен сформировать в области военно-политической безопасности в евроатлантическом регионе единое, неразделённое пространство, чтобы окончательно разделаться с наследием «холодной войны». С этой целью необходимо закрепить в международном праве принцип «неделимости безопасности». Речь идёт о юридическом обязательстве, в соответствии с которым ни одно государство и ни одна международная организация не могут укреплять свою безопасность за счёт безопасности других стран и организаций. По итогам состоявшихся за последний год обсуждений на различных многосторонних площадках российская сторона подготовила проект договора о евробезопасности, текст которого появился на сайте российского президента 28 ноября 2009 года [6].

Президент России направил его руководителям соответствующих стран, а также исполнительным главам международных организаций на евроатлантическом пространстве: НАТО, Евросоюз, ОДКБ, СНГ, ОБСЕ. Д. Медведев подчеркнул, что Россия открыта к предложениям по существу инициативы и рассчитывает на позитивный отклик партнёров и начало предметного разговора по конкретным элементам проекта договора. Однако оживленного и продуктивного диалога за этим не последовало. В сложившейся ситуации председатель Мюнхенской конференции по безопасности Вольфганг Ишингер предложил серьезно обсудить российские предложения, и теперь, действуя последовательно, он делает вопрос о будущем европейской архитектуры безопасности главной темой конференции этого года. Таким образом, в Мюнхене впервые состоялся открытый обмен мнениями по поводу российского плана.

На конференции в Мюнхене инициативы Дмитрия Медведева представил глава МИД РФ Сергей Лавров. Как сказал Лавров, сейчас в регионе «вызревает качественно-новый момент: своего рода конвергенция национальных интересов». Лавров призвал преодолеть блоковые подходы «холодной войны» в Европе и страхи по поводу «сфер влияния», чтобы обеспечить «то новое качество взаимного доверия, которое так остро необходимо Европе в современных условиях». «Едва ли мы можем назвать нормальной ситуацию, когда военно-политические реалии в Евро-Атлантике далеко отстали от современных экономических, технологических, торгово-инвестиционных и иных процессов взаимозависимости, все больше приходящие в противоречие с требованиями времени», – подчеркнул Лавров [2].

Данная статья является попыткой оценить содержание российских инициатив и, что существеннее, оценить реакцию наших западных партнеров на эти инициативы. Готово ли европейское сообщество, сложившиеся институты безопасности воспользоваться российскими инициативами или они так и останутся вопросами обсуждения для дискуссионных клубов, к которым и относится ежегодный форум в Мюнхене. Что же предлагает Россия в свете укрепления европейской безопасности и почему она это предлагает?

Отвечая на вторую часть вопроса, хочется отметить, что сегодня Россия не имеет серьезных рычагов влияния на европейском поле безопасности, так как ключевые институты региональной европейской безопасности, а именно НАТО, Европейский Союз, ОБСЕ находятся вне не только контроля, но вне какого-либо влияния Российской Федерации. «Правила игры» в Европе разрабатываются в большей степени сегодня без учета национальных интересов России. По значительному перечню проблем безопасности в Европе российские интересы расходятся с интересами наших европейских партнеров. Надо признать, что позиция России сегодня не самая удачная, так как после последнего расширения НАТО и ЕС практически все европейские субъекты отстаивают единую

коллективную позицию, в том числе в вопросах безопасности. Россия в этой «игре по правилам» осталась в явном меньшинстве, а механизмы, в которых наша страна сохраняет весомую роль (ОДКБ, СНГ) не обладают достаточным авторитетом на европейском поле. Россию явно не устраивает такое положение, и она желает изменить сложившееся положение дел, в том числе и выдвижением многочисленных инициатив. Предполагая при этом, что та или иная инициатива будет замечена и в лучшем варианте в той или иной редакции дойдет до принятия.

Российский проект договора включает в себя 14 статей и преамбулу. Права и обязанности сторон изложены в статьях с 1 по 9. Заключительные положения (статьи 10-14) регулирует порядок заключения договора, его вступление в силу, и выход из него. Основная часть посвящена четырем группам вопросов: обязательство сотрудничать в соответствии с принципами равной и неделимой безопасности (статьи 1-2); механизм для обмена информацией, взаимных консультаций и разрешения споров (статьи 3-6); обязательств, касающихся индивидуальной и коллективной самообороны (статьи 7-8); вопросам, связанным со ссылками на другие нормы международного права (Статья 9).

В центре внимания предложений России находится создание новой системы европейской безопасности с учетом принципа «неделимой безопасности». Все участники возможного соглашения должны будут отказаться от любых действий, «существенно затрагивающих безопасность» другого государства, об этом речь идет в первых статьях проекта договора: «в соответствии с настоящим Договором его Участники сотрудничают на основе принципов неделимой и равной безопасности, ненанесения ущерба безопасности друг друга. Любые меры в области безопасности, принимаемые каждым Участником настоящего Договора индивидуально либо совместно с другими Участниками, в том числе в рамках международной организации, военного союза или коалиции, осуществляются с учетом интересов безопасности всех других Участников» [6], и далее «участник настоящего Договора не осуществляет действий или мероприятий, существенно затрагивающих безопасность одного или нескольких Участников настоящего Договора, не участвует в них или не поддерживает их... Участник настоящего Договора не допускает использования его территории, а также не использует территорию другого Участника в целях подготовки или осуществления вооруженного нападения против одного или нескольких Участников настоящего Договора, или иных действий, существенно затрагивающих безопасность другого Участника или нескольких Участников настоящего Договора» [6].

Вышеобозначенные положения договора закономерно вызвали многочисленные вопросы у потенциальных партнеров по договору. Следует ли отнести вступление в НАТО, к примеру, Украины и Грузии к действиям, существенно затрагивающим безопасность России? Затрагивает ли это положение размещение американских войск в тех государствах, которые когда-то входили в Варшавский пакт? Можно ли говорить о создании европейской компоненты в системе противоракетной обороны для всей зоны НАТО? В российском проекте подчеркивается, что ни одна страна не должна предоставлять свою территорию для действий, затрагивающих безопасность другого государства. Если резюмировать беспокойство по поводу российских инициатив, то она выражается в весьма простом вопросе, не получит ли Россия таким образом право вето при решении любых вопросов, связанных с имеющимися в Европе институтами безопасности, например НАТО или ОБСЕ? Данный вопрос попадает в самую болевую точку современной внешней политики России на европейском континенте. Не имея существенных рычагов влияния на НАТО и проблемы с влиянием в ОБСЕ и ЕС, Россия предлагает доку-

мент, предоставляющий ей такой рычаг в виде права вето на всевозможные действия, которые противоречат интересам собственной безопасности. Европейцы, в отличие от американцев еще наивно задают вопросы о том, каким образом этот новый договор о безопасности и соответствующая международная организация могут быть гармонизированы с уже существующими структурами и договорами. Помимо всех стран трансатлантического и евразийского пространства, участниками этого договора должны стать Европейский Союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Содружество независимых государств и Организации Договора о коллективной безопасности – и, может быть, НАТО? Как будет выглядеть распределение обязанностей? Каким образом будут определены границы компетенций? То же самое можно сказать и о той статье, в которой говорится об оказании помощи. Россия хочет предоставить членам новой организации – так же, как это предусмотрено в статье 5 Североатлантического договора, – право оказать помощь члену организации в случае вооруженного нападения – в том числе и военную помощь. Будет ли необходимо в таком случае решение ООН? Или должна быть создана широкая законодательная основа для проведения военных интервенций? Ответы на все эти вопросы мог бы дать российский министр иностранных дел Сергей Лавров в рамках Мюнхенской конференции, но конкретизации не последовало. Последовала, ставшая обычной, критика существующих механизмов безопасности в Европе.

Значительная порция критики со стороны российского министра досталась Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). «За последние 20 лет европейская безопасность серьезно распалась по всем параметрам», – заявил Лавров, до этого, правда, отметив, что «спрос на конфронтационные подходы в Евроатлантике» снизился [3]. Сложившаяся ситуация глава российского МИД охарактеризовал как «атрофию ОБСЕ». Главной претензией и пафосом выступления стало то, что организация не способна реализовать принцип неделимости безопасности на всем евроатлантическом пространстве. В качестве примеров того, что система не работает, Лавров привел пример бомбардировок Югославии и события на Кавказе в августе 2008 года. Министр отметил, что ОБСЕ «нам всем нужна», но как организация, которая на деле решает вопросы безопасности. В настоящее же время, как отметил Лавров, эта организация занимается гуманитарной сферой в ущерб другим сферам. Необходимо правда признать, что ОБСЕ в последнее время все больше концентрирует свою деятельность на вопросах свободных выборов, прав человека и др. Так как с данными вопросами в России не все обстоит, мягко говоря, хорошо, то негативная реакция России вполне закономерна. ОБСЕ превратилась в площадку все большей критики России в вопросах развития демократических институтов и тон в этой критике задают восточноевропейские государства, с которыми у России сложились непростые отношения. Россия с трудом рассматривает ОБСЕ, как место для обсуждения проблем безопасности. Перспективным «партнером-оппонентом» в этом вопросе для России становится Североатлантический союз (НАТО).

Запад, по мнению Сергея Лаврова, упустил возможность превратить Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе в «полноценную организацию». Вместо этого, он взял курс расширения НАТО на восток. После окончания холодной войны Москва получила заверения в том, что территориально альянс не будет расширяться на восток. Теперь, два государства-члена НАТО, Эстония и Латвия, граничат с Россией. Лавров призвал к созданию единого европейского пространства безопасности, где государства не обеспечивают свою безопасность против кого-то, но всегда сообща. Министру был задан вопрос о том, стоит ли

России серьезно подумать над вступлением в НАТО и тем самым снять с повестки многие вопросы. Сергей Лавров сказал, что вопрос является скорее гипотетическим, поскольку члены альянса не готовы сделать России такое предложение. Филип Стивенс из английской «The Financial Times» так описывает позицию российского министра: «Медведев открыто говорит о тех многочисленных проблемах, которые стоят перед его страной. У Лаврова же иной склад ума, и он в собственных бедах всегда винит кого-то другого. Россия у него всегда жертва: сначала на-товского империализма после распада Советского Союза, а в последнее время – грузинской агрессии на Кавказе, что крайне нелепо. В его изложении событий «холодная война» все еще не закончилась должным образом. Запад по-прежнему вынашивает враждебные замыслы, а НАТО является орудием его экспансии. В этой игре с нулевым исходом, если российские соседи выступают за либеральную демократию, то они своими действиями наносят ущерб безопасности Москвы. Боль из-за утраты империи – очевидно, этим отчасти объясняется неизбывное чувство недовольства» [13]. Английский эксперт отмечает далее, что «ни один объективный анализ опасностей, грозящих России, не дает основной говорить о том, что виной тому Запад. Опасности скрываются в демографической ситуации, грозящей бедственным сокращением населения в России; в усилении сепаратизма и исламистского экстремизма; в неспособности страны обеспечить устойчивое экономическое процветание за счет углеводородных богатств. А если Москва ищет за рубежом стратегических соперников, то ей следует бросить взгляд на восток, где усиливающийся, благополучный и властолюбивый Китай вождельно смотрит на заброшенную Сибирь. Есть предположение, что Москве нужно алиби. Выставляя НАТО в качестве агрессора, Кремль отвлекает внимание людей от своих гнетущих внутренних провалов и неудач. Ведь от российских лидеров вполне могут потребовать ответа, почему сырьевое богатство страны не используется для модернизации ее экономики и восстановления полуразрушенной инфраструктуры советской эпохи» [13]. На первый взгляд оценка наполнена агрессией и неприятием, но только на первый. В оценке английского эксперта лежит явное указание на тот факт, что российские внешнеполитические чиновники мыслят стереотипами «холодной войны». Мы не можем все еще преодолеть тот факт, что НАТО это самый главный враг и если его не будет, то в Европе все образуется.

В остатке фиксируется недовольство существующими институтами европейской безопасности со стороны России, а договор есть попытка если не отправить на покой эти институты, то существовать их реформировать. Вопрос необходимости перенастройки инструментария глобальной безопасности ярко прозвучал на 46-й Мюнхенской конференции по безопасности, считает замглавы МИД РФ Александр Грушко. «Обсуждались очень острые проблемы международной безопасности. Мне кажется, что главный вывод, который можно сделать, – что мир стоит на перепутье, что есть ощущение необходимости коренной перенастройки всего инструментария безопасности», – сказал Грушко в интервью РИА Новости в кулуарах конференции [7]. По словам замминистра, дискуссия показала существование двух школ. «Последователи первой школы исходят из того, что НАТО должна стать глобальной организацией, что НАТО будет вырабатывать повестку дня в сфере безопасности и искать партнерства со всеми государствами мира, со всеми силовыми структурами для решения проблем, связанных с безопасностью», – сказал Грушко [7]. Вторая позиция заключается в том, чтобы искать пути решения глобальных проблем сообща, с учетом мнения большинства стран мирового сообщества. «Наша позиция заключается в том, что не НАТО долж-

но подстраивать под себя глобальный контекст в области безопасности, а сама НАТО должна встраиваться в новую систему взаимоотношений, учитывать законные интересы безопасности других. Это относится и к России, к Индии, Китаю, к новым центрам силы, которые появляются в Азии» [7]. По мнению дипломата, только на такой основе можно будет объединять усилия и решать глобальные проблемы. В случае же если НАТО будет пытаться играть ключевую роль в таких областях, как энергобезопасность, изменение климата, кибербезопасность, то тогда будет появляться опасность возникновения «новых разделительных линий в этих сферах», сказал замглавы МИД [7].

Россия, понимая свой ограниченный ресурсный потенциал на европейском направлении в области безопасности, предприняла вполне естественный ход, а именно сделав попытку захватить инициативу. Чем закончится эта попытка еще не понятно, но уже сейчас можно «услышать» позиции потенциальных партнеров по Договору, а именно Европейского Союза, США и НАТО.

Сдержанную поддержку российская позиция нашла у принимающей конференцию страны, а именно у Германии. Глава МИД ФРГ Гидо Вестервелле высказался за стратегическое партнерство с Россией в сфере евробезопасности, решении глобальных проблем и других важнейших международных вопросов. По его словам, стратегическое партнерство с Россией является не только неотъемлемой частью работы по достижению евробезопасности, но и в сфере решения глобальных проблем. Это партнерство, по его словам, необходимо развивать и в дальнейшем. «К этому относится и основательная дискуссия о предложениях президента России Дмитрия Медведева по европейской безопасности», – отметил глава МИД ФРГ [1]. Эту точку зрения поддержал министр обороны Германии Карл-Теодор цу Гуттенберг. «Я знаю, что не все страны расположены вести этот диалог, но это не повод, чтобы его не вести», – сказал цу Гуттенберг, выступая на 46-й Мюнхенской конференции по безопасности в воскресенье, заключительный день мероприятия [1]. Немцы традиционно являются союзниками России в постсоветский период и отношения с нынешним кабинетом министров во главе с фрау Меркель сложились весьма продуктивными, но возьмет ли на себя Германия роль лоббиста России в рассматриваемом щекотливом вопросе – неизвестно.

Свою позицию обозначил и Европейский Союз, который готов обсуждать в рамках ОБСЕ инициативу России о заключении нового юридически обязывающего Договора о европейской безопасности, заявила высокий представитель Евросоюза по международным делам и политике безопасности баронесса Кэтрин Эштон. «Мы (Евросоюз) также видим ОБСЕ как первичную площадку для дискуссий по российской инициативе о европейском договоре о безопасности. Мы открыты для обсуждения любой идеи, которая может повысить европейскую безопасность», – заявила Эштон, выступая на 46-й Мюнхенской конференции по безопасности [10]. Необходимо отметить, что Европейский Союз подчеркнул, что площадкой для обсуждения является ОБСЕ, которую Россия фактически списала в историю и готова рассматривать создание некой новой европейской структуры курирующей вопросы безопасности, так как стать участником ЕС и НАТО вряд ли возможно в обозримой перспективе.

Явными противниками «русского договора» являются Соединенные Штаты и НАТО. Не нашла поддержки российская инициатива ни у предшествующей администрации Дж. Буша, ни у нынешней администрации Барака Обамы. «Мы обратили внимание на высказывания президента Медведева относительно договора о европейской безопасности, – сказал официальный представитель внешнеполитического ведомства США М. Тонер, комментируя выступление в Эвиане. – Это

хорошо, что президент Медведев не предложил заменить какие-либо существующие институты. Вашингтон «вновь подтверждает поддержку этим институтам, таким как ОБСЕ и НАТО. С точки зрения правительства США, эти организации «представляют собой краеугольный камень системы обеспечения безопасности в Европе» [4]. По мнению американских экспертов, участвовавших в упомянутой конференции, многие из очерченных президентом Медведевым элементов уже закреплены в уставных документах ООН, НАТО и ОБСЕ, включая уважение к государственному суверенитету и территориальную целостность, а недавние события в Грузии продемонстрировали сохраняющуюся дееспособность таких организаций.

Нынешний государственный секретарь США Хиллари Клинтон также не выразила оптимизма по поводу перспектив данного проекта договора представленного Россией. «Мы считаем, что лучше преследовать общие цели по безопасности в рамках существующих институтов, чем вести переговоры о новых соглашениях, которые предложила Россия», – заявила Клинтон, выступая в Военной школе в Париже [8]. По словам Клинтон, российское предложение приведет к «длинному и продолжительному процессу», тогда как безопасность следует обеспечивать в рамках ОБСЕ и Совета Россия-НАТО. Судя по словам Клинтон, в Вашингтоне вполне удовлетворены действующими механизмами и полагают, что от добра добра не ищут. Госсекретарь согласна с тем, что европейская безопасность неделима, но советует России интегрироваться в существующие структуры, а не пытаться создать новые. «Мы поддерживаем цель, но не согласны с подходом России. Наилучший путь вперед лежит через укрепление существующих институтов, таких как ОБСЕ и Совет Россия-НАТО, а не через заключение новых договоров», – говорится в статье, написанной Клинтон для немецкой *Sueddeutsche Zeitung* накануне открывающейся 5 февраля в Мюнхене очередной 46-й международной конференции по безопасности [9]. «Безопасность Европы обеспечивается целым рядом институтов, включая НАТО, Европейский союз, ОБСЕ, которые располагают полным комплексом средств – военных, политических, экономических, социальных и юридических, – добавила госсекретарь. – Мы должны укрепить нашу приверженность этим институтам и обеспечить их соответствие современным вызовам» [9]. Заместитель госсекретаря США по европейским и евразийским делам Филипп Гордон уточнил, что США разделяют принципы, изложенные в инициативе РФ, но выступают за модернизацию существующих структур безопасности, а не за создание новых.

Позицию США поддержал новый генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен. «Я не вижу необходимости в заключении нового договора или другого юридически обязывающего документа, так как у нас уже есть соответствующие рамки для сотрудничества... но мы, конечно же, готовы обсуждать новые идеи на соответствующих форумах», и это можно было бы сделать в рамках деятельности невоенной Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе» [12]. Вполне естественно, что альянс не готов идти на уговоры по собственному реформированию или трансформации поступающих извне, в том числе от России, которая прямо заявляет во вновь принятой военной стратегии о том, что НАТО является угрозой. Генсека НАТО Расмуссена раздосадовало то, что возглавляемая им организация фигурирует в новой военной доктрине РФ в качестве главной внешней угрозы. «Я должен сказать, что новая доктрина не отражает реальный мир... НАТО не враг России. Она (доктрина) не отражает реальности и явно противоречит всем нашим попыткам улучшить отношения между НАТО и РФ», – процитировало генсека альянса агентство Reuters [5]. В интервью французской газете «Монд» генсек

НАТО заявил, что «удивлен» позицией Москвы по отношению к альянсу, которая, по его словам, не отражает реальность существующего стратегического партнерства для противостояния общим угрозам. Французское издание отмечает, что в последнее время Москва проявляет готовность к сотрудничеству с НАТО по Афганистану, однако на самом деле никакой помощи Россия не предоставила. «Северный путь», по которому должны осуществляться поставки грузов невоенного характера в Афганистан, был использован всего один раз. «Москва требует большой платы за свои услуги. В НАТО полагают, что речь идет о партнерстве, а для России это бизнес», – приводит издание слова эксперта Центра европейских реформ Томаса Валасека [11].

Понимая, что ключевые игроки на поле безопасности Европы США, НАТО и ОБСЕ против инициатив России, какая же судьба ждет российскую инициативу? Ответ напрашивается сам по себе – его отложат в долгий ящик и будут его изымать из этого ящика на всевозможных дискуссионных площадках вроде Мюнхенской конференции по безопасности. Могло быть иначе? Ответ не так однозначен. Не думаю, что весь сыр бор только из-за пункта проекта договора, в котором говорится, что стороны «не должны строить свою безопасность в ущерб безопасности другой стороны». В подобной формулировке никто и никогда данный проект не одобрит. Каждый по-своему понимает безопасность исходя из собственных национальных интересов. Предоставлять право вето России на действия краеугольного камня евроатлантической безопасности НАТО никто в здравом уме не будет. Понять европейцев и американцев можно. США все послевоенные десятилетия выстраивали конфигурацию безопасности в Европе и добились многого. Никто из членов ЕС и НАТО не оспаривает ведущую роль США в системе евроатлантической безопасности, а российские инициативы рассматриваются, как очередная попытка вбить клинья между Соединенными Штатами и Европой. При этом хочу заметить, что Европа все настойчивее заявляет о собственной позиции вне контекста влияния США и России. Есть мнение, что Европа устала рассматривать себя как поле для сведения счетов между США и Россией.

Общей позиции на инициативы Дмитрия Медведева Европа еще не сформировала, так как прошло еще достаточно мало времени, но можно предположить, что сформировать единую позицию будет весьма сложно или почти невозможно. Россия надеется на поддержку «старой Европы» (Германии, Италии, Франции, Испании) в этом вопросе, но готова ли эта часть Европы кардинально менять систему европейской безопасности в угоду важному, но плохо предсказуемому партнеру – России? Есть стойкое убеждение, что она не готова к этому и не будет готова в ближайшей перспективе. Большинство стран Европы довольны сложившейся системой и даже той ролью, которую играют в ней Соединенные Штаты. Инициатива Д. Медведева не нашла никакого отклика или встретила непонимание в Великобритании, Польше, странах Прибалтики, Бенилюксе и странах Скандинавии (Норвегия, Дания, Швеция). Традиционно хорошо настроенная к России Франция в лице своего министра иностранных дел Б. Кушнера заявила, что необходимо активнее использовать уже имеющиеся механизмы – Совет Россия-НАТО, ОБСЕ, постоянный диалог по линии Россия – ЕС, а не создавать что-то новое. Европейцы убеждены, что ключевой проблемой является не плохой дизайн существующих организаций, а отсутствие доверия и взаимопонимания между их участниками. Именно это часто блокирует принятие решений в рамках СБ ООН, парализует работу ОБСЕ, Совета Россия – НАТО, диалога по линии Россия – ЕС, Совета Европы. Любая новая организация может столкнуться с таким же параличом в своей деятельности. «Этот договор представляет собой бесполезное предложение, – подчеркивает директор

Московского Центра Карнеги (Carnegie Center) Дмитрий Тренин. – Он не учитывает основной вопрос – отсутствие доверия между Западом и Востоком. Эти проблемы действительно существуют, однако со стороны Медведева было бы наивно полагать, что все будет в порядке, если только мы заключим юридически обязывающий договор» [12]. Подписание договора требует консенсуса между его подписантами, а его сегодня нет. В силу этих и ряда других причин, проект Договора о европейской безопасности в его российском варианте не имеет серьезных перспектив.

Что должна делать Россия в сложившейся ситуации? Одну их ключевых вещей Россия уже сделала. Россия попыталась захватить инициативу в обсуждении вопросов безопасности. Начавшийся диалог, по мнению ряда экспертов, может быть полезен для уточнения взаимных позиций сторон, их учета в практической политике, повышения эффективности и дееспособности существующих организаций и форматов взаимодействия, налаживания взаимодействия между ранее не взаимодействовавшими международными организациями (например, между НАТО, ОДКБ и ШОС). В результате этого диалога появился шанс, что стороны смогут выработать столь необходимый дух доверия и тем самым преодолеть стереотипы «холодной войны». России в этом плане надо работать не меньше, чем ее западным партнерам. Создается впечатление, что Россия все больше и больше отдаляется от реалий современной системы безопасности в Европе. Априори негативное отношение к НАТО и безудержная критика ОБСЕ не помогут выстроить столь необходимый диалог. Сколько бы Россия не желала и не мечтала об ином, но именно эти институты сегодня определяют и будут в ближайшие годы определять политику в Европе. Необходимо понять, что расширение НАТО в данный период времени совершенно – объективный и закономерный процесс, так как потенциальные члены НАТО желают быть защищенными, а Россия не в состоянии им предложить иную не натовскую альтернативу. Самый оптимальный вариант для России – в перспективе стать полноправным участником НАТО, но в ближайшее время сама Российская Федерация, а также и ее натовские партнеры по сотрудничеству, не готовы к этому шагу. В этой ситуации, площадкой для переговоров по перспективам Договора о безопасности в Европе, может быть Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Литература

1. В Мюнхене обсудили реформирование НАТО путем расширения сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru/politics/20100207/208071569.html> [Дата обращения: 08.02.2010 г.]
2. Глава МИД РФ изложил в Мюнхене концепцию договора о евробезопасности [Электронный ресурс]. URL: http://www.rian.ru/defense_safety/20100206/207953227.html [Дата обращения: 08.02.2010 г.]
3. Лавров в Мюнхене заявил об «атрофии ОБСЕ» [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2010/02/100206_lavrov_munich_conference.shtml [Дата обращения: 08.02.2010 г.]
4. Маковецкий И. «Хельсинки -2». Возможен ли новый большой договор о европейской безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://nmnby.eu/pub/0810/17m.html> [Дата обращения: 08.02.2010 г.]
5. По мюнхенскому счету. РФ и Запад вернулись к взаимным претензиям

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1318188> [Дата обращения: 08.02.2010 г.]

6. Проект Договора о европейской безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/6152> [Дата обращения: 02.02.2010 г.]

7. Реформа инструментов безопасности стала лейтмотивом конференции в ФРГ [Электронный ресурс]. URL: http://www.rian.ru/defense_safety/20100207/208066083.html [Дата обращения: 08.02.2010 г.]

8. США готовы сотрудничать с Россией по созданию ПРО – Клинтон [Электронный ресурс]. <http://www.rian.ru/world/20100129/206888201.html> [Дата обращения: 08.02.2010 г.]

9. Хиллари Клинтон отвергла европейскую инициативу Москвы [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/02/100205_russia_clinton.shtml [Дата обращения: 08.02.2010 г.]

10. Эштон: ЕС готов обсуждать в ОБСЕ инициативу России по евробезопасности [Электронный ресурс]. http://www.rian.ru/defense_safety/20100207/208093162.html [Дата обращения: 08.02.2010 г.]

11. La nouvelle doctrine russe de défense place l'OTAN en tête des menaces est ambigu vis-à-vis de l'Occident [Электронный ресурс]. http://www.lemonde.fr/europe/article/2010/02/09/la-nouvelle-doctrine-russe-de-defense-place-l-otan-en-tete-des-menaces-est-ambigu-vis-a-vis-de-l-occident_1303189_3214.html [Дата обращения: 09.02.2010 г.]

12. Move over NATO: Russia pushes new security treaty for Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2009/1221/Move-over-NATO-Russia-pushes-new-security-treaty-for-Europe> [Дата обращения: 08.02.2010 г.]

13. Stephens P. Russia stirs a cold war spat about European security [Электронный ресурс]. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/e6490542-1740-11df-94f6-00144feab49a.html?nclick_check=1 [Дата обращения: 11.02.2010 г.]

УДК 37. 02

Ковылина Е.В.

Ролевая игра как средство обучения корейскому языку при культурологическом подходе

Role game as means of training to the Korean language at the cultural approach

Статья посвящена проблемам методики преподавания корейского языка студентам неязыковых факультетов. Автор указывает на возможности повышения эффективности обучения иностранному языку за счет ознакомления обучающихся с культурным контекстом его существования. В качестве средства преодоления одновременно культурного и языкового барьера в обучении предлагается ролевая игра.

Ключевые слова: *ролевая игра, преподавание языка, культурологический подход, культурология, корейский язык.*

Article is devoted to problems of a technique of teaching of the Korean language to students of non-language faculties. The author specifies opportunities of increase of a learning efficiency to foreign language due to acquaintance of students with a cultural context of its existence. As means of overcoming of simultaneously cultural and language barrier in training role game is offered.

Key words: *role game, teaching of language, cultural approach, cultural science, the Korean language.*

В вузовской практике, как показывает повседневный опыт, студенты, владея грамматикой иностранного языка и достаточно богатым словарным запасом, зачастую не могут переступить языковой барьер и свободно излагать свои мысли.

Положение о том, что преподавание иностранного языка и овладение им есть одновременно передача культуры носителей этого языка и активное присвоение этой культуры, стало теоретически общепризнанным и общеизвестным.

Согласно требованиям ГОСТ, студент неязыкового факультета обя-

зан быть специалистом, умеющим общаться на иностранном языке, однако количество аудиторных часов не позволяет преподавателю достичь желаемого результата. Постоянное сокращение часов и отсутствие практики применения в должной мере прогрессивных методик, приводит к низким результатам подготовки студентов, отсутствию мотивации к становлению личности, в должной мере владеющей иностранным языком.

При таком количестве часов студенты в большей степени должны работать самостоятельно, что не является эффективным с учетом специфики предмета, остро необходима коллективная работа – в группе, в команде, в паре, где можно научиться грамотно и эффективно излагать свои мысли, прежде всего, в процессе живого общения. Именно такие условия могут быть созданы в процессе ролевой игры, так как ролевая игра является интерактивным средством обучения.

Второй особенностью иностранного языка как части иностранной культуры является то, что язык выступает и средством, и целью обучения. Обучаемый усваивает наиболее легкие языковые средства, овладевает разными видами речевой деятельности, которые до определенного момента выступают целью обучения, а затем используются им для освоения более сложных языковых действий, т.е. являются уже средством обучения.

Следующей специфической чертой иностранного языка, как учебной дисциплины является ее «беспредметность»: в отличие от других дисциплин, она не дает человеку знаний о реальной действительности, так как язык является средством формирования, существования и выражения мыслей об окружающем мире. Специфика предмета заключается также в его «беспредельности», то есть невозможно выучить весь язык, т.к. учебный материал ограничивается программой. Частично компенсировать данные особенности помогает ролевая игра, которая хоть и проводится исходя из конкретной проблемы или ситуации, но, тем не менее, подразумевает знания многих общекультурных понятий.

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Научить людей общаться, научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность помимо знания языка зависит от множества факторов: условий и культуры общения, знания правил этикета, владения невербальными формами выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого [6, с. 28].

Само понятие культуры состоит из 2-х частей – объективной и субъективной. Объективная культура включает все возможные институты, такие как экономическая система, социальные обычаи, политические структуры и процессы, а также литература, виды искусства и ремесла.

Субъективная культура – это психологические черты культуры, включающие ценности, образцы мышления (ментальность) и черты национального характера. Вот эта субъективная культура и представляет, по мнению многих исследователей, огромную трудность для понимания.

Каждое занятие по иностранному языку – это перекресток культур, практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным характером представление о мире [11].

Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур для этого нужно преодолеть барьер культурный.

Для того чтобы научить иностранному языку как средству общения, нужно создавать обстановку реального общения, наладить связь преподавания иностранных языков с жизнью, активно использовать иностранные языки в живых, естественных ситуациях. Все это возможно в ролевой игре, которая создает имитацию естественной языковой среде. Погружаясь в эту среду обучающийся реализует свои коммуникативные способности. Максимальное развитие коммуникативных способностей обучающихся – вот основная, перспективная, но очень нелегкая задача, которая стоит перед преподавателями иностранных языков.

А ролевая игра представляет собой такое упражнение по развитию меж-культурной коммуникации, в котором обучающийся, исполняя попеременно различные социальные и межличностные роли, в ходе общения осваивает иностранную культуру. Ролевая игра, позволяя учитывать индивидуальные особенности обучающихся, их интересы расширяет их культурное пространство, выступает в качестве эффективного средства снятия различных психологических барьеров в общении, как вербальными так и не вербальными средствами; способствует реализации деятельного подхода в обучении иностранному языку, когда в центре внимания находится студент со своими интересами и потребностями.

Ярко выраженный творческий характер игровой деятельности помогает создавать обучающую языковую среду, вовлекая в новое культурно-языковое пространство всех обучающихся.

Используя ролевую игру при культурологическом подходе в обучении, мы не только способствуем развитию всех четырех видов владения языком, но и, используя принципиально новые средства и материалы, способствуем развитию креативности, творческому поиску. Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, горящих на этих языках [10, с. 3].

В учебной аудитории необходимо пытаться создавать такой небольшой мир, отличный от привычной нам культурной среды, в котором как преподаватель, так и обучающиеся, входя в него, будут не только подчиняясь правилам этого мира смотреть, но и разговаривать и передавать свои мысли посредством иного языка.

Научить людей общаться (устно и письменно), научить произвольно создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого. Просто знание об употреблении того или иного невербального знака в той или иной ситуации недостаточно для прочного усвоения и необходимо не только применение знания на практике, но и отработка его согласно речевой ситуации.

Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур-коммуникантов могут затруднить процесс межкультурного общения.

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести как минимум следующие:

а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также определяемые как традиции в „соционормативной» сфере культуры, обряды

(выполняющие функцию неосознанного приобщения к соответствующей в данной системе нормативных требований);

б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический природы, используемые носителями некоторой лингвокультурной части;

г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

д) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса [6, с. 25].

Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении необходимо узнавать особенности национального характера коммуникантов, систему их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления.

По словам Э. Сепира, «каждая культурная система и каждый единственный фактор общественного поведения явно или скрыто подразумевает коммуникацию» [8, с. 34].

Речь уже идет, таким образом, о необходимости более глубокого цельного изучения мира (не языка, а мира) носителей языка, их культуру, их речевого поведения в тех или иных ситуациях в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящих на данном языке речевого коллектива. «Язык не существует вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни».

Знания слов и правила грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка и уметь употреблять необходимые фразы и выражения, подходящие в данной конкретной ситуации, а также контролировать свое речевое и неречевое поведение, согласно предполагаемым контекстным условиям.

Иными словами, помимо значений слов и правил грамматики нужно знать, когда сказать/написать, как, кому, при ком, где; как данное значение/понятие, данный предмет мысли живет в реальности мира изучаемого языка. А при простой отработке упражнений или обычной учебной деятельности, данное не всегда возможно.

«Две национальные культуры никогда совпадают полностью, – это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов» [1, с. 47].

Картина мира, окружающего носителей языка, не просто отражается в языке, она и формирует язык и его носителя, и определяет особенности речепотребления. Вот почему необходимо воспроизведение ситуации близких к естественному речевому общению, так как без знания мира изучаемого языка невозможно изучать язык как средство общения. Получив большое количество информации необходимо не только отработать определенные навыки ее использования, но как бы «пропустить через себя», проиграть ее в реальном мире, пусть и в рамках аудиторных занятий. Тем самым опыт, приобретенный в деятельности, гораздо прочнее усваивается обучающимися, чем до автоматизма отработанный навык, поскольку единожды «пережив» данное понятие, обучающийся как

бы признает его своей неотъемлемой частью.

Данный опыт очень важен, особенно когда появляются определенные трудности, скрытые и от участников коммуникации, в том числе и от участников процесса обучения иностранным языкам – от преподавателя и студента. Наиболее явственно он проявляется в лексике, так как именно эта часть языка имеет через лексическое значение прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую реальность.

Узнав новое иностранное слово, эквивалент родного, следует быть очень осторожным с его употреблением: за словом стоит понятие, за понятием – предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый.

Именно в процессе производства речи, то есть при реализации активных навыков пользования иностранным языком в речевой ситуации, особенно остро встает проблема культурного барьера, культурного компонента, наличия культурных фоновых знаний о мире изучаемого языка действительно, для того чтобы не просто узнать, распознать значение слова в тексте, произведенном кем-то, а самому произнести этот текст, важно знать не только собственно значение слова, но и как можно больше о том, что стоит за словом, о его функциях в том мире, где данный язык используется в качестве вербального средства общения.

Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении и активном их использовании при конкретных речевых ситуациях. Однако на уровне языковой картины мира эти различия не видны и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными. Это создает большие трудности в практике преподавания иностранных языков. Еще раз подчеркнем, что все эти проблемы обнаруживаются только при активном использовании иностранного языка соответственно, культуры в контекстной ситуации.

Также в ролевой игре обучающиеся получают навык решать некоторые проблемы осложняющие коммуникацию вообще, а на иностранном языке в особенности. Каждое слово каждого языка имеет свой, присущий только данному языку резерв сочетаемости. Иными словами, оно «дружит» и сочетается с одними словами и «не дружит» и, соответственно, не сочетается с другими.

Почему победу можно только одержать, а поражение – потерпеть, почему роль по-русски можно играть, значение – иметь, а выводы, комплименты – делать? Почему английский глагол to pay, означающий «платить» полагается сочетать с такими несочетаемыми, с точки зрения русского языка, словами, как attention внимание. Почему русские сочетания крепкий чай, сильный дождь по-английски звучат как «сильный чай» (strong tea), «тяжелый дождь» (heavy rain), а по-корейски (질은 향기) резкий запах звучит, как «густой запах».

У каждого слова своя лексико-фразеологическая сочетаемость, или валентность. Она национальна (а не универсальна) в том смысле, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. И насколько студент владеет этим навыком становится очевидно только при неподготовленном высказывании, подобно тому как родная культура выявляется при столкновении с чужой.

Именно поэтому, изучая иностранный язык, нужно не заучивать слова в отдельности, по их значениям, а применять в естественных, наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку, а также знать, как употреблять словосочетания в той или иной речевой ситуации.

Даже обозначение цвета, такого, казалось бы «общечеловеческого» понятия, вызывает большие сомнения в плане его абсолютного лексического соответствия, поскольку наличие определенных метафорических и стилистических коннотаций не может не влиять на значение слова, а

эти коннотаций различны в разных языках.

Белый цвет в русском языке обозначает чистоту, новизну, невеста на свадьбе одета в белое платье. В Корее белый цвет – цвет траура, на похороны все одевают белые одежды.

Дело в том, что кажущаяся понятийная эквивалентность, неверная эквивалентность реальности, вводит в заблуждение обучающегося, и он может употреблять слово, не учитывая особенности языкового функционирования данного слова в чужой речи, его лексико-фразеологическую сочетаемость и лингвостилистические коннотации.

Иначе говоря, в тех, казалось бы, простейших случаях, когда слова разных языков включают в себя одинаковое количество понятийного материала, отражается один и тот же кусочек действительности, реальное речеупотребление их может быть различным, так как оно определяется различным речевым мышлением и различным речевым функционированием.

Итак, языковая эквивалентность – это миф, который рассыпается, если принять во внимание такие факторы, как объем семантики, лексическую сочетаемость, стилистические коннотации. Все эти проблемы хорошо известны и лингвистам, и переводчикам, и преподавателя иностранных языков. Гораздо меньше внимания получил культурологический аспект эквивалентности слов разных языков.

Слово как единица соотносится с неким предметом или явлением реального мира. Даже одной и той же физической вещи могут соответствовать совершенно различные семантические описания в зависимости от того, в рамках какой цивилизации рассматривается эта вещь.

Поэтому справедливо утверждение А.А. Леонтьева о существовании «национальных смыслов». «Нельзя отрицать, что два слова в двух разных языках, обозначающих один и тот же предмет в культуре двух народов и являющихся переводными эквивалентами, неизбежно связываются с нетождественными содержаниями, и это позволяет говорить о «национальных смыслах» языковых знаков» [4, с. 50].

Советский психолог, занимающийся проблемами эффективно-го усвоения информации, А.А. Смирнов обосновал и раскрыл понятие «творческое повторение», которое выражается не в простом, механическом повторении одного и того же, а в создании условий, когда действия при каждом своем повторении сталкиваются с элементами новизны. Только в этом случае наступает эффект образования «следов», т. е. усвоение [9, с. 213].

К таким средствам обучения, обеспечивающим творческое повторение, несомненно можно отнести и ролевую игру.

Целью обучения иностранным языкам в неязыковых вузах является достижение уровня, достаточного для практического использования иностранного языка в будущей профессиональной деятельности.

По мнению Н.Д. Гальсковой [2, с. 83], в содержание обучения иностранному языку необходимо включать:

– сферы коммуникативной деятельности, темы и ситуации, речевые действия и речевой материал, учитывающие профессиональную направленность студентов;

– языковой материал (фонетический, лексический, грамматический, орфографический), правила его оформления и навыки оперирования им;

– комплекс специальных (речевых) умений, характеризующих уровень практического овладения иностранным языком как средством общения, в том числе интеркультурных ситуациях;

– систему знаний национально-культурных особенностей и реалий страны изучаемого языка.

Культурный компонент в содержании обучения иностранному языку играет существенную роль в развитии личности обучающегося, так как дает возможность не только ознакомиться с наследием культуры страны изучаемого языка, но и сравнить его с культурными ценностями своей страны, что способствует формированию общей культуры студента, а ролевая игра выступает как эффективное средство достижения этого уровня.

Культурный подход в обучении призван расширить общий, социальный, культурный кругозор обучающихся, стимулировать их познавательные и интеллектуальные процессы, а с помощью ролевой игры обучение иностранному языку как части культуры проходит в максимально приближенном к естественному общению рамках.

Знания о культуре страны изучаемого языка помогают адаптироваться к иноязычной среде, следуя канонам вежливости в инокультурной среде, а ролевая игра помогает «проиграть» все эти навыки в аудитории. Следует при этом отметить, что главным является не воспитание с позиции норм и ценностей страны изучаемого языка и не вызубривание фактов, а умение сравнивать культурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом.

Подготовка специалистов на неязыковых факультетах вузов заключается в формировании таких коммуникативных умений, которые позволили бы осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях, а ролевая игра помогает построить схему использования иностранного языка как средство осуществления этих профессиональных контактов. (Под сферой общения понимается совокупность однородных коммуникативных ситуаций, характеризующихся однотипностью речевого стимула, отношениями между коммуникантами и обстановкой общения [3, с. 42].

Тем не менее, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов не сводится только к изучению «языка для специальных целей». Сущность профессионально-ориентированного обучения иностранному языку заключается в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности [7, с. 51].

Подготовка специалистов на неязыковых факультетах вузов заключается в формировании коммуникативных умений, которые позволили бы осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях, стремление и способность будущего специалиста функционировать в качестве сильной языковой личности демократического типа, обладающей высокой лингвистической компетенцией в области не только русского, но и корейского языков, в профессионально значимых речевых событиях разных типов, в различных режимах, регистрах, формах, стилях, типах и жанрах профессионально ориентированной речемыслительной деятельности.

Таким образом, обучение иностранному языку должно быть основано на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемых особенностями будущей профессии или специальности.

И, исходя из ранее перечисленных доводов, наиболее эффективным средством для обучения языку как части иностранной культуры, мы считаем ролевую игру.

Литература

1. Верещагин Е.М. Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова М., Рус. яз., 1980
2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя. М: АРКТИ Глосса, 2000. 165 с.
3. Колшанский, Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностранные языки в школе. 1985. № 1.
4. Леонтьев А.А. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., Наука, 1977.
5. Ляховицкий, М.В. О некоторых базисных категориях методики обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1973. № 1.С. 27-34.
6. Марковина, И.Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию [Текст]: учебное пособие М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 144 с.
7. Образцов, П.И. Проектирование и конструирование профессионально-ориентированной технологии обучения Орел, 2005. 61 с.
8. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
9. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. М., 1966. 422 с.
10. Virtue's English dictionary: Encyclopedic edition (Ed. R. Ferrar London: Virtue, 1966.
11. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_04.php [Дата обращения: 27.02.2010 г.]

УДК 001

Литошенко Д.А.

**Состояние регионоведческих исследований
на юге Дальнего Востока России
к концу первого десятилетия XXI в.**

**Condition of regional researches in the south of the Far East of Russia
by the end of the first decade of XXI century**

Статья посвящена комплексному изучению состояния регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока к концу первого десятилетия XXI в. Особое место в статье уделено субъектам поля регионоведческих исследований. Используется оригинальная методика науковедческого изучения регионоведческих исследований как специфической научной специализации, сферы научно-производственной и научно-педагогической деятельности, а также профессиональной идентичности.

Ключевые слова: науковедение, российский Дальний Восток, регионоведческие исследования, научное сообщество

Article is devoted to complex studying of a condition of regional researches in the south of the Russian Far East by the end of the first decade of XXI century. Special place is given to subjects of a field of regional researches. In article the original technique of studying regional researches as specific scientific specialization, sphere of research-and-production and scientific and pedagogical activity, and also professional identity is realized.

Key words: *study of science, Russian Far East, regional researches, scientific community.*

Pense au lecteur¹

Введение

Начатый нами около четырех лет назад проект «Terra incognita.

¹ Думай о читателе! (фр.)

Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России», на сегодня в своем развитии прошел уже половину пути. Оглядываясь назад, представляется необходимым подвести некоторые промежуточные итоги и еще раз окинуть взглядом ландшафт той «земли незнаемой», каковой представлялось поле социогуманитарных регионоведческих исследований в самом начале реализации проекта.

Перед нами поставлена весьма непростая цель – представить аналитический обзор состояния регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. Намеченная цель, в сочетании с твердым намерением автора оставаться исключительно в пределах научного дискурса, предполагает последовательное решение ряда задач, результатом которого, с нашей точки зрения, должна стать панорамная картина современного состояния регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России. В нашем случае, программа исследования включает в себя следующие задачи: 1) разметку проблемного поля регионоведческих исследований; 2) срез (критическое измерение) массива защищенных диссертационных работ (главным образом исторического профиля); 3) срез массива регионоведческих публикаций на страницах полидисциплинарного научного журнала «Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук»; 4) срез массива регионоведческих публикаций на страницах специализированного научного журнала «Россия и АТР»; 5) срез массива регионоведческих публикаций на страницах научно-теоретического журнала «Ойкумена: Регионоведческие исследования» [18, с. 146-154]; 6) обзор научных мероприятий регионоведческой тематики, прошедших в последние годы; 7) анализ данных опроса представителей регионоведческого исследовательского сообщества [2, с. 133-140]. Завершит же наше исследование интерпретация полученных результатов и формулирование окончательного (и будем, все же, надеяться – объективного) суждения о состоянии регионоведческих исследований в интересующих нас географических и временных границах.

Разметка проблемного поля исследований

Несмотря на то, что нами были сделаны заявления о разметке именно проблемного поля регионоведческих исследований, тем не менее, в основу нанесения его каркасных линий будет, все же, положен фактор субъектности. Ибо как, совершенно справедливо, было отмечено в первой из написанных нами хроникальных заметок, опубликованной в, тогда еще научно-теоретическом альманахе «Ойкумена: Регионоведческие исследования», «научность» генетически несовместима с бессубъектностью и бессознательностью. Таким образом, представляется оправданным выявление соответствующего субъекта действия, который, в данном случае, обладает коллективным характером» [3, с. 110-113]. Поэтому речь пойдет именно о положении, занимаемом основными субъектами проблемного поля регионоведческих исследований, а не о конкретных проблемах, выступающих полюсами тяготения научного интереса. Кроме того, используемый нами коммунитарный подход к науке (не только к исследованию, но и к организации, а также управлению ею), в качестве предварительной операции, предусматривает «снятие» соответствующего пласта социокультурной реальности, содержащего формальные организационные структуры, к которым относятся, в том числе, и учреждения самого разного профиля: научные, образовательные, культурные. Образующееся же в результате применения данной процедуры «обнажение» вполне пригодно для дальнейших исследований в русле коммунитарного подхода.

На страницах восьми опубликованных в ходе реализации проекта «Терра incognita» очерков был, упомянут ряд субъектов проблемно-

го поля регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока. Еще раз перечислим их (в порядке публикации посвященных им очерков): 1) Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского (МГУ им. адм. Г.И. Невельского) [4, с. 123-128]; 2) Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) [5, с. 102-109]; 3) Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИИАЭ ДВО РАН) [6, с. 103-110]; 4) Тихоокеанский военноморской институт имени С. О. Макарова (ТОВМИ им. С. О. Макарова) [12, с. 109-115]; 5) Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук (ТИГ ДВО РАН) [7, с. 158-164]; 6) Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева (ПГОМ им. В. К. Арсеньева) [8, с. 112-117]; 7) Институт истории, философии и культуры Дальневосточного государственного университета (ИИФК ДВГУ) [9, с. 145-149; 10, с. 132-141]; 8) Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ) [11, с. 137-143]. Исходя из приведенного перечня и того, что стало известно нам при подготовке очерков серии, мы попытаемся далее произвести систематизацию субъектов проблемного поля регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока.

Среди рассмотренных субъектов поля регионоведческих исследований выделяются: два образовательных учреждения высшего профессионального образования федерального подчинения (МГУ им. адм. Г.И. Невельского, ТОВМИ им. С.О. Макарова); два государственных образовательных учреждения высшего профессионального образования экономического профиля (ВГУЭС, ТГЭУ); одно крупное структурное подразделение государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования (ИИФК ДВГУ); два научно-исследовательских учреждения регионального отделения государственной академии наук (ИИАЭ ДВО РАН, ТИГ ДВО РАН) и одно государственное учреждение культуры музейного профиля краевого подчинения (ПГОМ им. В.К. Арсеньева). В плане ведомственного подчинения указанные учреждения распределяются следующим образом: наибольшую группу составляют учреждения, подведомственные Министерству образования и науки Российской Федерации – их пять, два из которых (ИИАЭ ДВО РАН и ТИГ ДВО РАН) входят в систему научно-исследовательских учреждений Российской академии наук, подведомственных Федеральному агентству по науке и инновациям (Роснауке); группу из трех субъектов поля регионоведческих исследований образуют образовательные учреждения высшего профессионального образования, или их крупные структурные подразделения, подведомственные Федеральному агентству по образованию (Рособразованию); по одному субъекту-учреждению проходят по ведомству Министерства обороны РФ, Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и Федерального агентства морского и речного транспорта (Росморречфлота) – ТОВМИ им. С.О. Макарова, ПГОМ им. В.К. Арсеньева и МГУ им. адм. Г.И. Невельского, соответственно. Приведенные сведения позволяют сделать выводы об организационно-типологическом многообразии субъектов поля регионоведческих исследований на юге РДВ и столь же многообразном их ведомственном подчинении, что, с точки зрения нашего исследования, весьма значимо.

В функциональном плане субъекты поля регионоведческих исследований распределяются следующим образом. Два академических научно-исследовательских института представляют собой фундаментальное крыло регионоведческих исследований. МГУ им. адм. Г. И. Невельского, ТОВМИ им. С.О. Макарова, ВГУЭС, ТГЭУ и ИИФК ДВГУ со-

вмещают проведение регионоведческих исследований с деятельностью в сфере высшего профессионального образования. Среди рассмотренных образовательных учреждений высшего профессионального образования (ВПО) и их крупных структурных подразделений особняком стоят ВГУ-ЭС и ИИФК ДВГУ, реализующие основные образовательные программы ВПО и программы дополнительного профессионального образования регионоведческого профиля, что оказывает благоприятное влияние на воспроизводство сообщества исследователей-регионоведов и обновление тематического содержания проблемного поля регионоведческих исследований. Близко к ним, в формальном отношении, стоит МГУ им. адм. Г.И. Невельского, от Института Восточной Азии которого вполне оправдано ожидать заметной роли в поле регионоведческих исследований, однако реализуемые им основные образовательные программы ВПО лежат несколько в стороне от регионоведения. Единственное из рассмотренных нами учреждений культуры музейного типа специализируется не столько на проведении научных исследований в области регионоведения (т. е. приращением массива положительных знаний в соответствующей предметной области), сколько сохранением и пропагандой различных аспектов исторического и культурного наследия населения юга российского Дальнего Востока.

С точки зрения дихотомии «универсальности – специализированности» субъекты поля регионоведческих исследований дифференцируются следующим образом (по мере увеличения степени специализированности проводимых регионоведческих исследований): ТИГ ДВО РАН, ВГУЭС, МГУ им. адм. Г.И. Невельского, ПГОМ им. В.К. Арсеньева, ИИФК ДВГУ, ИИАЭ ДВО РАН, ТГЭУ, ТОВМИ им. С.О. Макарова. Особого внимания здесь заслуживают полярные позиции, которые, соответственно, занимают наиболее универсальный субъект регионоведческих исследований (ТИГ ДВО РАН), чья научно-исследовательская деятельность осуществляется по наиболее широкому спектру проблем и направлений регионоведческого содержания, и наиболее специализированный субъект регионоведческих исследований (ТОВМИ им. С.О. Макарова), научно-исследовательская и научно-педагогическая деятельность которого отличается высокой степенью специализации, определяемой, в значительной мере, ведомственной принадлежностью и прагматизмом научно-технической политики командования этого образовательного учреждения.

В то же время, с учетом специализации, осуществляемые рассматриваемыми субъектами регионоведческие исследования должны обладать выраженной полезностью для общества и практической ориентированностью, что коррелирует с современными требованиями инновационности научных исследований. По этому показателю (в порядке возрастания) деятельность субъектов поля регионоведческих исследований юга российского Дальнего Востока задает следующую его архитектуру: ИИФК ДВГУ, ИИАЭ ДВО РАН, МГУ им. адм. Г.И. Невельского, ВГУЭС, ПГОМ им. В. К. Арсеньева, ТОВМИ им. С.О. Макарова, ТИГ ДВО РАН, ТГЭУ. В приведенном ряду особое внимание следует обратить на «дуэт аутсайдеров» представленный крупнейшими региональными центрами исторической науки, вузовской и академической, соответственно, регионоведческие исследования которых не отличаются выраженной практической ориентированностью, а потому их полезность для общества далеко не самоочевидна, хотя нельзя сказать, что она ею не обладает в принципе. На другом полюсе ряда разместилась «тройка лидеров», регионоведческие исследования которых отличаются явной ориентацией на решение прикладных задач, а потому получают признание в качестве полезных со стороны общества.

Здесь же необходимо обратить внимание на степень реализации довлеющих над субъектами поля регионоведческих исследований приоритетов научно-технической политики представляемых ими ведомств. На основании данного критерия рассматриваемые субъекты могут быть ранжированы следующим образом (по возрастанию): ИИФК ДВГУ, МГУ им. адм. Г.И. Невельского, ИИАЭ ДВО РАН, ПГОМ им. В.К. Арсеньева, ТГЭУ, ТИГ ДВО РАН, ВГУЭС, ТОВМИ им. С.О. Макарова. Обращаясь к группе субъектов, в наименьшей степени преуспевших в реализации приоритетов ведомственной научно-технической политики, следует отметить, что в первом случае (ИИФК ДВГУ) речь следует вести, главным образом, о недостатках инфраструктурного и гуманитарного плана, препятствующих эффективному прохождению управляющих импульсов от Федерального агентства по образованию, через администрацию образовательного учреждения, к руководству его структурного подразделения и отдельным сотрудникам. Во втором случае перед нами очевидный факт недоиспользования отраслевым федеральным органом государственной власти накопленного в подведомственном образовательном учреждении исследовательского потенциала, предопределяемый нынешними приоритетами научно-технической политики отрасли, среди которых отсутствуют те, реализация которых требует проведения комплексных регионоведческих исследований. В сложившейся ситуации перед рассматриваемым субъектом регионоведческих исследований стоит острая необходимость добиваться обновления приоритетов научно-технической политики Министерства транспорта РФ с учетом научных возможностей морского гражданского вуза. Абсолютным же лидером в рамках данного перечня выступает ТОВМИ им. С.О. Макарова, регионоведческие исследования которого в максимальной степени проводятся в фарватере научно-технической политики Министерства обороны и ориентированы, главным образом, на решения реальных проблем, стоящих перед Тихоокеанским флотом. Нет нужды скрывать, что пример регионоведческих исследований ТОВМИ им. С.О. Макарова представляется весьма поучительным и вызывает глубокое уважение.

Надеемся, что предложенная нами разметка проблемного поля регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока будет способствовать прояснению структурной организации данного научного поля, облегчению ориентации в нем и оценки экспертных возможностей его основных субъектов.

Критическое измерение: диссертации

Надо признать, что одним из каналов воспроизводства и механизмом организации регионоведческого исследовательского сообщества выступает подготовка и защита диссертационных исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Рассмотрение этого механизма мы начнем с наиболее близкой нам части массива регионоведческих диссертационных исследований, представленного квалификационными работами по историческим наукам.

С недавних пор во Владивостоке и, по существу, на всей территории Приморья действует единственный совет по защите диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. «Диссертационный совет ДМ005.010.01 утвержден при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки от 21 ноября 2008 г., № 1986-1459. Срок полномочий совета – на период действия Номенклатуры специальностей научных работников» [15]. Диссертационному совету ИИАЭ ДВО РАН разрешено принимать к защите диссертации по специальностям: 07. 00. 02 – «Отечественная исто-

рия», 07.00.03 – «Всеобщая история», 07.00.06 – «Археология», 07.00.07 – «Этнография, этнология и антропология» (по историческим наукам для всех перечисленных специальностей). В состав диссертационного совета ДМ005.010.01 входят тридцать членов, двадцать девять из которых имеют ученые степени доктора исторических наук, из которых: 6 – по специальности «Всеобщая история», 7 – «Отечественная история», 7 – «Археология», 8 – «Этнография, этнология и антропология».

Справедливости ради следует сказать, что в начале XXI в. еще один диссертационный совет по историческим наукам (и тоже «докторский») действовал в ИИФК ДВГУ, но «заморозки», вызванные ужесточением правил работы диссертационных советов и повышением требований к составу и квалификации их членов, сделали существование этого совета невозможным. Исчезновение конкурента вывело диссертационный совет ИИАЭ ДВО РАН на лидирующие позиции и позволило ему стать абсолютным монополистом в воспроизводстве кадров высоко квалифицированных исследователей-регионоведов.

С июня 2006 – по февраль 2010 гг. диссертационным советом ДМ005.010.01 ИИАЭ ДВО РАН проведены 11 сессий по защите диссертационных исследований на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук, первая из которых состоялась 29 – 30 июня 2006 г. (6 диссертаций, все кандидатские) [14], а последняя, на сегодня, еще предстоит 25 – 26 февраля 2010 г. (5 диссертаций, все кандидатские) [13]. Среднее количество диссертаций на одну сессию совета – 3,5. Благодаря подлинно титаническим усилиям диссертационного совета ДМ005.010.01 ИИАЭ ДВО РАН научное сообщество российского Дальнего Востока и АТР пополнилось 3 докторами и 31 кандидатом исторических наук. Еще пять человек, по всей вероятности, обретут степень кандидата исторических наук в ближайшем будущем.

В содержательном (проблемно-тематическом) плане, диссертационные исследования на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук, защищенные (и готовящиеся к защите в том числе), в соответствии с имеющимися у нас данными, могут быть распределены следующим образом: 12 диссертаций посвящено различным аспектам истории российского Дальнего Востока, из них – 2 докторских и 10 кандидатских; 2 диссертации посвящены истории различных стран Восточной Азии, из них 1 – докторская, посвящена проблемам политической модернизации в посттрадиционном обществе на примере Южной Кореи [14]; различные аспекты истории международных отношений как в АТР, так и за его пределами, рассматривались в 4 кандидатских диссертационных исследованиях; проблемы истории культуры РДВ – в 1 кандидатской диссертации; вопросы истории Средней Азии нашли отражение на страницах 1 кандидатской диссертации; проблемам археологии РДВ посвящено 4 кандидатских диссертации; этнографии РДВ – 6 кандидатских диссертаций; этнографии же АТР – 2 кандидатских диссертации. Итак, безусловным лидером в отношении исследовательского внимания диссертантов следует признать российский Дальний Восток, тематическую связь с которым имеют 23 диссертационных исследования. На этом фоне скромными выглядят исследовательские активы АТР и Восточной Азии, которым, в совокупности, посвящено всего 4 диссертации, столько же диссертационных исследований было посвящено проблемам истории международных отношений. Как представляется, картина исследовательских предпочтений, зафиксированная данным срезом весьма красноречива.

Сколь бы впечатляющими не выглядели результаты деятельности диссертационного совета ДМ005.010.01 ИИАЭ ДВО РАН, нельзя умолчать о вкладе в воспроизводство сообщества высоко квалифицирован-

ных историков-регионоведов, внесенном диссертационным советом Д 212.056.07 ИИФК ДВГУ, период активности которого пришелся на 2000 – 2007 гг. Согласно имеющимся в нашем распоряжении сведениям, в рассматриваемый период в диссертационном совете Д212.056.07 ИИФК ДВГУ было защищено не менее 17 кандидатских и 5 докторских диссертаций [19]. На этом общем фоне, внушительным выглядит массив диссертационных исследований регионоведческой направленности. В этот массив входят все защищенные в диссертационном совете Д 212.056.07 ИИФК ДВГУ диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук и не менее 13 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Из этого числа различным аспектам истории российского Дальнего Востока посвящено 4 докторских и 5 кандидатских диссертаций; 1 докторское и 3 кандидатских диссертационных исследований посвящено проблемам истории стран Северо-Восточной Азии (Японии); изучению различных проблем истории миграционных процессов, эмигрантских и иммигрантских сообществ посвящено – 2 диссертационных работы, 1 диссертация посвящена истории торговли и торгового судоходства [19].

Приведенные сведения свидетельствуют о заметном вкладе диссертационного совета Д212.056.07 ИИФК ДВГУ в формирование общества высоко квалифицированных исследователей региона, что, в целом, позитивно сказывалось на развитии региональной историографии и способствовало увеличению степени интеллектуального освоения исторического прошлого не только российского Дальнего Востока, но и более крупномасштабных пространственных ареалов.

Однако рассмотрение диссертационного измерения поля регионоведческих исследований на юге РДВ не сможет претендовать на полноту и завершенность без обращения к другой части спектра научной активности, представленного весьма многочисленными диссертационными инициативами в области экономического регионоведения. В данной части спектра регионоведческих исследований ведущую роль играют диссертационные советы двух университетов экономического профиля – ВГУЭС и ТГЭУ.

Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций Д212.023.01 создан во ВГУЭС приказом от 20.07.2007 № 1634-1005 Рособнадзора. Приказом от 08.10.2009 № 2059-2341 Рособнадзора срок полномочий совета Д212.023.01 продлен на период действия Номенклатуры специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59. Диссертационному совету Д212.023.01 ВГУЭС разрешено проводить защиту диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством: управление инновациями (экономические науки); экономика предпринимательства (экономические науки)» [1].

С декабря 2007 – по декабрь 2009 гг. в диссертационном совете Д212.023.01 ВГУЭС состоялось 47 защит диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора экономических наук. Из этого числа – 29 диссертационных исследований, исходя из формулировки их тем, были посвящены регионоведческой проблематике. В географическом отношении, наибольшее число защищенных в диссертационном совете Д 212.023.01 ВГУЭС кандидатских диссертаций – 20, было посвящено различным аспектам экономического развития Приморского края, его отдельных территорий и населенных пунктов. Исследованию проблем экономического развития Камчатского края посвящено 3 кандидатских диссертаций, Хабаровского края – 2, Амурской области – 1 и международным экономическим отношениям в системе российский

Дальний Восток – страны Северо-восточной Азии – 2 [1].

В проблемно-содержательном плане абсолютным лидером, по числу защищенных диссертаций на соискание ученой степени кандидата экономических наук в диссертационном совете Д 2.023.01 ВГУЭС, выступают исследования проблем инвестиционного процесса в условиях российского Дальнего Востока – 11 диссертаций. Среди других проблемных областей необходимо отметить: а) обеспечение конкурентоспособности экономики РДВ – 4 диссертации; б) государственное и муниципальное регулирование экономической деятельности – 4; в) обеспечение устойчивости экономического развития – 3; г) трансграничное предпринимательство – 2; д) инновационное управление экономической деятельностью – 2 [1].

Таким образом, учитывая широту географического ареала и проблемно-содержательного спектра диссертационных исследований, защищенных в диссертационном совете Д212.023.01 ВГУЭС 2007 – 2009 гг., можно сделать обоснованный вывод об весьма значимой роли этого совета в формировании сообщества высоко квалифицированных экономистов-исследователей, научные интересы которых лежат в области изучения проблем регионального экономического развития.

Еще один диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук в 2003 – 2006 гг. активно работал в ТГЭУ. Диссертационный совет ДМ212.054.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук по специальностям 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством: региональная экономика; экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (промышленность; сфера услуг; АПК и сельское хозяйство)» (экономические науки); 08.00.10 – «Финансы, денежное обращение и кредит» (экономические науки); 08.00.13 – «Математические и инструментальные методы экономики» (экономические науки) был утвержден на основании приказа Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 28 января 2005 г. № 207-в [17].

В рассматриваемый период в диссертационном совете ДМ212.054.01 ТГЭУ было защищено 33 диссертации [16]. Из этого числа, выраженную регионоведческую направленность имеют 23 диссертационных исследования, среди которых: 1 – на соискание ученой степени доктора экономических наук; 22 – на соискание ученой степени кандидата экономических наук. В отношении охватываемых научными интересами авторов географических ареалов, защищенные в диссертационном совете ДМ212.054.01 ТГЭУ работы распределяются следующим образом: российскому Дальнему Востоку посвящено 2 диссертационных исследования, одно из которых на соискание ученой степени доктора экономических наук; Приморскому краю, его отдельным территориям, населенным пунктам и предприятиям – 16 (все на соискание ученой степени кандидата экономических наук); Амурской области – 3 (все кандидатские); Сахалинской области – 1 (кандидатская). Для одной из защищенных в рассматриваемом совете диссертации определить регион изучения не представляется возможным.

В проблемно-содержательном плане массив диссертационных исследований, защищенных в диссертационном совете ДМ212.054.01 ТГЭУ можно структурировать так: 13 диссертаций посвящены проблемам совершенствования организации и управления предприятиями и отраслями регионального хозяйственно-экономического комплекса; 4 – развитию и функционированию финансовой сферы и банковской инфраструктуры экономики региона; 4 – проблемам обеспечения конкурентоспособности отраслей и предприятий регионального хозяйственно-экономического

комплекса, из их числа одна докторская, три кандидатских; 1 – бюджетной политике и межбюджетным отношениям в регионе; 1 – государственному и муниципальному регулированию экономической деятельности.

Знакомство с проблемно-содержательными и пространственно-географическими параметрами массива защищенных в диссертационном совете ДМ212.054.01 ТГЭУ диссертационных исследований, позволяет сделать вывод о широте охвата ими проблемного поля экономического регионоведения, что, в свою очередь, позволяет дать высокую оценку вкладу ТГЭУ в формирование сообщества экономистов высшей квалификации, научно-исследовательская деятельность которых отличается ярко выраженной и устойчивой регионоведческой специализацией.

Следует отметить, что имеющиеся у нас данные относятся к 2003 – 2006 гг., на которые падает пиковая активность диссертационного совета ДМ212.054.01 ТГЭУ, о состоянии же дел в 2007 – 2009 гг. сведений нет. В то же время обозначенная лакуна гармонично восполняется данными, характеризующими деятельность диссертационного совета Д 212.023.01 ВГУЭС, активность которого приходится как раз на 2007 – 2009 гг., т. е. имеет место преемственность между двумя субъектами поля регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока.

Усилия четырех рассмотренных диссертационных советов сформировали обширное полидисциплинарное сообщество исследователей, научные интересы и активность направлены на изучение территориальных систем различного уровня и типа. Высокая динамика диссертационного процесса в рамках различных научных специализаций свидетельствует о способности дальневосточного сообщества регионоведов к расширенному самовоспроизводству и освоению новых сегментов проблемного поля регионоведческих исследований.

Окончание следует

Литература

1. Диссертационный совет ВГУЭС // Департамент науки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vvsu.ru/science/page.asp?IdRubric=128131> [Дата обращения: 15.02.2010 г.].

2. Киреев, А. А. К вопросу о состоянии регионоведческих исследований российского Дальнего Востока: результаты анкетного опроса // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2009. № 1 (8). С. 133-140.

3. Литошенко, Д. А. Хроника: от научной жизни – к жизни научного сообщества // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический альманах. Выпуск 1. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 110-113.

4. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк первый. Под парусами «Надежды» // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический альманах. Выпуск 1 (2). Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 123-128.

5. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк второй. ВГУЭС: сорок лет на рынке, или полигон буржуазности // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический альманах. Выпуск 2 (3) Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 102-109.

6. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества

тихоокеанской России. Очерк третий. Дом во тьме // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический альманах. Выпуск 3 (4) Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 103-110.

7. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк пятый. Паладины ойкумены // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2008. № 2 (6). С. 158-164.

8. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк шестой. Форпост коллективной памяти общества // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2008. № 3 (7). С. 112-117.

9. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк седьмой. ИИФК ДВГУ: размышления после юбилея. Часть I. Историческая // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2009. № 1 (8). С. 145-149.

10. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк седьмой. ИИФК ДВГУ: размышления после юбилея. Часть II. Философско-культурологически-геологически-религиоведческая // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2009. № 3 (10). С. 132-141.

11. Литошенко, Д. А. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк восьмой. Дао Тихоокеанского государственного экономического университета // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2009. № 4 (11). С. 137-143.

12. Постников, В. В. Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк четвертый. Регионоведческий аспект в научно-педагогической работе ТОВМИ имени С.О. Макарова (г. Владивосток) // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2008. № 1 (5). С. 109-115.

13. Предстоящие защиты // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: http://ihaefe.org/dissertation_new.html [Дата обращения: 26.01.2010 г.].

14. Прошедшие защиты // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: http://ihaefe.org/dissertation_old.html [Дата обращения: 26.01.2010 г.].

15. Совет по защите диссертаций // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://ihaefe.org/dissertation.html> [Дата обращения: 26.01.2010 г.].

16. Список соискателей, защитившихся в региональном диссертационном совете ДМ 212. 054. 01 при Тихоокеанском государственном экономическом университете [Электронный ресурс]. URL: http://www.psue.ru/unions/perechen_zaschit.html [Дата обращения: 17.10.2009 г.].

17. ТГЭУ / Диссертационный совет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psue.ru/unions/dissert.html> [Дата обращения: 17.10.2009 г.].

18. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале за 2006-2009 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2009. № 4 (11). С. 146-154.

19. УМЛ – Д212.056.07 – Совет по историческим наукам // Учебно-методическая литература ДВГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://uml.wl.dvgu.ru/catv.php?id=81> [Дата обращения: 17.02.2010 г.].

УДК 378

Соколовский А.Я.

Культурно-образовательные центры ДВГУ как инструмент продвижения русской культуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии (на примере Вьетнама)

Cultural-educational centers of FESU as the tool of promotion of Russian culture in the countries of Southern and Southeast Asia (on an example of Vietnam)

В работе рассматривается современная ситуация с распространением и изучением русского языка и культуре во Вьетнаме. Автор освещает роль культурно-образовательных центров Восточного института ДВГУ в решении проблем, накопившихся в этой сфере в постсоветский период.

Ключевые слова: высшее образование, Дальневосточный государственный университет, Вьетнам, Южная и Юго-Восточная Азия, русский язык, русская культура.

In work the modern situation with distribution and studying of Russian language and culture in Vietnam is considered. The author shows a role of the cultural-educational centers of East institute of FESU in the decision of the problems which have collected in this sphere during the postSoviet period.

Key words: *higher education, Far East state university, Vietnam, Southern and Southeast Asia, Russian language, Russian culture.*

Общеизвестно, какую популярность и широкое распространение имел русский язык в мире до распада СССР. Особенно высок авторитет русского языка был в Китае, Индии, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Индонезии и в других странах Южной и Юго-Восточной Азии. Так, например, до 1991 г. русский язык занимал главенствующее положение среди изучаемых во Вьетнаме иностранных языков. В подавляющем большинстве вузов и средних школ (до 90%) русский язык преподавался в качестве обязательной учебной дисциплины. В советский период в 1983 году в Ханое был открыт филиал Института русского языка имени А.С. Пушкина.

Трудно переоценить его роль в деле распространения русского языка и литературы во Вьетнаме. Сотрудники филиала содействовали повышению квалификации преподавателей вьетнамских вузов и школ, курировали преподавание русского языка в филологических, нефилологических, военных институтах и училищах, в школах и на курсах, помогали в составлении учебных программ, пособий и в практической подготовке учащихся. Филиалом проводились олимпиады студентов и школьников, консультации и семинары, курсы повышения квалификации и конференции [4, 5-8].

Глобальные изменения, происшедшие в мире в последнее десятилетие XX века, связанные с распадом Советского Союза, повлекли за собой снижение былой популярности русского языка за рубежом. Так, в том же Вьетнаме, ситуация резко изменилась. Министерство образования и подготовки кадров СРВ стало стимулировать вьетнамских абитуриентов изучать английский или французский языки в качестве основного иностранного. По всей стране число средних школ, в которых русский язык преподавался как иностранный, стало резко сокращаться. Основной причиной такого явления явилось то, что в результате распада СССР в отношениях между новой Россией и Вьетнамом наступило время «затишья». Экономические проекты сотрудничества, имеющие функцию стимула и мотивации в изучении русского языка резко сократились и стали менее значительными, в результате чего уменьшился и общественный спрос на знание русского языка. К тому же в этот период торгово-экономический, культурный, научный обмен между Россией и Вьетнамом был на долгое время приостановлен. Все это не могло не отразиться на сужении сфер использования русского языка во Вьетнаме. В стране сократилось число специалистов из России. Вьетнамские выпускники факультетов русского языка оказались невостребованными [5, 17-19].

Кроме этого, вполне очевидно, что в условиях перехода к рыночной экономике стала совершенно неизбежной здоровая конкуренция изучаемых во Вьетнаме языков. В период проведения в СРВ политики обновления и открытых дверей в страну хлынул поток иностранных инвестиций. Одно за другим здесь стали открываться и весьма эффективно работать совместные предприятия (японские, корейские, китайские, тайваньские, сингапурские и другие, в том числе западноевропейские). Сюда на высокооплачиваемую работу стали принимать вьетнамцев, владеющих кроме профессиональных навыков, либо английским и французским, либо корейским, японским и китайским языками. В эпоху политики «открытых дверей» англоязычные страны начали оказывать во Вьетнаме влияние на подъем общественной мотивации к английскому языку. Сказывается здесь, безусловно, и процесс глобализации [1, 54-55].

Немаловажным фактором, снижающим интерес к русскому языку во Вьетнаме, является почти полное исчезновение учебных пособий по русскому языку и литературе, а также русско-вьетнамских и вьетнамско-русских словарей. Вьетнамцам, желающим познакомиться с Россией и изучать русский язык, практически невозможно приобрести в магазинах красиво оформленные книги, хорошо иллюстрированные учебники, аудио- и видеоматериалы. В то же время, в прекрасном оформлении и большими тиражами выходят учебники, учебные пособия, словари на английском и других иностранных языках, составленные зарубежными и вьетнамскими авторами. На рынке немало также компьютерных программ-самоучителей иностранных языков (например, китайского), для желающих изучать их самостоятельно. Информационные же материалы, предназначенные для обучения русскому языку, к сожалению, очень ограничены [5, 8-9].

Различные неправительственные благотворительные организации

разных стран (только не российские!) постоянно направляют во Вьетнам специалистов по языку и культуре (нередко просто носителей языка – добровольцев), которые оказывают помощь вьетнамским преподавателям и учащимся вузов и школ. В телепередачах вьетнамцы ежедневно могут следить за выпусками новостей на английском и французском языках. Те же, кто изучает русский язык, почти не имеют возможности общаться с его носителями, к тому же, российских преподавателей русского языка и литературы перестали приглашать на работу во Вьетнам.

Несмотря на описанную выше картину, утешением может служить то обстоятельство, что во Вьетнаме еще есть немало энтузиастов, любителей и приверженцев русского языка, преданных делу укрепления и развития дружественных связей между Вьетнамом и Россией. Один из них – Ле Ван Нян – декан факультета русского языка Ханойского университета, пишущий стихи на русском языке. Он на различных уровнях постоянно выступает за возрождение былого авторитета русского языка. Издал в Ханое несколько книг своих стихотворений на русском языке [3].

Может быть, благодаря таким энтузиастам, а скорее всего, благодаря весьма позитивному сдвигу в политике России в отношении Вьетнама, с начала нового тысячелетия здесь стал наблюдаться некоторый рост интереса к русскому языку. В этом, безусловно, положительную роль сыграли официальные визиты В.В. Путина во Вьетнам и подписанная им Декларация о стратегическом партнерстве России и Вьетнама, а также недавние визиты президента, премьер-министра и других высокопоставленных руководителей СРВ в Россию.

Значительным шагом на пути возрождения интереса к русскому языку и русской культуре во Вьетнаме, знакомства вьетнамских граждан с новой Россией, ее духовным наследием стало открытие в Ханое в 2003 году Российского центра науки и культуры, в котором функционирует Центр русского языка. Бессменным его директором является Ю.А. Лавренев, имеющий большой опыт работы по распространению русского языка в Монголии. Совместно с Ханойским филиалом Института русского языка имени А. С. Пушкина, факультетами и кафедрами русского языка вузов Ханоя им проводится большая работа. Одним из ярких показателей важности работы этого Центра является проведение в 2005 году в рамках Дней русского языка во Вьетнаме международной конференции «Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии» [5]. На эту конференцию был приглашен и ДВГУ, но, к сожалению, никто из его представителей не смог поехать туда для участия в ее работе.

В последнее время много делает в этом направлении Фонд «Русский мир», с которым тесно сотрудничает Институт международного образования ДВГУ (до 2008 г. – Русская школа для иностранных граждан). Фонд организовал Центр русского языка в Педагогическом университете г. Хошимина и нашел средства на его содержание. Он выделил оплачиваемую Фондом ставку профессора русского языка, которую занимает сейчас старший преподаватель Института международного образования ДВГУ Н.Б. Золкина.

Фонд «Русский мир» внимательно изучает опыт работы ИМО ДВГУ по продвижению русского языка и русской культуры в зарубежные страны. Так, в мае 2009 г., Институт посетила председатель попечительского совета Фонда, президент Санкт-Петербургского университета профессор Л.А. Вербицкая. В октябре того же года в гостях коллектива ИМО был заместитель исполнительного директора Фонда Ю.А. Истратов. До этого состоялась рабочая встреча с Ириной Степановой – руководителем Управления образовательных программ Фонда «Русский мир». Высокие

представители Фонда ознакомились с деятельностью ИМО, посетили практические занятия по русскому языку в группах иностранных студентов. Состоялось предметное обсуждение вопросов организации на базе ДВГУ стажировок студентов, преподавателей и специалистов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, связанных по роду своей деятельности с русским языком и русской культурой. Обсуждалась также возможность участия преподавателей ДВГУ в выездных семинарах, организуемых Фондом «Русский мир» в культурно – образовательных центрах стран региона.

Работа ИМО получила высокую оценку и А.Я. Соколовский, директор ИМО ДВГУ, был лично приглашен исполнительным директором Фонда В.А Никоновым для участия в работе Третьей Ассамблеи Фонда «Русский мир», которая с большим успехом прошла 3 ноября 2009 г в Москве.

Таким образом, можно констатировать, что сегодня картина изучения русского языка во Вьетнаме (и не только здесь, но и в других странах ЮВА, например, в Таиланде и Индонезии) меняется в лучшую сторону. Министерство образования и подготовки кадров СРВ приняло основные направления в области преподавания иностранных языков, согласно которым во всех общеобразовательных школах страны в качестве основных иностранных языков остаются английский, русский, французский и китайский языки. Хотя на изучение английского языка Министерство увеличило число часов по сравнению с другими иностранными языками, тем не менее, русский язык все же сохранил статус одного из основных изучаемых языков.

Теперь перейдем к вопросу о Культурно-образовательных центрах Восточного института ДВГУ и той важной роли, которую они также могут сыграть в деле продвижения русского языка и русской культуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии и, в частности, во Вьетнаме.

Хотелось бы, прежде всего, отметить тот факт, что, несмотря на «годы застоя» в отношениях новой России и Вьетнама, о которых говорилось выше, ДВГУ не только не сократил набор студентов на вьетнамское отделение, но наоборот, его увеличил. Университет стал объявлять набор на вьетнамское отделение ежегодно. Если в 90 – е годы группы вьетнамистов состояли из 7-9 человек, то сегодня эти группы насчитывают уже по 10 и более студентов. Именно в этот период был подписан Договор о сотрудничестве между ДВГУ и Хайфонским университетом. А в 2000 году у нас был открыт остающийся единственным до сих пор в России Вьетнамский культурно-образовательный центр. Что он из себя представляет? Хотелось бы дать ему определение.

Конечно, это не только помещение, в котором собраны определенные артефакты, этнографический материал, библиотека и соответствующая видео-, аудио- и оргтехника. Хотя достойное помещение, оснащенное всем перечисленным выше, безусловно, непременное условие существования такого центра. Вторым, не по важности, а по перечислению, является вопрос о том, благодаря кому живет и работает этот центр. Ответ должен быть очевидным – благодаря работе соответствующей кафедры с ее преподавателями и студентами. Именно энтузиасты – студенты и преподаватели кафедры во главе с ее заведующим делают такой Центр живой, работающей структурой в составе факультета. В нашем случае – факультета изучения стран Южной и Юго-Восточной Азии.

Культурно-образовательный центр есть структурная единица в составе факультета, создаваемая приказом ректора на базе научного потенциала соответствующей кафедры с целью углубленного изучения и распространения знаний о самобытной культуре и языке Вьетнама, а также для реализации совместных российско-вьетнамских проектов,

связанных с продвижением русского языка и русской культуры во Вьетнаме. Данная цель достигается путем организации и проведения выставок, литературных вечеров, концертов, проведения Олимпиад по вьетнамскому языку. Другой важной задачей Культурно-образовательного центра является продвижение русской культуры среди вьетнамцев, проживающих у нас и во Вьетнаме. А поскольку русский язык есть неотъемлемая часть русской культуры, то соответственно задачей данного Центра также является продвижение русского языка среди вьетнамской диаспоры в Приморском крае и в самом Вьетнаме.

Хотя, как уже говорилось выше, преподаватели-русисты давно вьетнамской стороной не приглашаются, однако мы гордимся тем, что преподаватели ДВГУ составляют исключение. Наши преподаватели неоднократно приглашались для преподавания русского языка в Хайфонском университете.

Среди них были активисты Вьетнамского культурно-образовательного центра Ивашова М.А. и Горинская С.В.

Студенты, изучающие вьетнамский язык, также ежегодно выезжают большими группами на 10-месячную языковую стажировку в Ханойский, Хайфонский и Данангский университеты. Там они, помимо того, что совершенствуют свои знания по вьетнамскому языку, принимают самое активное участие в вечерах, посвященных русскому языку и русской культуре. Так, в 2009 г. наши студенты были задействованы в праздновании русской Масленицы, организованном Российским центром науки и культуры в Ханое.

Очень важным в деятельности Вьетнамского Культурно-образовательного центра является постоянное преподавание русского языка вьетнамцам, проживающим во Владивостоке. Вьетнамские граждане вместе со своими русскими преподавателями и студентами участвуют в праздновании Нового года, Рождества, Масленицы и других народных праздников.

Большим делом Вьетнамского культурно-образовательного центра ДВГУ явилась организация и проведение международной конференции «Вьетнам в современном мире», которая с успехом прошла в ДВГУ в 2005 г. В ней принял участие ряд вьетнамских ученых, в том числе декан факультета вьетнамского языка для иностранцев Ханойского университета профессор Нгуен Тъи Хуа и декан филологического факультета Хайфонского университета профессор Нгуен Дык Тхуан. Материалы конференции опубликованы издательством Дальневосточного государственного университета.

Считаем также большим достижением в работе Вьетнамского Культурно-образовательного центра издание общественно-политического и научно-познавательного журнала «Тропическая Азия», первый номер которого вышел в 2007г [6]. Журнал знакомит читателей не только с культурой наших соседей – стран АТР (в том числе и Вьетнама), но и рассказывает о их контактах и взаимодействии с русской культурой.

В Восточном институте ДВГУ работают также Индийский культурно-образовательный центр (директор – старший преподаватель кафедры индологии Ватса Сушил), Культурно-образовательный центр Республики Индонезия (директор – Ю.А. Москалев) и созданный недавно Культурно – образовательного центр Королевства Таиланд (директор – преподаватель тайского языка А. В. Голуб).

По нашему глубокому убеждению Культурно-образовательные центры ДВГУ обладают большими возможностями для продвижения русской культуры и русского языка в Индии, Вьетнаме, Индонезии и Таиланде. Здесь и сотрудничество с соответствующими Русскими центрами в преподавании русского языка, и совместное написание учебни-

ков, и составление словарей, а также – презентация Дальневосточного государственного университета, на базе которого создается Дальневосточный федеральный университет, с целью привлечения иностранных студентов для учебы. Кстати, нами уже получено приглашение на такую презентацию от Ю. А. Лавренева – директора Российского центра науки и культуры в Ханое во время встречи с ним в январе 2010 года.

Литература

1. Вьетнам в современном мире. Материалы международной конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 306 с.
2. Коваленко А. Г. О любви к России русскими стихами. Поэзия Ле Ван Няна. // Ле Ван Няна. По-русски я пишу стихи, смеюсь и плачу... Ханой: 2006. С. 5-8.
3. Ле Ван Няна. По-русски я пишу стихи, смеюсь и плачу... Ханой: 2006. 97 с.
4. Методический семинар повышения квалификации вьетнамских преподавателей русского языка: Сборник научно-методических статей. / Под общей ред. Т. М. Балыхиной. – Ханой: Изд-во Ханойского национального университета. 2006. 95 с.
5. Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии: Доклады и сообщения международной конференции. Ханой. 2005. 87 с.
6. Тропическая Азия. 2007. № 1.

УДК 378

Голуб А. В.

К 10-летию таеведения в ДВГУ

By the 10 th anniversary of Thai Studies in the Far Eastern University

Сообщение посвящено истории становления таеведения на Дальнем Востоке, а именно в ДВГУ. Автор кратко освещает историю развития российско-тайских отношений, обращает внимание на динамику развития международных связей между Приморским краем и Таиландом и необходимость наличия высококвалифицированных специалистов – таеведов.

Ключевые слова: *Таиланд, российско-тайские отношения, таеведение.*

Article is devoted to the history of Thai Studies in the Far East Region, at the Far Eastern National University. The author shortly tells about the developing of Russian-Thai relations and the relations between Primorsky region and Thailand and discusses the necessity to have high-qualified specialists in the Thai language and the Thai culture.

Key words: *Thailand, Russian-Thai relations, Thai studies.*

Отделению таеведения Дальневосточного государственного университета в 2009 году исполнилось 10 лет. Это – знаменательная дата не только в развитии нового научного направления в ДВГУ, но и в жизни российского востоковедения в целом.

«Подготовка специалистов по Таиланду со знанием тайского и английского языков началась в ДВГУ с 1999 г. До этого некоторое время его изучали вьетнамисты в качестве второго восточного языка. После пробного эксперимента был объявлен набор на специализацию «Тайская филология» [1, с. 21]. Решение изучать тайский язык, культуру, историю Таиланда полностью отвечало требованиям времени.

Название страны – Таиланд – сейчас на слуху у каждого. И нет такого человека, который бы хоть что-то не слышал о Таиланде, стране улыбок, как ее еще называют. Но мало кто знает, что российско-тайскими отношениям в 2007 году исполнилось 110 лет. Они были основаны на обоюдном желании обеих стран развивать политический диалог, торговлю и культурные связи. И, несмотря на то, что очень длительный промежуток времени отношения между нашими странами носили несколько нейтральный характер, с начала 90-х годов XX века в истории российско-тайских отношений началась новая веха. Наблюдается динамическое развитие двусторонних контактов в сферах торгово-экономических связей и туризма. А культурные обмены между Россией и Таиландом являются сегодня одной из наиболее развиваю-

щихся сфер двустороннего сотрудничества, что подкрепляется богатым культурным наследием и потенциалом двух стран, а также взаимным интересом друг к другу. Сфера образования является важным и перспективным направлением российско-тайского сотрудничества, так как именно образование играет своего рода основополагающую роль в плане подготовки специалистов по российско-тайским отношениям в обеих странах.

Вместе с тем активно развиваются связи Приморского края с Таиландом. 14 августа 2001 г. во Владивостоке было официально открыто Почетное консульство Королевства Таиланд. Почетным Консулом является Кулюшин Виталий Гарьевич. В сентябре 2006 г. Приморский край посетила делегация из 36 тайских бизнесменов. Результатом ее визита стало подписание Договора о побратимских связях между Находкой и провинцией Пхукет. Кроме того, между деканом факультета изучения стран Южной и Юго-Восточной Азии А.Я. Соколовским и господином Сакчай Пхетчай, профессором университета Раджапхат провинции Пхукет состоялся заинтересованный разговор о возможностях сотрудничества двух университетов и обмена студентами и преподавателями. Осенью 2009 г. во Владивостоке с визитом находилась большая делегация бизнесменов из Таиланда во главе с полномочным Министром Посольства Королевства Таиланд в Российской Федерации г-ном Сомпонг Сангуанбаном. Таким образом, целесообразность и важность открытия в Дальневосточном государственном университете отделения таеведения очевидна. Разносторонние международные связи между Приморьем и Таиландом требуют подготовки высококвалифицированных специалистов, владеющих тайским и английским языками, а также знаниями в области культуры, истории, экономики и политики Таиланда.

В России хорошие традиции преподавания тайского языка и страноведческих предметов по Таиланду имеют такие вузы как Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Институт стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет. На Дальнем Востоке первенство в изучении тайского языка и культуры Таиланда принадлежит Дальневосточному государственному университету. ДВГУ – единственный университет на территории Сибири и Дальнего Востока, где ведется подготовка таких уникальных специалистов.

На сегодняшний момент состоялось 3 выпуска дипломированных специалистов по этой специальности. Все они оказались востребованными и работают в различных местах: в Почетном консульстве Королевства Таиланд, в МИДе РФ, в отечественных и зарубежных туристических фирмах. В настоящее время на отделении таеведения обучается 14 студентов: 7 студентов на 4-м курсе и 6 – на 1-ом.

«Большая заслуга в становлении таеведения в ДВГУ принадлежит старшему преподавателю кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии А. В. Симоненю. В 1995 г. она поступила на спецфак ИСАА при МГУ, чтобы получить второе высшее образование и выучить тайский язык. До этого Анна Владимировна закончила истфак ДВГУ и двухгодичные курсы переводчика английского языка. В 1999 г., вернувшись в ДВГУ, была принята в штат кафедры преподавателем тайского языка» [1, с. 21]. Анна Владимировна завершила обучение в заочной аспирантуре и заканчивает работу над кандидатской диссертацией по истории российско-тайских отношений.

Нельзя не сказать о носителях языка, ведь без их помощи трудно представить становление нашего таеведения. Первым преподавателем тайского языка в ДВГУ был профессор Витайя Вонгдитхай из Чиангмайского университета. В 1998 г. профессор преподавал тайский язык вьет-

наместам в качестве второго восточного языка. Но главной его заслугой является написание русско-тайского разговорника, предназначенного для туристов и бизнесменов, «Едем в Таиланд». Вышел он в 2000 г. в издательстве ДВГУ и был переиздан в 2002 г. под названием «Мы в Таиланде». Вторым тайским преподавателем была Ванди Ратханапан, журналист по образованию. Она вела разговорный аспект тайского языка для студентов 3-го курса и студентов 1-го курса.

«Важный этап в преподавании тайского языка в ДВГУ связан с подписанием в июне 2001 г. Соглашения о взаимном сотрудничестве между ДВГУ и Рамкамхэнгским университетом (Бангкок)» [1, с. 21-22]. Данное соглашение предусматривает обмен опытом в области преподавания естественных наук, студенческие и преподавательские обмены и другие совместные проекты. За время сотрудничества в ДВГУ работали такие тайские преподаватели, как Артрон Четсумон, Патчарапи Тхапаннасот, Сомпак Чансугри и Атчара Пенгпанит. За исключением Атчары Пенгпанит все вышеперечисленные преподаватели являются преподавателями русского языка в известном в Таиланде Рамкамхэнгском университете. С нашей стороны преподаватели кафедры А.В. Симоненко, М.А. Ивашова, А.Я Соколовский, Д.Д. Мишукова, О.Д. Мальцева и А.В. Голуб преподавали русский язык тайским студентам в университете Бангкока. Благодаря такому взаимовыгодному сотрудничеству количество тайских студентов, желающих изучать русский язык, и наших студентов, которые хотят изучать тайский, стало заметно расти.

2009 год для таеведения в ДВГУ стал действительно знаменательной датой. Все дело в том, что 31 августа 2009 г. в Восточном Институте ДВГУ состоялось важное событие – открытие Культурно-образовательного центра Королевства Таиланд. Новый образовательный центр был создан по инициативе ректора ДВГУ профессора Курилова В.И., почетного консула Королевства Таиланд во Владивостоке г-на Кулюшина В. Г. и российско-тайской компании «ThaiRus Development Co., Ltd».

Главная задача Центра состоит в знакомстве жителей Владивостока и Приморского края с уникальной тайской культурой, проведение выставок, организация встреч с тайскими учеными, художниками, артистами, а также содействие развитию российско-тайского сотрудничества

Литература

1. Соколовский А. Я. Подготовка специалистов по Южной и Юго-Восточной Азии в Восточном Институте ДВГУ // Известия Восточного Института Дальневосточного государственного университета. Владивосток: Из-во ДВГУ, 2007. с. 7-36.

Лукин А.Л.

**Перевоплощения японской геополитики
(рецензия на книгу В. В. Совастеева «Геополитика
Японии с древнейших времен до наших дней».
Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 132 с.)**

**Reincarnations of the Japanese geopolitics (The review of V.V. Sovasteev's book
«Geopolitics of Japan since the most ancient times up to now».
Vladivostok: Publishing house of Far East National University, 2009. 132 p.)**

Статья представляет собой рецензию на книгу профессора ДВГУ Виталия Совастеева «Геополитика Японии с древнейших времен до наших дней». В книге прослеживаются истоки японского геополитического мышления, рассматриваются его наиболее важные этапы, а также анализируются его движущие факторы и причины.

Ключевые слова: *Япония, геополитика, внешняя политика, рецензия.*

The article reviews a book Japan's Geopolitics: from the ancient times up to the present day by Far Eastern National University professor Vitaliy Sovasteev. This book traces the origins of Japanese geopolitical thinking, overviews the most important stages in its evolution as well as analyzes its main driving factors and causes..

Key words: *Japan, geopolitics, foreign policy, review.*

Профессор Дальневосточного государственного университета, доктор исторических наук Виталий Совастеев по праву считается одним из наиболее авторитетных отечественных специалистов по японской общественно-политической мысли. Его новая книга посвящена эволюции геополитики Японии и охватывает обширнейший временной период с древности до конца XX века. Хотя книга аннотируется как учебное пособие, ее можно смело рекомендовать не только студентам и аспирантам, но и всем, кто интересуется Японией, ее внешней политикой, а также международными отношениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Геополитика – весьма многозначный термин и различные авторы зачастую трактуют его очень по-разному. В рецензируемой работе не содержится дефиниции этого понятия, однако из текста с достаточной очевидностью следует, что под геополитикой понимается набор основных приоритетов внешней политики государства, а также подкрепляющие их концепции и идеологические конструкции. Геополитика возникает из сложного взаимодействия объективных природно-географических условий существования государства, постоянно меняющегося международного баланса сил вокруг него, внутренних социально-политических тенденций развития общества и интеллектуально-идеологических процессов.

Композиция работы построена по хронологическому принципу на основе выделения ключевых этапов в развитии геополитики Страны восходящего солнца. Первый, традиционалистский, период формирования геополитических представлений берет начало с V-VIII вв. н. э., когда зарождалась государственность Японии, и продолжался примерно до середины XIX века, то есть фактически до конца эпохи сёгуната Токугава. На этом этапе общественно-политическая мысль Японии носила в основном синкретичный характер и геополитических концепций, как таковых в самостоятельном виде еще не существовало. Размышления о роли и месте Японии в международных отношениях выступали в качестве одного из элементов в рассуждениях о внутреннем устройстве общества и путях его совершенствования.

Геополитическая модель мира, характерная для японцев того времени, находилась под преобладающим влиянием китайского конфуцианства. В период династии Токугава сунское конфуцианство (неоконфуцианство) выступало в качестве официальной идеологии страны. Особый акцент делался на различиях, существующих между «законными» и «незаконными» правителями, а также на противопоставлении конфуцианской (то есть китайской и японской) цивилизации зарубежному варварству (с. 13-14). Однако со временем у ряда мыслителей пиетет перед Китаем уступает место ярко выраженному японоцентризму. Так, Мотоори Норинага (1730-1801) утверждал божественное происхождение Японии и превосходство японских национальных ценностей над китайскими (с. 17). В целом же, «традиционалистская геополитическая модель мира, сложившаяся на заре японской государственности, обладала высокой степенью устойчивости. Она сохранила свои основы не только на протяжении средневековья, но и в тот период времени, который в Европе связывается с наступлением нового времени» (с. 9).

Что касается фактической внешней политики, на протяжении средневековья Япония не предпринимала усилий для завоевания соседних стран. В. Совастеев объясняет это тем, что «воинственная энергия феодалов истощалась внутри страны, направляясь на междоусобные войны и внутреннюю колонизацию северо-восточных районов страны» (с. 7). Единственным крупным проявлением внешней экспансии стали корейские походы Тоётоми Хидеёси в конце XVI века.

К середине XIX века стало совершенно очевидно, что традиционалистская геополитическая модель не отвечает требованиям времени. Изоляционизм сёгуната Токугава тормозил развитие страны и грозил превратить Японию, вслед за Китаем, в легкую добычу западных держав, осуществлявших активную экспансию в Восточной Азии. 1850-60-е годы явились для Японии эпохой интенсивной борьбы политических сил и идеологий, кульминацией чего стали: ликвидация сёгуната, восстановление власти императора в 1868 году и отказ от политики изоляции от внешнего мира. В общественном мнении Японии победила точка зрения о пагубности сохранения системы закрытого государства. Япония вошла в глобальную систему международных отношений, хотя пока в качестве неравноправного ее субъекта.

Имея перед глазами печальный пример Китая, превращавшегося в полуколонию европейских империй, японские государственные лидеры и мыслители искали пути сохранения и укрепления национального суверенитета. Были выдвинуты формулы: «японская мораль, западная техника» и «богатое государство, сильная армия». Упор был сделан на заимствование наиболее эффективных иностранных технологий и общественно-политических институтов для форсирования экономического развития и создания мощных вооруженных сил. В этот период появляются и первые геополитические программы внешней экспансии. Так, выдающийся политический мыслитель Ёсида Сёин (1830 – 1859) заявлял: «Мы должны не только поддерживать то, что имеем, но также расширять нашу территорию, насколько это возможно». Он считал, что Япония должна захватить Корею, Китай и даже Индию (с. 44).

Сущностью следующего этапа геополитической эволюции Японии, который охватывает конец XIX – начало XX веков, является укрепление атлантистской ориентации Страны восходящего солнца. Одним из постулатов внешней политики стала концепция «дацуарон» («уход из Азии»), которая утверждала, что, Япония, хотя и находится в Восточной Азии, не должна приравниваться к Китаю, Корее и другим азиатским государствам. В. Совастеев приводит красноречивую цитату основоположника японского либерализма западного толка Фукудзава Юкити (1834 – 1901): «Мы не должны ждать соседние страны... Мы должны покинуть их ряды и присоединиться к цивилизованным государствам Запада на пути прогресса. Мы не должны вступать в какие-то особые отношения с Китаем и Корей, но вести себя с ними в той же манере, что и западные страны» (с. 68).

Одним из главных шагов Японии в этом периоде стало заключение союза с Великобританией в 1902 г. Альянс с самой могущественной европейской державой стал не только символом западной ориентации страны, но и позволил значительно укрепить стратегические позиции Токио в назревающем конфликте с Россией.

Еще одной тенденцией явилась рост националистических и шовинистических настроений в обществе, важными катализаторами которых выступали возникшие к концу XIX века политические партии и массовая пресса. Как отмечает автор книги, неправительственные круги (политические партии, общественные организации, свободная пресса) часто занимали во внешнеполитических делах более жесткую позицию, чем

правительство (с. 70).

Рост экономического и военного потенциала, подъем национализма, стремление подражать западным великим державам и не уступать им – все это толкало Японию на путь войн и захватов. Основными вехами в становлении японского империализма стали войны с Китаем (1894-95), Россией (1904-05), аннексия Кореи (1910). Создававшиеся в этот период геополитические концепции (например, доктрина создателя новой японской армии Ямагата Аритомо) обосновывали необходимость такой агрессивной политики.

Все большее значение во внешней политике Японии приобретала доктрина «особых интересов» в Китае, выразившаяся, в частности, в предъявлении «21 требования Китаю» в 1915 г. Курс Токио на подчинение Китая все больше вступал в противоречие с атлантистской ориентацией и вел к конфликту с западными странами, прежде всего с США. 1920-е годы были отмечены противоборством двух тенденций в японской внешней политике. Первая предполагала сдержанное и осторожное поведение на международной арене. Ей противостояли сторонники «активной», наступательной и агрессивной, внешней политики, которая таила в себе зародыш войны против всех (с. 95). Появляются геополитические доктрины установления японской гегемонии не только в Китае и Восточной Азии, но и во всем мире. К концу 1930-х Япония сделала окончательный выбор в пользу крупномасштабной экспансии в Азии. Официальное признание получили концепции «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», «восемь углов под одной крышей» и «Нового порядка в Великой Восточной Азии». По сути, они означали намерение Японии добиться единоличного господства в регионе, пусть даже ценой войны с западными державами. Ради достижения этой цели Япония пошла в 1940 г. на заключение Тройственного пакта с Германией и Италией, который признавал «руководящее положение» Токио в Восточной Азии.

Поражение Японии во Второй Мировой войне ознаменовало начало принципиального нового этапа ее геополитики. В ее основу была положена «доктрина Ёсидь», сформулированная в начале 1950-х годов премьер-министром Ёсида Сигэру (с. 117). Ее суть заключается в том, что Япония отказывалась от самостоятельной военно-стратегической роли и полагалась для обеспечения своей безопасности на альянс с США, в рамках которого Токио фактически соглашался на положение младшего партнера. В то же время Япония, под надежным прикрытием американского военного зонтика, могла сосредоточиться на социально-экономическом развитии и торговле, что позволило ей стать второй по хозяйственному потенциалу державой современного мира.

В. Совастеев отмечает, что с распадом Советского Союза геостратегическая ситуация вокруг Японии, как это ни парадоксально, усложнилась (с. 127). «Доктрина Ёсидь», которая с различными модификациями столь эффективно работала в годы холодной войны, оказалась уже не вполне адекватна изменившимся вызовам и угрозам. Однако в 1990-е годы у Японии так и не появилось новой геополитической доктрины. В отсутствие операциональной стратегии провозглашались «три столпа» внешней политики: 1) японо-американские отношения как основа внешней политики страны; 2) укрепление отношений с АТР; 3) участие в решении глобальных проблем (с. 128-129).

К сожалению, автор заканчивает свое повествование об эволюции японской геополитики 1990-ми годами. Между тем, как нам кажется, имело бы смысл проанализировать и те тенденции, которые проявились в 2000-е годы. Ведь именно в начале XXI века в Японии все громче стали раздаваться призывы к отказу от «неестественных» самоограничений в военно-политической сфере, к превращению Японии в «нормальную

страну», стратегический статус которой соответствовал бы ее экономическому потенциалу. Эти новые тенденции базируются на ряде важных факторов. В их числе – приход к власти более молодого поколения политиков, не испытавших лично трагедию Второй Мировой войны; вызов со стороны «поднимающегося Китая»; ракетно-ядерная угроза Северной Кореи; неуверенность в надежности гарантий безопасности, предоставляемых Америкой.

Книга В. Совастеева хорошо показывает своеобразную, «консенсусную», природу японской геополитики. В истории страны периоды острых споров и противоборства идей относительно оптимальной внешнеполитической стратегии, как правило, завершались формированием коллективного консенсуса и консолидацией общества вокруг избранного курса. Японская внешняя политика носит деперсонифицированный характер, она обычно не ассоциируется с отдельными «великими» деятелями. Почти всегда – она коллективный продукт политической и интеллектуальной элиты. Так, мы можем утверждать, что определяющую роль во внешней политике, например, Франции, Германии и России соответствующих исторических эпох играли Наполеон, Бисмарк и Путин. В Японии же довольно затруднительно назвать имя человека, который бы нес главную ответственность за политику страны (как внутреннюю, так и внешнюю). Можно ли, скажем, определить государственного лидера, ответственного за агрессию Японии в 1930-40-е годы? Это верховный глава государства император Хирохито? Военный премьер-министр генерал Тодзио? Или автор концепции «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» принц Коноэ Фумимаро? Одно из немногих исключений можно найти в конце XVI века, когда фактическим диктатором страны и единоличным руководителем ее внешней политики был полководец Тоётоми Хидэёси.

Вполне возможно, что в Японии сейчас созревает очередная коллективный консенсус о национальной геостратегии. Скорее всего, новый вариант геополитической доктрины будет подразумевать более значительную степень автономии Японии и отход от безоглядного следования в фарватере американской политики, а также углубление интеграционных связей с восточноазиатскими странами. Не исключено, что Токио возьмет курс на более тесное стратегическое сотрудничество с Пекином. Правда, для этого японцам придется преодолеть ряд своих психологических комплексов в отношении Китая. Симптоматичными в этой связи являются: победа на выборах в августе 2009 г. оппозиционной Демократической партии Японии и первые внешнеполитические шаги нового премьер-министра Хатояма Юкио, которые интерпретируются многими наблюдателями, как явный разрыв с внешнеполитическими установками правившей полвека Либерал – демократической партии.

Хотя в работе В. Совастеева нет отдельной главы, посвященной японо-российским отношениям, эта тема не обойдена вниманием. Автор, в частности, указывает на исторический факт, о котором у нас по понятным причинам не очень любят вспоминать. Речь идет о нападениях российских кораблей «Юнона» и «Авось», которые они по негласному указанию главы дипломатической миссии в Японию Н.П. Резанова совершили в 1806-07 гг. на японские поселения на Южном Сахалине и Южных Курилах (с. 28-29). Таким способом Японию пытались побудить к открытию торговых и дипломатических отношений с Россией. Этот печальный эпизод в немалой степени способствовал формированию в Японии стойкого представления об «угрозе с Севера».

Казалось бы, все это дела давно минувших дней. Но ведь у многих японцев до сих пор сохраняется мнение о нашей стране как о жестоком и грубом «северном медведе» и Россия отнюдь не входит в список наиболее симпатичных японцам государств. Дело тут не только в проблеме Юж-

ных Курил и деятельности японских правых радикалов. Сама Россия периодически подкрепляет свой мрачный имидж, например, открывая огонь на поражение по японским рыбакам-браконьерам. Споры нет – надо защищать свои морские биоресурсы. Но стоит ли делать это именно таким образом? Ведь Япония могла бы стать если не геополитическим нашим союзником, то очень ценным партнером. В книге В. Совастеева описаны моменты, когда среди японской элиты образовывались довольно влиятельные группировки, выступавшие за пророссийскую ориентацию. Но они никогда не одерживали верх. В том числе и по вине самой России, негибкое поведение которой, как, например, в период, предшествующий началу русско-японской войны, играло на руку сторонникам антиросийской линии.

После прочтения книги профессора В. Совастеева возникает впечатление, что японская геополитика, как будто следуя канонам буддизма, являет собой цепь перевоплощений, настолько по-разному и контрастно выглядят этапы ее эволюции. Самоизоляция эпохи Токугава сменяется бурным развитием внешних связей периода Мэйдзи. Агрессивный милитаризм и попытки создать восточноазиатскую империю уступают место пацифистскому меркантилизму. Судя по всему, сейчас геополитика Япония стоит на пороге очередного перевоплощения. Перевоплощения, которое опять может удивить многих.

Сокращения

- ПГОМ** – Приморский Государственный объединенный музей
им. В.К. Арсеньева
- РГИА ДВ** – Российский государственный исторический архив
Дальнего Востока

Наши авторы

- Биниконский Леонид Борисович**, к.и.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*).
- Глазкова Елена Александровна**, ассистент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** sh_elenaa@mail.ru
- Голуб Антонина Владимировна**, ассистент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*) **E-mail:** dorogaya_av@mail.ru
- Золотухин Иван Николаевич**, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** zolivnik@mail.ru
- Журбей Евгений Викторович**, к.и.н., доцент кафедры рекламы и связей с общественностью (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** cpr2001@rambler.ru
- Караман Вадим Николаевич**, к.и.н., ст. научный сотрудник (Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева, *г. Владивосток*). **E-mail:** karaman@mail.primorye.ru
- Ковылина Екатерина Владимировна**, ассистент кафедры восточных языков (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*) **E-mail:** kovylinakaterina@rambler.ru
- Литошенко Денис Александрович**, к.и.н., доцент кафедры культурологии (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, *г. Владивосток*). **E-mail:** magistr@hist.dvgu.ru
- Лукин Артем Леонидович**, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **Email:** artlukin@mail.ru
- Осипова Эрика Викторовна**, научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, *г. Владивосток*). **E-mail:** eossipova@yandex.ru
- Роговцева Анна Владимировна**, ассистент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** bissira@rambler.ru
- Соколовский А. Я.**, к.ф.н., профессор кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** yalishanda@mail.ru
- Сучкова Елена Валерьевна**, ассистент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, (Дальневосточный государственный университет, *г. Владивосток*). **E-mail:** elenanga@mail.ru

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на иностранных. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.]
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
12. Текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований,
не рассматриваются.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал.

2010 № 1(12)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 26. 02. 2010 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 12,0. Уч. -изд. л. 11,85. Тираж 200 экз. Заказ 000
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

<http://www.ojkum.ru/>

